

К. Д. КАВЕЛИНЪ.
РОД. 4 НОЯБРЯ 1818, УМ. 3 МАЯ 1885.

ПОСВЯЩАЕТСЯ
МОЛОДОМУ ПОКОЛѢНІЮ.

1591

171

ЗАДАЧИ ЭТИКИ

ПРОВЕРЕНО
-- 2012

УЧЕНИЕ О ПРАВСТВЕННОСТИ

ПРИ СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ЗНАНИЯ.

ПРОВЕРЕНО
2013г.

Е. Д. КАВЕЛИНА.

ПРОВЕРЕНО
1993/94 гг.

195

ПРОВЕРЕНО
1989/90 г.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА И БИОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ.

ПРОВЕРЕНО
1980/81 гг.

Проверено 1985 г.

Второе издание.

„Правда, нравственность и выгода
соединены нерасторжимыми узами“.
Кавелинъ, 1857.

БИБЛИОТЕКА
АУДИТОРИИ ВСЕНЕГО
ДЕЛА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1887.

ПРОВЕРЕНО
1950 г. № 2

Филиал Библиотеки
Ленинградского Офицерского Дома
Офицеров им. С. М. Никова

Инв. № 1980

1421

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ¹⁾.

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ родился въ Петербургѣ, 4 ноября 1818 г., въ одну изъ тяжелыхъ эпохъ нашей общественной жизни, наканунѣ 20-хъ годовъ. Его семья оставалась въ столицѣ до 1823 г., когда ему исполнилось 5 лѣтъ. Отецъ Кавелина, Дмитрій Александровичъ, былъ въ то время директоромъ петербургскаго университета, и въ извѣстномъ дѣлѣ лучшихъ профессоровъ той эпохи, Арсеньева (отца К. К. Арсеньева), Германа, Галича, Раушаха, явился ихъ ожесточеннымъ противникомъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Руничемъ ²⁾. Въ 1823 г., Кавелинъ-отецъ, вмѣстѣ со всею семьей, переѣхалъ на жительство въ Рязань, а когда его сыну исполнилось 11 лѣтъ, переселился въ

¹⁾ Въ 1886 г., съ мая мѣсяца, началось печатаніе въ „Вѣстникѣ Европы“,— продолжавшееся и въ 1887 г.,— матеріаловъ для біографіи покойнаго изъ его семейной переписки и воспоминаній о немъ близкихъ къ нему лицъ; эти матеріалы были собраны его племянникомъ Д. А. Корсаковымъ, профессоромъ казанскаго университета.

²⁾ Отецъ К. Д. Кавелина, Дмитрій Александровичъ (род. 1780 г.)—дворянинъ калужской губерніи, 6-ти лѣтъ былъ записанъ въ измайловскій полкъ; 7 л. произведенъ въ калтенармусы; 8 л.—въ сержанты; 15 л., въ 1795 г., выпущенъ капитаномъ въ московскій полевой батальонъ. Въ 1803 г., онъ былъ переименованъ изъ премьеръ-майора въ надворные совѣтники: служилъ въ Грузіи, потомъ, въ 1805 г., перешелъ въ мин. вн. дѣлъ. Въ 1812 г., отецъ Кавелина является уже директоромъ медицинскаго департамента; въ 1816 г., директоромъ гл. педагогическаго института, а въ годъ открытія петербургскаго университета, въ 1819 г., назначается директоромъ университета, первымъ ректоромъ котораго былъ избранъ тогда Балугьянскій, деканъ философско-юридическаго факультета.

1829 г. въ Москву, гдѣ, приготовленный домашнимъ воспитаніемъ, К. Д. Кавелинъ поступилъ въ 1835 г. въ университетъ, сначала по философскому факультету, а потомъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, перешелъ на юридическій факультетъ. Такимъ образомъ, дѣтство и отрочество Кавелина, когда получаютъ первыя и самыя сильныя впечатлѣнія, иногда на всю жизнь, прошли въ такой обстановкѣ, которая никакимъ образомъ не могла предвѣщать будущаго Кавелина — напротивъ. Быть можетъ, тутъ высказалось и вліяніе его матери, по происхожденію шотландки, изъ фамиліи Бѣлли, пуританскаго исповѣданія ¹⁾; первую наставницу Кавелина была его старшая сестра (она была старше его почти 10-ю гѣдами) Софья Дмитриевна, въ замужествѣ Корсакова ²⁾. На будущія „деревенскія“ симпатіи Кавелина могло имѣть вліяніе и то обстоятельство, что, во время пребыванія его семьи въ Рязани и Москвѣ (1823—1835 гг.), семья его проводила большую часть года въ своемъ родовомъ имѣніи, тульской губ., бѣлевскаго уѣзда, с. Ивановѣ, въ сельской обстановкѣ. Наконецъ, между полнымъ вступленіемъ Кавелина въ жизнь, — когда онъ, въ 1839 г., 21 года отъ роду, кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ со степенью кандидата и съ золотою медалью за сочиненіе: „О римскомъ владѣніи“, — и между его, отодвинувшимся далеко, на задній планъ, отрочествомъ, онъ попалъ въ другую среду — и въ этой уже средѣ приращенные ему наклонности и вкусы могли получить окончательное развитіе, которое и опредѣлило весь умственный и нравственный складъ жизни покойнаго. Въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, юношу готовилъ къ университетскому экзамену В. Г. Бѣлинскій; послѣдній, по рассказамъ Кавелина, дѣйствительно нашелъ въ немъ избалованнаго „барченка“ старой дворянской семьи; но, видно, этотъ „барченокъ“ исчезъ въ Кавелинѣ скоро и безвозвратно, и позже между нимъ и всѣмъ кружкомъ Бѣлинскаго завязались тѣ тѣсныя, интимныя отношенія, которымъ Кавелинъ остался въ идеѣ вѣрнымъ до конца своей жизни. „Ученикъ“ Бѣлинскаго сдѣлался послѣ — „другомъ“ Бѣлинскаго.

¹⁾ Осталась сиротою въ Петербургѣ 4 лѣтъ отъ роду, — выросла въ домѣ Левашевыхъ, откуда и вышла замужъ за Д. А. Кавелина.

²⁾ Мать профессора казанскаго университета Д. А. Корсакова; скончалась въ Казани, 27 февраля 1887 г.

Въ теченіе пяти лѣтъ со времени выхода изъ университета (1839—1844 гг.), Кавелинъ сначала готовился къ магистерскому экзамену, который и выдержалъ въ 1841 г.; въ 1842 г., онъ перѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ-было на службу по министерству юстиціи ¹⁾, но въ 1843 г. возвратился въ Москву для защиты диссертациі на магистра ²⁾, что открыло ему дорогу на кафедру, и въ 1844 г., 5 сентября, Кавелинъ читалъ, на юридическомъ факультетѣ, первую свою лекцію по исторіи русскаго законодательства: черезъ годъ ему было поручено преподаваніе русскихъ государственныхъ и губернскихъ учреждений, а также и законовъ о состояніяхъ — студентамъ всѣхъ факультетовъ ³⁾.

Годовое пребываніе въ Петербургѣ, въ 1842—43 г., Кавелинъ всегда относилъ къ самымъ счастливымъ воспоминаніямъ своей жизни: тутъ онъ встрѣтилъ тогда Бѣлинскаго, прожилъ съ нимъ все это время почти неразлучно, и въ эту-то эпоху окончательно укрѣпились между ними самыя дружескія отношенія.

Московскій періодъ дѣятельности Кавелина (1844—1848 гг.) былъ самымъ блестящимъ въ исторіи московскаго университета: тамъ читали тогда Грановскій, Кудрявцевъ, Рѣдкинъ, Соловьевъ, Крыловъ. Но для Кавелина этотъ періодъ былъ весьма непродолжителенъ: въ 1848 г. онъ уже оставилъ университетъ. И тѣмъ не менѣе профессорская дѣятельность Кавелина произвела на его слушателей такое глубокое впечатлѣніе, что, какъ видно, оно не изгладилось и до сихъ поръ. На его похоронахъ видѣли многихъ изъ его московскихъ слушателей, занимающихъ теперь высокіе посты, и нѣкоторые изъ нихъ впоследствии хотя разошлись съ своимъ профессоромъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ, но это имъ нисколько не мѣшало почитать память ихъ усопшаго наставника.

Въ своемъ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ памяти по-

¹⁾ Младшимъ помощникомъ столоначальника (20 сентября 1842 г.). Въ ноябрѣ 1843 г., онъ былъ причисленъ къ департаменту юстиціи, а въ мартѣ 1844 г. уволенъ.

²⁾ „Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства, въ періодъ времени отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ“.

³⁾ Въ маѣ 1844 года, Кавелинъ былъ опредѣленъ исправляющимъ должность адъюнкта, и только въ іюлѣ 1846 г. утвержденъ адъюнктомъ. Кроме того, въ 1847 г., онъ былъ опредѣленъ „на опытъ“ учителемъ законовѣденія въ специальномъ классѣ Александровскаго института въ Москвѣ.

койнаго, проф. А. Чупровъ такъ характеризуетъ преподавательскую дѣятельность Кавелина въ московскомъ университетѣ („Русск. Вѣд.“, № 128):

„Кавелинъ посвящалъ большую часть лекцій обзорнѣю первоначальнаго быта славянъ и изслѣдованію происхожденія древнѣйшихъ славянскихъ учреждений. Въ его чтеніяхъ исторія права обращалась въ исторію общественнаго быта съ преобладаніемъ юридическаго элемента. Часть лекцій Кавелинъ отдѣлялъ для чтенія и объясненія студентамъ древнихъ памятниковъ законодательства, начиная съ Русской Правды. Молодые люди съ увлеченіемъ слѣдили за талантливымъ развитіемъ теорій лектора и проникались убѣжденіемъ, что исторія права есть самая важная часть исторіи, что смѣна институтовъ и понятій юридическихъ вполне выражаетъ собою все историческое движеніе“. Вотъ какъ характеризуетъ чтенія К. Д. одинъ изъ тогдашнихъ слушателей (проф. Бестужевъ-Рюминъ, въ біографіи Ешевскаго): „До сихъ поръ еще свѣжо для меня то впечатлѣніе, которое я выносилъ изъ этихъ лекцій, полныхъ юношескаго пыла, свѣжихъ и яркихъ. Профессоръ былъ тогда почти такъ же молодъ, какъ и его слушатели, и оттого его воодушевленіе электрическою искрой сообщалось студентамъ. Общій смыслъ всей русской исторической жизни, еще до сихъ поръ запечатанный семью печатами, казался намъ уже постигнутымъ: мы вѣрили тому, что этотъ смыслъ, выраженный завѣтною смѣной трехъ началъ, родового, вотчиннаго и государственнаго, вполне передавался намъ изящною рѣчью одного изъ самыхъ изящныхъ профессоровъ, котораго мнѣ случалось слышать“. Съ взглядами, какіе Кавелинъ проводилъ въ своихъ лекціяхъ, онъ самъ познакомилъ русскую публику въ статьѣ, помѣщенной въ первой книжкѣ „Современника“ за 1847 годъ, подъ заглавіемъ: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“.

Къ вышеприведенной характеристикѣ Кавелина, какъ профессора, присоединимъ воспоминанія о томъ же предметѣ одного изъ старыхъ московскихъ студентовъ Н. П. Колюпанова, сообщившаго („Русск. Вѣд.“, № 123) нѣсколько весьма интересныхъ и рельефныхъ чертъ профессорской дѣятельности Кавелина въ Москвѣ, вслѣдъ за его смертью:

„Я слушалъ,—говоритъ г. Колюпановъ,—лекціи Константина Дмитриевича Кавелина,—въ сороковыхъ годахъ. Онъ былъ тогда

совсѣмъ юный профессоръ, не старѣе иныхъ студентовъ, полный силъ, вполне преданный наукѣ, разработкѣ которой онъ положилъ прочное и самобытное начало. Я оставляю въ сторонѣ его чисто ученую профессорскую дѣятельность, которая не можетъ быть предметомъ бѣглой замѣтки; постараюсь передать его отношенія къ студентамъ, что было несравненно важнѣе лекцій. Последнія отошли въ область исторіи,—наука пошла несравненно далѣе, и самъ Константинъ Дмитриевичъ въ позднѣйшихъ своихъ литературныхъ трудахъ перешелъ совсѣмъ на другую почву; но его отношенія къ студентамъ воспитали цѣлое поколѣніе, дѣятельность котораго продолжается до сихъ поръ и несомнѣнно отразится въ ближайшемъ будущемъ.

„Въ то время, большинство профессоровъ (Грановскій, Кавелинъ, Рѣдинъ и др.) посвящали свои воскресныя утра бесѣдамъ со студентами; въ особенности часто и усердно посѣщались эти бесѣды у Грановскаго и Кавелина. Бесѣды Грановскаго отличались, такъ сказать, большею торжественностью: Тимоѣей Николаевичъ былъ старше Константина Дмитриевича и лѣтами, и университетскою службою; онъ былъ окруженъ въ глазахъ студентовъ ореоломъ, который, при всемъ глубокомъ уваженіи, постоянно напоминалъ объ относительной разности между молодымъ человекомъ и профессоромъ, воспитавшимъ уже нѣсколько поколѣній. Поэтому на бесѣдахъ у Грановскаго студенты держались сдержаннѣе и ограничивались большею частью совѣтами по текущимъ занятіямъ и общими разсужденіями о выдающихся явленіяхъ въ чисто научной сферѣ, на которыя обращалъ вниманіе своихъ гостей всегда радушно принимавшій молодежь хозяинъ. Но съ Кавелинымъ студентовъ сближалъ прежде всего возрастъ; кромѣ того, въ свои отношенія къ нимъ онъ вносилъ столько рѣдкой, искренней и душевной теплоты, что передъ нимъ всѣ являлись, такъ сказать, на распашу, каждый готовъ былъ ему открыть свою душу и въ отвѣтъ получалъ такое участіе, котораго онъ могъ бы ожидать отъ самаго преданнаго друга, какъ бы ни былъ мелоченъ тотъ случай, который подавалъ поводъ къ объясненію съ Константиномъ Дмитриевичемъ. Оттого между Кавелинымъ и студентами образовалась та великая нравственная связь, которая клала отпечатокъ на цѣлую жизнь и установила между людьми, которыхъ судьба впоследствии разсѣвала по всей русской землѣ,

—известное единство стремлений, задач и усилий, направленных къ достиженію цѣли, намѣченной еще въ эпоху подготовленія къ практической дѣятельности.

„Кавелинъ всячески старался пріохотить студентовъ къ серьезнымъ занятіямъ, не ограничиваясь тупымъ и бесплоднымъ заучиваніемъ лекцій, ради экзамена и диплома. Каждый разъ, въ началѣ своей лекціи, Кавелинъ указывалъ очередного студента, который къ слѣдующему разу обязанъ былъ составить эту лекцію; Кавелинъ возвращалъ ее исправленною, или, если она совсѣмъ оказывалась негодною, вызывалъ къ себѣ на домъ, для объясненія, составителя и заставлялъ передѣлать. На своихъ воскресныхъ бесѣдахъ онъ указывалъ тему для разработки, объяснялъ направленіе, снабжалъ источниками. Такъ онъ роздалъ для обработки всю эпоху Петра въ видѣ отдѣльныхъ монографій. Въ результатъ получились двѣ работы, напечатанныя въ „Современникѣ“, изъ той эпохи: одна—Афанасьева, а другая—Егунова, положившія начало литературной дѣятельности обоихъ. Подъ ближайшимъ руководствомъ Кавелина въ то же время Ерышковъ,—котораго въ особенности поддерживалъ Кавелинъ, какъ единственнаго въ то время студента изъ крестьянъ,—составилъ сводъ губныхъ грамотъ. Постоянными посѣтителями бесѣдъ Кавелина были Ѡ. М. Дмитріевъ, Б. Н. Чичеринъ, А. М. Унковскій и др.; на нихъ являлись даже студенты другихъ факультетовъ, такъ что скромный кабинетъ едва вмѣщалъ массу собравшихся гостей. Изрѣдка студенческая бесѣда оживлялась присутствіемъ лицъ, не принадлежавшихъ къ университетскому кружку; такъ, я помню не разъ участвовавшихъ—В. П. Боткина, Сатина.

„Но преобладающее мѣсто въ воскресныхъ бесѣдахъ занималъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Составъ студентовъ былъ тогда другой: большинство ихъ принадлежало къ помѣщикамъ, къ рабовладельцамъ, какъ, не стѣсняясь, заявлялъ имъ въ глаза Константинъ Дмитріевичъ. Его рѣзкій, беспощадный протестъ противъ крѣпостного права имѣлъ громадное значеніе. Въ умѣ всякаго шевельнулось сомнѣніе; болѣе или менѣе, но невольно, протестъ этотъ переходилъ въ слушателей. Какъ-то совѣстно становилось обращаться къ этому явленію такъ спокойно и безразлично, какъ это дѣлалось до знакомства съ Константиномъ Дмитріевичемъ. И эта дѣятельность не прошла безслѣдно. Не мало его слуша-

телей явилось впоследствии и въ числѣ меньшинства губернскихъ комитетовъ, и въ рядахъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Такимъ образомъ, дѣло, которому Константинъ Дмитріевичъ посвятилъ цѣлую свою жизнь,—онъ началъ еще въ своей молодости, съ первыхъ шаговъ своей профессорской дѣятельности, въ то время, когда для большинства крѣпостное право представлялось незыблемымъ устоемъ русской жизни“..

Оставленіе, въ 1848 году, каведры въ московскомъ университетѣ, раздѣлившее жизнь Кавелина на два періода: московскій (1829—1848 гг.) и петербургскій (1848—1885 гг.), было единственнымъ крупнымъ событіемъ, не имѣвшимъ никакого отношенія къ теченію общественной жизни; но и это дѣло было порывомъ добраго, гуманнаго чувства, приведшаго его въ прикосновеніе съ формальнымъ правомъ другой стороны. Кавелинъ, какъ известно, заключилъ эту „исторію“ самопожертвованіемъ: считая своего противника болѣе заслуженнымъ и полезнымъ для науки, онъ поспѣшилъ подать въ отставку, чтобы сохранить университету одного изъ лучшихъ его преподавателей, и одновременно съ тѣмъ переселился навсегда въ Петербургъ.

Въ сентябрѣ того же 1848 г., Кавелинъ устроился сначала на службѣ въ хозяйственномъ департаментѣ мин. внутр. дѣлъ, редакторомъ „городского отдѣленія“, гдѣ и оставался до 1850 г.; въ 1850 г., онъ былъ перемѣщенъ въ штабъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, начальникомъ воспитательнаго отдѣленія штаба; въ 1853 г., Кавелинъ получилъ мѣсто начальника отдѣленія въ канцеляріи комитета министровъ, но, вслѣдствіе ходатайства Наслѣдника Цесаревича, былъ оставленъ, по Высочайшему повелѣнію, при штабѣ, въ качествѣ члена учебнаго комитета по военно-учебнымъ заведеніямъ, безъ особаго содержанія за то. Всѣ эти служебныя обязанности были оставлены Кавелинымъ въ 1857 г., когда онъ вступилъ снова на кафедру ординарнымъ профессоромъ по юридическому факультету петербургскаго университета.

Московскій университетъ, можно сказать, утратилъ много въ лицѣ Кавелина, но тѣмъ не менѣе случайное переселеніе его въ Петербургъ слѣдуетъ назвать въ общественномъ смыслѣ счастливымъ: Кавелинъ попалъ такимъ образомъ въ тотъ самый центръ,

гдѣ съ половины 50-хъ годовъ пошла быстро впередъ сильная и довольно открытая подготовительная работа по вопросу объ освобожденіи крестьянъ; онъ, носившій давно въ себѣ эту задачу, могъ легко сблизиться, и дѣйствительно сблизился, съ людьми, которымъ вскорѣ было суждено выступить исполнителями дѣла. Самая служба въ Петербургѣ, бывшая, конечно, дѣломъ опять простого случая, осталась не безъ вліянія въ томъ же смыслѣ. Во главѣ ближайшаго управленія военно-учебными заведеніями стоялъ тогда Я. И. Ростовцевъ, имѣвшій потомъ, какъ извѣстно, большое вліяніе на ходъ крестьянскаго вопроса. Благодаря переселенію въ Петербургъ, Кавелинъ получилъ въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ доступъ и въ общество великой княгини Елены Павловны, гдѣ, начиная съ 1855 г., весьма серьезно интересовались задачами, имѣвшими отношеніе къ крестьянскому вопросу. Таланты Кавелина, его неотразимое личное обаяніе—не могли не производить впечатлѣнія на тѣхъ, кому изъ этого общества вскорѣ предстояло практически осуществлять дѣло освобожденія крестьянъ. Голосъ Кавелина, искренній, убѣжденный, не могъ въ такой средѣ пропадать даромъ,—и вотъ гдѣ надобно искать начала серьезнаго, хотя и невидимаго вліянія Кавелина на дальнѣйшую судьбу крестьянскаго вопроса. При дворѣ покойной великой княгини, одной изъ просвѣщеннѣйшихъ женщинъ того времени, Кавелинъ могъ найти себѣ вторично аудиторію, но уже специальную, и притомъ, какъ мы сказали, состоявшую изъ будущихъ дѣятелей въ той области, которая всегда была самою интересною въ глазахъ покойнаго.

Такъ прошло первое десятилѣтіе петербургской жизни Кавелина (1848—1857 гг.), можетъ быть, самое важное для его біографа, но едва ли не менѣе всего доступное изслѣдователю, такъ какъ большинства главныхъ лицъ упомянутаго общества не существуетъ, и теперь только немногіе могутъ свидѣтельствовать о немъ. Отъ этой эпохи остались зато слѣды его обширной литературной и ученой дѣятельности въ многочисленныхъ статьяхъ, состоявшихъ преимущественно въ критическомъ разборѣ сочиненій по русской исторіи и юриспруденціи; всѣ эти статьи помѣщались, между 1848 и 1857 гг., въ журналахъ „Современникъ“ и „Отечественныя Записки“, и составили почти цѣлыхъ три тома въ собраніи сочиненій К. Д. Кавелина, появившемся въ 1859 г. (изд. Солдатенкова, въ Москвѣ).

Въ 1857 г. и въ судьбѣ Кавелина, и въ исторіи крестьянскаго вопроса, совершился поворотъ: въ сентябрѣ этого года Кавелинъ вступилъ на кафедру русскаго гражданскаго права, въ петербургскомъ университетѣ, и вскорѣ затѣмъ былъ приглашенъ читать лекціи по энциклопедіи законовѣденія покойному Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу; а 20 ноября того же года послѣдовалъ призывъ покойнаго Государя къ дворянству, приглашавшій его на дѣло освобожденія крестьянъ.

Въ своей вступительной лекціи въ университетѣ, Кавелинъ, возвращаясь къ воспоминаніямъ о прерванной имъ профессурѣ въ Москвѣ, говорилъ такъ:

„Тринадцать лѣтъ тому назадъ, еще молодымъ человѣкомъ (тогда Кавелину было 26 лѣтъ), я вступалъ на кафедру въ старѣйшемъ изъ русскихъ университетовъ. Это была счастливая пора. Жизнь манила впередъ. Наука, лекціи, дружба наполняли существованіе. Въ памяти моей воскресаютъ образы дорогихъ наставниковъ и товарищей, которые словами участія или строгимъ совѣтомъ дружбы руководили первые робкіе мои шаги на ученомъ поприщѣ. Многихъ изъ нихъ уже нѣтъ болѣе въ живыхъ. Въ теперешнюю торжественную для меня минуту сердце сжимается скорбью при мысли, что я никогда не увижу ихъ больше, никогда уже не услышу ихъ голоса. И теперь, возвращаясь на кафедру черезъ девять лѣтъ, я приношу съ собой то же непоколебимое убѣжденіе въ высокомъ значеніи науки, ту же горячую вѣру въ высокія историческія судьбы отечества, то же довѣріе къ нашимъ молодымъ поколѣніямъ, въ особенности университетскому, которымъ по закону естественнаго преемства принадлежитъ будущее; наконецъ, ту же готовность работать для науки и кафедры по крайнему разумнѣю, по мѣрѣ силы“.

Но и на этотъ разъ профессорская карьера Кавелина продолжалась не болѣе четырехъ лѣтъ (1857—1861 гг.), какъ то было и въ Москвѣ, и точно такъ же, какъ въ Москвѣ, Кавелинъ, по нравственному и научному вліянію на учащуюся молодежь, занималъ первенствующее мѣсто въ коллегіи профессоровъ. Впрочемъ, упомянутое уже нами обаяніе личности покойнаго сопровождало его въ жизни неразлучно, куда бы онъ ни появлялся. Такое же впечатлѣніе онъ произвелъ и на своего царственнаго ученика: покойный Наслѣдникъ Цесаревичъ, много лѣтъ спустя, часто вспо-

миналь о лекціяхъ Кавелина, продолжавшихся не болѣе года (въ 1857—1858 гг.), и о немъ самомъ, и при всякомъ случаѣ, у своихъ профессоровъ, лично знавшихъ Кавелина, спрашивалъ о немъ, постоянно интересовался его судьбой; по всему было видно, что Кавелинъ оставилъ въ немъ самыя свѣтлыя и пріятныя воспоминанія. „А что Константинъ Дмитріевичъ?“—это было со стороны покойнаго Наслѣдника Цесаревича неизбѣжнымъ вопросомъ, котораго онъ почти никогда не забывалъ дѣлать, и всегда посылалъ ему привѣтъ отъ себя. Дѣйствительно, К. Д. Кавелинъ обладалъ необычайнымъ свойствомъ, говоря однимъ и тѣмъ же языкомъ и проповѣдая тѣ же идеи и въ кабинетѣ Наслѣдника Цесаревича, и въ университетской аудиторіи, производить одинаковое впечатлѣніе, вездѣ привязывать къ себѣ и одинаково во всѣхъ возбуждать чувства добраго, справедливаго и великодушнаго. Это былъ его личный секретъ, унесенный имъ въ могилу.

Въ этотъ же четырехлѣтній періодъ, Кавелинъ въ первый разъ выступилъ публично и по крестьянскому вопросу. Почти вслѣдъ за упомянутымъ рескриптомъ дворянству, 20 ноября 1857 года, Кавелинъ, воспользовавшись зимними вакаціями, ѣздилъ въ Москву, и тамъ, на публичномъ обѣдѣ, на которомъ собралось все что было лучшаго въ Москвѣ, произнесъ замѣчательную рѣчь:

„Мы знаемъ,—говорилъ онъ,—о великодушномъ призывѣ Государя къ дворянству, послѣдовавшемъ 20 ноября. Этого 20 ноября чаяли многія поколѣнія, уже сошедшія въ могилу; его издавна провидѣли и предсказывали лучшіе умы и благороднѣйшія сердца; оно озабочивало многія царствованія; въ ожиданіи его истомилось много сердець, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и раздумье всѣхъ. Только будущее, сокрытое отъ насъ, смутно лишь предугадываемое, можетъ выказать всѣ матеріальныя, гражданскія и нравственныя послѣдствія великаго дѣла, начатаго 20 ноября. Нашъ долгъ и признаніе—приготовиться къ нему достойнымъ образомъ, ибо мы видимъ начало разрѣшенія задачи, сложившейся цѣлыми вѣками русской исторіи; но многіе изъ насъ еще не ступаютъ на святую, обѣтованную землю. Пусть же другіе, послѣ насъ, не упрекнутъ насъ въ легкомысленномъ къ нимъ равнодушіи, но съ благодарностью вспомнятъ трудъ и любовь, которые и мы принесли на общее дѣло, насколько мы могли и умѣли. 20-е ноября открываетъ для насъ возможность озаботиться

о правильномъ устройствѣ нашего экономическаго быта. Я говорю: возможность, потому что нашему благоразумію и любви къ отечеству предоставлено прискаты среднія мѣры для соглашенія разрозненныхъ и разнорѣчащихъ интересовъ. Чтобы оцѣнить весь глубокой смыслъ этого довѣрія, вспомнимъ, что общественная жизнь неуклонно развивается, и не въ человѣческихъ силахъ измѣнить ея ходъ, подчиненный извѣстнымъ законамъ; но отъ людей зависитъ путь, по которому развивается народная жизнь. Люди или предугадываютъ общественныя потребности и мудро направляютъ въ этомъ смыслѣ свои дѣйствія, или они отступаютъ передъ задачей и, увлекаясь разными побужденіями, отклоняются отъ предстоящаго, ближайшаго дѣла. Въ первомъ случаѣ жизнь совершается стройно, послѣдовательно, трудности устраняются безъ существенныхъ жертвоугодій, со всевозможной пощадой интересовъ всѣхъ и каждого; во второмъ—задача все-таки рѣшается, но только сама собой, какъ придется, съ матеріальнымъ ущербомъ и безъ чьей либо заслуги, напротивъ, съ утратою нравственнаго достоинства, въ подтвержденіе неоспоримой истины, что правда, нравственность и выгода соединены нерасторжимыми узами“.

Эта рѣчь была только сокращеніемъ того, что составляло спеціальнѣйшій предметъ изслѣдованія крестьянскаго вопроса въ особой запискѣ Кавелина, которая ходила въ то время по рукамъ между людьми, близко заинтересованными въ разрѣшеніи этого важнаго вопроса на практикѣ. Въ первыхъ книжкахъ „Современника“, за 1858 годъ, появилось извлеченіе изъ этой записки, подъ заглавіемъ: „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“, и притомъ въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ то было возможно, по усмотрѣнію еще существовавшей тогда предварительной цензуры¹⁾. Капитальною стороною въ дѣлѣ освобожденія былъ вопросъ о надѣлѣ, раздѣлившей самихъ партизановъ освобожденія: Кавелинъ въ своей запискѣ стоялъ горячо за освобожденіе съ земельнымъ надѣломъ, съ цѣлью спасенія Россіи отъ сельскаго пролетаріата, а вмѣстѣ

¹⁾ Статья была напечатана безъ подписи автора, и притомъ безъ его согласія, вѣроятно по одному изъ списковъ, ходившихъ въ то время по рукамъ въ городѣ, а потому не трудно было послѣ узнать имя автора. Подлинная записка, во всемъ своемъ объемѣ, сохранялась Кавелинымъ до конца его жизни, и вполне заслуживаетъ быть напечатанною теперь, какъ любопытный историческій документъ, имѣвшій большое значеніе при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса.

и городского. Мысль Кавелина въ 1858 году была признана неудобною, и авторъ статьи напелъ себя вынужденнымъ отказаться и отъ преподаванія Наслѣднику Цесаревичу, и отъ всякаго вознагражденія, въ томъ или другомъ видѣ, какое ему предлагалось, вѣроятно, съ цѣлью ослабить впечатлѣніе такого внезапнаго удаленія Кавелина. Можно потому думать, что неудовольствіе противъ Кавелина не было особенно глубоко; Кавелинъ явился жертвою и временною уступкою сильнымъ въ то время противникамъ освобожденія крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ; и дѣйствительно, три года спустя, 19 февраля 1861 года, освобожденіе крестьянъ было осуществлено именно по той программѣ, которую защищалъ Кавелинъ, и за которую пришлось ему потерпѣть.

Въ томъ же 1861 г. закончилась и профессорская карьера покойнаго въ петербургскомъ университетѣ; но на этотъ разъ Кавелинъ подалъ прошеніе объ отставкѣ не по личнымъ причинамъ, а вслѣдствіе своего убѣжденія, что онъ не можетъ болѣе исполнять обязанности профессора такъ, какъ онъ ихъ всегда понималъ. Послѣдовавшая, мѣсяць спустя послѣ отставки Кавелина, личная перемѣна и въ самомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, вызвавшемъ его отставку, не сдѣлала существенной перемѣны въ судьбѣ Кавелина: при открытіи университета въ 1862 г., онъ не могъ возвратиться на оставленную имъ кафедру, но въ то же время получилъ приглашеніе отъ попечителя одесскаго округа занять кафедру въ открывавшемся тогда новороссійскомъ университетѣ; это послѣднее предположеніе не могло, однако, осуществиться, и Кавелинъ ограничился только принятіемъ сдѣланнаго ему вызова со стороны новаго министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина—отправиться за границу, съ цѣлью собрать всѣ необходимыя свѣденія объ иностранныхъ университетахъ и подготовить, такимъ образомъ, матеріалы для реформы университетскаго устава, осуществленной въ 1863 году. Кавелинъ провелъ болѣе года за границей, и его работы были помѣщены въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1862 и 1863 гг. и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

Послѣднее двадцатипятилѣтіе жизни Кавелина (1861—1885 гг.) началось и протекло почти уже на глазахъ большинства живущихъ и теперь поколѣній. Цѣлую четверть столѣтія жизни, полной силъ, Кавелинъ оставался собственно не у дѣлъ, совершенно

въ сторонѣ отъ большихъ теченій общественной жизни: онъ, правда, состоялъ въ этотъ періодъ времени на службѣ въ министерствѣ финансовъ, какъ его юрисконсультъ¹⁾; нѣтъ сомнѣнія, что онъ принесъ дѣлу немалую долю пользы и своими обширными свѣденіями, и своимъ глубоко честнымъ, правдивымъ характеромъ, но едва ли будущій биографъ остановится на этой сторонѣ дѣятельности Кавелина, — до такой степени она представляется эпизодомъ, случаемъ, въ главномъ руслѣ теченія жизни и помысловъ покойнаго. Только въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ, Кавелинъ, какъ бы въ силу поговорки: „on revient toujours à ses premiers amours“, принялъ кафедру въ военно-юридической академіи²⁾; но его служба, благодаря преждевременной смерти, была и тутъ коротка, и явилась въ его жизни какъ бы только для того, чтобы послужить новымъ доказательствомъ, что и на склонѣ своихъ лѣтъ, несмотря на всѣ физическія тревоги, невзгоды и слѣпые удары судьбы, безпощадно косившей около него все, чѣмъ жило его прекрасное сердце, онъ не утратилъ прежняго своего обаянія на молодыхъ слушателей, которое, впрочемъ, распространялось на всякаго, кто имѣлъ наслажденіе слушать его всегда горячую, задушевную бесѣду. Присутствовавшіе на панихидахъ и на погребеніи Кавелина видѣли самыя трогательныя сцены беззавѣтной, истинно-сыновней любви учениковъ къ своему обожаемому профессору. Вѣчно юное сердце самого Кавелина находило всегда себѣ откликъ въ такихъ же юныхъ сердцахъ, и затѣмъ положеніе слушателей, ихъ внѣшняя, самая разнообразная обстановка, предшествующая исторія воспитанія, на этотъ разъ весьма различная—все это нисколько не измѣняло впечатлѣнія слушателей, и Кавелинъ вездѣ завоевывалъ себѣ безпредѣльную симпатію, съ перваго слова и навсегда.

Въ числѣ многочисленныхъ воспоминаній о Кавелинѣ, которыя были вызваны его смертью, намъ встрѣтилось нѣсколько словъ о покойномъ, высказанныхъ однимъ изъ его бывшихъ старѣйшихъ учениковъ военно-юридической академіи, г. Шавердовымъ („Волжскій Вѣстникъ“, № 102):

¹⁾ Поступилъ на службу въ декабрѣ 1864 г., по приглашенію К. К. Грота, въ эпоху образованія акцизной системы, смѣнившей откупную.

²⁾ Началъ читать лекціи въ сентябрѣ 1878 г., съ самаго основанія военно-юридической академіи.

„Какъ теперь помню ту минуту,—говоритъ авторъ воспоминаній,—когда въ аудиторію къ намъ, впервые, вошелъ небольшого роста, довольно полный, старичокъ съ большимъ выпуклымъ лбомъ мыслителя, карими, пронзательными глазами, пристально и прямо глядящими изъ-подъ очковъ, и сѣдой окладистой бородой: это и былъ К. Д. Кавелинъ. Яснымъ, привѣтливымъ взоромъ окинулъ онъ насъ, слушателей, только-что поступившихъ въ академію, и мягкимъ, задушевымъ голосомъ началъ вступленіе къ своему курсу... Сначала было трудно слѣдить за его мыслью, трудно было разобратъся въ массѣ непривычныхъ для слушателей строго-научныхъ положеній лектора, но мало-по-малу онъ овладѣвалъ своей аудиторіей, умственный горизонтъ слушателей расширялся, и все то, что казалось до тѣхъ поръ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ общественной жизни, не стоящимъ особаго вниманія, получало глубокій смыслъ и значеніе, подвергшись философскому анализу уважаемаго профессора.

„Въ ряду профессоровъ военно-юридической академіи, кромѣ К. Д. Кавелина, находилось еще нѣсколько выдающихся въ ученомъ мірѣ лицъ — каковы: Н. А. Неклюдовъ, С. Бершадскій, Н. Коркуновъ и др.; но, по справедливости надо сказать, что никто изъ нихъ не могъ сравняться съ Кавелинымъ по тому нравственному вліянію на аудиторію, какимъ обладалъ этотъ профессоръ. Вліяніе его на слушателей, если можно такъ выразиться, не ограничивалось стѣнами аудиторіи и профессорской кафедрой—нѣтъ; для этого почтеннаго и гуманнѣйшаго человѣка не было большаго удовольствія, какъ бесѣдовать съ слушателями „въ аудиторіи“, разъяснять имъ непонятныя мѣста его лекцій или же отвѣчать, вообще, на вопросы, такъ или иначе касающіеся теоріи гражданского права... Предъ выходомъ изъ академіи, слушатели моего курса поднесли глубоко-уважаемому К. Д. Кавелину альбомъ съ своими фотографическими карточками и получили взаменъ, каждый, по кабинетному портрету профессора, съ его факсимиле“.

Приведенное нами мѣсто изъ воспоминаній г. Шавердова любопытно еще и тѣмъ, что авторъ говоритъ о Кавелинѣ 80-хъ годовъ почти то же самое, что, какъ мы видѣли, говоритъ старый московскій студентъ, г. Колюпановъ, о Кавелинѣ 40-хъ годовъ.

Въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ Кавелину представился случай возвратиться въ министерство народнаго просвѣщенія и за-

нять постъ попечителя дерптскаго учебнаго округа. Друзья покойнаго сожалѣли о разлукѣ съ нимъ, но вмѣстѣ радовались, что такое лицо, подобное Пирогову, займетъ мѣсто, вполне соответствующее его характеру, и лучше чѣмъ кто-либо выйдетъ изъ тѣхъ особыхъ затрудненій, какія представляетъ край для административнаго дѣятеля. Кавелинъ, однако, отказался, находя, что онъ не удовлетворитъ ни ту, ни другую сторону, а дѣйствовать по чужой программѣ онъ не умѣетъ.

Если Кавелинъ въ самое послѣднее время принялъ званіе президента Вольнаго Экономическаго Общества, то только потому, что занятія въ этомъ Обществѣ, какъ онъ полагалъ, поставятъ его лицомъ къ лицу съ любимымъ предметомъ всей его жизни—вопросами крестьянскаго хозяйства. Весьма скоро, однако, онъ нашелъ себя вынужденнымъ сложить свое новое званіе; онъ не желалъ тратить своихъ силъ на мелкую борьбу, притомъ поставленную на почву интересовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ интересами общественными; и тѣмъ еще болѣе внушилъ къ себѣ уваженіе со стороны тѣхъ, которые не переставали цѣнить его и послѣ сложенія имъ съ себя званія президента.

Такимъ образомъ, можно сказать, что въ послѣднее двадцатипятилѣтіе Кавелинъ держалъ себя почти совсѣмъ въ сторонѣ, и тѣмъ не менѣе его авторитетъ, его имя и въ эту эпоху росли съ каждымъ годомъ и все болѣе и болѣе выигрывали въ общественномъ мнѣніи. Всѣмъ этимъ онъ былъ обязанъ своимъ публицистическимъ трудамъ въ специальной области крестьянскаго вопроса, который не представлялся ему вполне рѣшеннымъ однимъ актомъ освобожденія, хотя бы и съ земельнымъ надѣломъ. Въ то же время Кавелинъ взялъ на себя практическое осуществленіе своихъ идей въ небольшомъ районѣ своего роднаго села Иванова, бѣлевскаго уѣзда, тульской губерніи, гдѣ онъ устроилъ сыроварню, деревенскій банкъ, двѣ школы. Въ послѣдніе годы жизни, Кавелинъ интересовался также вопросы высшаго порядка, и результатомъ того явился рядъ его замѣчательныхъ этюдовъ изъ области психологіи и морали, заключившійся предсмертною работою, подъ заглавіемъ: „Задачи этики“; она была имъ посвящена той же молодежи, которая, вмѣстѣ съ крестьянскимъ міромъ, составляла любимый предметъ заботъ всей его жизни ¹⁾. „Все въ природѣ ка-

¹⁾ Важнѣйшіе труды К. Д. Кавелина, и публицистическаго, и философскаго

питализируется, — говорилъ Кавелинъ въ своемъ посвященіи, — даже лучи солнца! Неужели однѣ человѣческія силы, особливо свѣжія, молодыя, должны разсѣваться понапрасну? — спрашиваетъ онъ, смотря печально на даровую потерю этихъ драгоценныхъ силъ. „Только воспитаніемъ и безпрестаннымъ упражненіемъ, — такъ заключаетъ онъ свой трудъ, — мысль обращается въ дѣйствительность, и ихъ различіе исчезаетъ совсѣмъ; идеаль становится дѣйствительностью, дѣйствительность — идеаломъ!“ ...

Въ своей жизни частной, домашней, Кавелинъ былъ извѣстенъ одинаково и великимъ счастьемъ — вырастить замѣчательныхъ дѣтей, и великимъ несчастьемъ — преждевременной ихъ утраты. Онъ имѣлъ единственнаго сына, Дмитрія, и единственную дочь (въ замужествѣ С. К. Брюллова). Смерть похитила перваго, — феноменальнаго юношу, по своимъ способностямъ и характеру, — на порогѣ университета, въ 1861 году, почти одновременно съ отставкою Кавелина; а въ 1877 г. скончалась его дочь, 25 лѣтъ

характера, за послѣднія 20 лѣтъ, помѣщались, главнымъ образомъ, въ „Вѣстникѣ Европы“: въ 1866 г. — „Мысли и замѣтки о русской исторіи“; 1868 г. — „Нѣмецкая современная психологія“; 1872 г. — „Задачи психологіи“; 1874 г. — „Психологическая критика“; „Нѣсколько словъ“ въ отвѣтъ на „Нѣсколько словъ“ проф. Сѣченова; 1875 г. — „Психологическая критика: замѣчанія Ю. О. Самарина на книгу: „Задачи психологіи“; 1876 г. — „Некрологъ Ю. О. Самарина“; 1877 г. — „Поземельная община древней и новой Россіи“; 1878 г. — „О задачахъ искусства“; 1880 г. — „Мефистофель Антокольскаго“. Письмо О. М. Достоевскому; 1881 г. — „Крестьянскій вопросъ“; 1882 г. — „Путевыя письма“; „Полемика по поводу книги г. Нотовича“; 1883 г. — „Освобожденіе крестьянъ и г. фонъ Самсонъ Гиммельстерна“; 1884 г. — „Задачи этики“.

Въ 1881 г. Кавелинъ принималъ самое дѣятельное участіе въ газетѣ „Порядокъ“; изъ болѣе крупныхъ его работъ, помѣщенныхъ тамъ, упомянемъ: „Письма изъ деревни“ и „Некрологъ А. П. Заблоцкаго-Десятковскаго“. Другія его мелкія публицистическія статьи помѣщались чаще всего въ „Спб. Вѣдом.“ п. р. В. О. Корша, въ „Новостяхъ“ и въ „Недѣлѣ“.

Нѣкоторыя изъ работъ Кавелина не могли быть признаны въ то время удобными для печати, и появлялись впоследствии безъ его имени въ Берлинѣ; такъ: 1) „Чѣмъ намъ быть? Отвѣтъ редактору газетъ: „Русскій Миръ“, въ 2-хъ письмахъ, 1875“. — 2) „Политическіе призракъ. Верховная власть и административный произволъ. Одинъ изъ современныхъ вопросовъ. 1877“. — 3) „Разговоръ съ социалистомъ-революціонеромъ. 1880“.

Полный списокъ всѣхъ трудовъ Кавелина, напечатанныхъ въ Россіи, помѣщенъ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1885 г., июнь, 812—820 стр.: „Учено-литературная дѣятельность К. Д. Кавелина“, Д. Д. Язкова.

отъ роду; ея въ высшей степени симпатичный и незабвенный образъ, можно сказать, обезсмертилъ Тургеневъ, посвятивъ ей некрологъ. При смертномъ одрѣ Кавелина оставались только два ея сына — внуки его; жена его, сестра В. О. Корша, скончалась вскорѣ послѣ дочери, въ 1879 году.

Всѣ такія жизненные невзгоды Кавелинъ выносилъ съ удивительною твердостью духа, и если бы не двѣ тяжелыя болѣзни, посѣтившія его, въ началѣ 80-хъ годовъ, одна за другою, — то по живости его движеній, звучному голосу, веселому до заразительности смѣху, его можно было бы принять за юношу. Такимъ онъ былъ, можно сказать, еще за 10 дней до смерти. 23 апрѣля случайная простуда положила его въ постель, съ которой онъ уже не вставалъ. Съ 24 по 30 апрѣля жизнь его висѣла на волоскѣ; но 1 мая болѣзнь, неожиданно для самого доктора, приняла вдругъ такой счастливый оборотъ, что можно было осмѣлиться произнести слово: надежда; 2-го мая — такая же рѣзкая переменна, но — къ худшему, и 3-го мая, рано утромъ, въ 7 часовъ, Кавелина не стало. Въ 9 часовъ утра 7-го мая — друзья и ученики покойнаго изъ военно-юридической академіи на рукахъ отнесли его тѣло въ соборъ Андрея Первозваннаго, въ приходѣ котораго онъ состоялъ весьма дѣятельнымъ членомъ покровительства о бѣдныхъ, а отсюда погребальная колесница, предшествуемая многочисленными вѣнками и академіею въ полномъ ея составѣ, направилась на Волково кладбище, гдѣ въ 2 часа дня гробъ былъ опущенъ въ могилу, приготовленную въ Тургеневской оградѣ, рядомъ съ старымъ другомъ его семьи, И. С. Тургеневымъ, избравшимъ Волково кладбище, съ цѣлью быть погребеннымъ рядомъ съ Бѣлинскимъ. Но мѣсто, назначенное для перенесенія туда останковъ Бѣлинскаго, не могло быть занято согласно назначенію, и вотъ это-то самое мѣсто возлѣ Тургенева и занялъ теперь тотъ, кто всю жизнь справедливо называлъ себя „ученикомъ и другомъ“ Бѣлинскаго. Рядомъ покоятся теперь, съ одной стороны, авторъ „Записокъ Охотника“, говорившій въ пятидесятыхъ годахъ высоко-художественными образами о необходимости „новаго быта“ крестьянъ, а съ другой — его сверстникъ и другъ, произнесшій прямо и публично первое слово „о новыхъ условіяхъ сельскаго быта“ — въ тѣхъ же пятидесятыхъ годахъ. Оба они родились въ одинъ годъ; почти одинъ за другимъ сошли въ могилу, и оба дружно всю

жизнь преслѣдовали одну и ту же цѣль, съ одинаковымъ талантомъ и убѣжденностью: одинъ—какъ великій художникъ, другой—какъ ревностный и неутомимый публицистъ. Оба, можно сказать, отошли въ могилу прямо отъ рабочаго стола: „Стихотворенія въ прозѣ“ были лебединою пѣснью Тургенева и явились въ печати за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти; такую же лебединою пѣснью для Кавелина была его настоящая монографія: „Задачи этики“¹⁾.

Вполнѣ поэтому справедливо говорить А. О. Кони („Недѣля“, № 19), въ одномъ изъ лучшихъ этюдовъ, вызванныхъ смертью Кавелина, о людяхъ, подобныхъ покойному:

„Въ битвѣ жизни они не кладутъ оружія до конца. Ихъ воспримчивая голова и чуткое сердце работаютъ дружно и неутомимо, повсюду въ нихъ горитъ огонь жизни. Они умираютъ, какъ солдаты въ ратномъ строю, на дѣйствительной службѣ, не увольняя себя ни въ запасъ, ни въ безсрочный отпускъ, и, уже чувствуя дыханіе смерти, холодѣющими устами еще шепчутъ свой нравственный пароль и лозунгъ. Жизнь часто не щадитъ ихъ—и на закатѣ дней, въ годы обычнаго для всѣхъ отдыха и квіетизма, наноситъ ихъ усталой, но стойкой душѣ тяжелые удары. Но зато—ничто изъ области живыхъ общественныхъ вопросовъ не остается имъ чуждымъ. Вступая въ жизнь съ однимъ поколѣніемъ, они дѣлятся знаніемъ съ другимъ, работаютъ рука объ руку съ третьимъ, подводятъ итоги мысли съ четвертымъ, указываютъ идеалы пятому... и сходятъ со сцены всѣмъ имъ понятные, близкіе, бодрые и поучительные до конца. Они не „переживаютъ“ себя, ибо жить

¹⁾ Въ специальной области гражданскаго права, труды Кавелина еще ближе подходятъ ко дню его смерти. Въ послѣдніе годы жизни онъ издалъ: „Права и обязанности по имуществамъ и договорамъ“, „Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ наслѣдованія“ и „Очеркъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго права“. За двѣ недѣли до смерти, онъ кончилъ записку „О вотчинныхъ правахъ“, которая была имъ представлена въ комиссію по составленію новаго гражданскаго уложенія. Къ числу такихъ неизданныхъ мемуаровъ покойнаго изъ послѣдняго года его жизни надобно отнести его обстоятельную „записку“, поданную имъ председателю здѣшняго окружнаго суда, по окончаніи покойнымъ сессіи, въ качествѣ присяжнаго засѣдателя. Знакомые съ ея содержаніемъ свидѣлствуютъ, что эта „записка“ содержитъ въ себѣ много цѣнныхъ и глубокихъ замѣчаній о недостаткахъ нашего уголовнаго закона, а потому нельзя не пожелать, чтобы она сдѣлалась достояніемъ юридическаго міра и не заглохла въ архивѣ суда.

для нихъ не значить существовать и только порою обращаться къ своимъ, нерѣдко богатымъ, воспоминаніямъ... Ихъ чуждый личныхъ расчетовъ внутренней взоръ съ тревожною надеждою всегда устремляется въ будущее, и въ ихъ многогранной душѣ всегда найдутся стороны, которыми она тѣсно соприкасается съ настроеніемъ и стремленіями лучшей части современнаго имъ общества... Русскій человѣкъ, до мозга костей, знатокъ быта и глубокой исследователь явленій исторіи своего народа, Кавелинъ нѣжно и беззавѣтно любилъ этотъ народъ. Онъ свѣтло смотрѣлъ впередъ, не смущаясь за призваніе, за будущую роль своего отечества. Ему нравилось, когда его называли въ этомъ отношеніи оптимистомъ... Онъ не отрицалъ нѣкоторыхъ темныхъ, грубыхъ сторонъ нашего сельскаго быта, на которомъ, какъ на устояхъ, должна, по его мнѣнію, стоять Россія, — но онъ возставалъ противъ поспѣшныхъ и мрачныхъ обобщеній... Онъ часто доказывалъ, что о народѣ слѣдуетъ судить не по его правамъ и привычкамъ, а по его идеаламъ, стремленіямъ. Онъ съ удовольствіемъ повторялъ процитированное предъ нимъ однажды изреченіе Монтескье: „Le peuple est honnête dans ses goûts, sans l'être dans ses moeurs“...

„Великое воспитательное, культурное значеніе,—говорилъ Кавелинъ, думая о Самаринѣ, по поводу его смерти въ 1876 г.,—имѣютъ только тѣ общественные дѣятели, у которыхъ мысль и дѣло, убѣжденіе и программа, слиты въ одно: только это создаетъ имъ вѣчную память въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Прочія—историческія общественныя полезности осуждены на забвеніе, какъ только ихъ роль сыграна. Въ ходѣ исторіи—программы, знамена, партіи мѣняются, смотря по комбинаціямъ общественныхъ элементовъ, которые, въ свою очередь, зависятъ отъ общихъ законовъ развитія. Но людей воспитываетъ нравственно не эта механика движенія, а то, какъ къ ней относились живые двигатели“.

Эти послѣднія слова и въ устахъ, и въ практикѣ жизни самого Кавелина, были всегда вмѣстѣ и точкою отправления, и послѣднею цѣлью: „не механика движенія“, какъ выразился покойный, не положительные законы, не внѣшнія формы,—а „живой двигатель“ этой механики, нравственная личность, осуществляющая законъ и наполняющая собою всякую форму—рѣшаетъ участь каждаго общества, каждой страны. Можно соглашаться съ такимъ

положеніемъ и не соглашаться, — но вѣрно и несомнѣнно одно, что счастливо то общество, которое имѣло своего Кавелина; не даромъ оно скорбѣло глубоко объ утратѣ и того послѣдняго наслѣдія, которое было завѣщано ему въ лицѣ покойнаго эпохоу сороковыхъ годовъ...

Присоединяемъ въ заключеніе нѣсколько писемъ Кавелина къ г-жѣ Н. А. Б—кѣ, гдѣ онъ говоритъ о своей послѣдней работѣ: „Задачи этики“, и о планахъ новыхъ работъ.

„25 іюня, 1884. С. Иваново. — Я наслаждаюсь деревней и усердно работаю надъ большой статьёй о нравственности, которую, на дняхъ, вчернѣ совсѣмъ окончу. Затѣмъ начну ее отдѣлывать, отшлифовывать и надѣюсь къ отъѣзду изъ деревни окончательно приготовить къ печати, чтобъ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ сдать въ редакцію „Вѣстника Европы“. Меня очень будетъ интересовать, какъ приметъ публика эту работу, надъ которой я думалъ лѣтъ двѣнадцать и за которую принимался раза четыре, но все неудачно. Если бы я умеръ теперь, дня черезъ четыре, мысли мои не пропали бы, и это меня радуетъ какъ ребенка. Высказаться объ этомъ предметѣ было для меня потребностью, написать о немъ статью было какою-то обязанностью, которая тяготила меня какъ старый долгъ, пока не уплаченъ“.

„1 августа, 1884. С. Иваново.—Вообразите себѣ, что я кончилъ, наконецъ, „Задачи этики“ совсѣмъ на отдѣлку, и передо мною лежитъ готовый къ печати трудъ, надъ которымъ я думалъ и о которомъ мечталъ лѣтъ 12. Для меня это почти тоже своего рода „нынѣ отпускаеши раба твоего съ миромъ!“ У меня было на душѣ высказать то, что я высказалъ въ этой рукописи, и если не успѣю больше ничего написать, то бѣды въ этомъ никакой не будетъ: все главное и существенное, что я могъ и долженъ былъ сказать—сказано. Вышло листовъ семь печатныхъ „Вѣстника Европы“. Надѣюсь начать печатать въ сентябрѣ, такъ чтобы въ трехъ послѣднихъ книжкахъ умѣстилась вся работа ¹⁾. Сдѣлаю тысячу особыхъ экземпляровъ и посвящу молодому поколѣнію, которое больше всѣхъ нуждается въ словѣ утѣшенія и под-

¹⁾ Она и была помѣщена въ послѣднихъ книжкахъ „Вѣстника Европы“ 1884 г.

держкѣ: оно страшно изломано, измучено и исковеркано, сначала иллюзіями, теперь... Съ осени примусь, но не сильно, за другую большую работу. Хочу написать книгу, изъ которой всякій грамотный получилъ бы самыя элементарныя понятія о правахъ и обязанностяхъ общественныхъ и политическихъ учрежденій и законахъ. У насъ ничего такого нѣтъ, а запросъ большой на такія свѣденія“.

„3 сентября, 1884. С.-Петербургъ.—Теперь помышляю о новой работѣ—объ энциклопедіи политическихъ, юридическихъ и экономическихъ наукъ, о чемъ уже вамъ писалъ. Въ видѣ предисловія, напишу исторію постепеннаго развитія общества и государства и образованія международныхъ отношеній,—начиная съ быта бродячихъ дикихъ народцевъ и оканчивая нынѣшними формами жизни и быта самыхъ передовыхъ народовъ и ихъ взаимныхъ отношеній. Главная задача—показать, какъ постепенно измѣнялся общественный бытъ людей, отъ самыхъ простыхъ до самыхъ сложныхъ формъ общежитія. Спѣшить не стану. Придется прочесть много книгъ. Эту работу помѣщу у С. въ журналѣ“...

М. С

17 мая 1885.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА

въ осовому изданію ¹⁾.

По естественному закону, молодое поколѣніе заступитъ наше мѣсто, когда насъ не будетъ. Оттого я больше всего думалъ о немъ въ теченіе многихъ лѣтъ, пока постепенно выяснялись и созрѣвали мысли, изложенныя въ этомъ этюдѣ. Молодому поколѣнію я его и посвящаю.

Многіе среди этого поколѣнія проживаютъ молодыя силы и жизнь изо дня въ день, не тревожа себя думами и не заботясь о томъ, что ожидаетъ впереди; другіе, увлекшись иллюзіями, принимаемыми за дѣйствительныя цѣли, погибаютъ, отнимая у родины лучшія силы и только запутывая положеніе; многіе, не зная куда идти, къ чему стремиться, впадаютъ въ уныніе и отчаяніе, иссушающія умъ, холодащія сердце, парализующія въ корнѣ приготовленіе къ жизни и будущую дѣятельность, которой ожидаетъ отъ нихъ родина, для которой она несетъ жертвы, въ надеждѣ, что эта дѣятельность будетъ когда-нибудь ей полезна и окупится съ лихвою.

Долго и много я думалъ о причинахъ, толкающихъ людей на обманчивыя, ложныя пути. Силы существуютъ не на

¹⁾ Это были собственно оттиски изъ журнальнаго изданія въ „Вѣстникѣ Европы“, появившіеся въ ограниченномъ числѣ, вслѣдъ затѣмъ и незадолго до смерти покойнаго, въ самомъ началѣ 1885 года.—М. С.

то, чтобъ ихъ тратить попусту, во вредъ себѣ и другимъ; ихъ надо употреблять умно, съ расчетомъ, чтобъ онѣ приносили пользу. Все въ природѣ капитализируется, даже лучи солнца. Неужели однѣ человѣческія силы, особливо свѣжія, молодыя, должны разсѣиваться понапрасну?

Вызвать интересъ къ дѣйствительнымъ благамъ жизни, разогнать призраки и миражи, путающіе умъ, разсѣять туманъ, застилающій глаза, — вотъ къ чему я искренно, добросовѣстно и горячо стремился, работая надъ «Задачами Этики». Кто долго пожилъ на свѣтѣ, какъ я, тотъ не можетъ оболыщать себя надеждой, что сказалъ послѣднее слово мудрости: каждый несетъ только крупинки, изъ которыхъ она складывается вѣками. Этими крупинками я и дѣлюсь съ молодымъ поколѣніемъ. Мысль поучать, вразумлять или наставлять очень отъ меня далека. Одинъ только совѣтъ я позволю себѣ дать: пусть молодое поколѣніе усвоитъ себѣ изъ моего этюда то, что ему покажется вѣрнымъ, а объ остальномъ пусть подумаетъ крѣпко. Я старался связать въ одно цѣлое, въ систему, разрозненные мысли, которыя отложились въ умѣ не въ одно время и по различнымъ поводамъ. Пусть молодое поколѣніе поступаетъ точно такъ же, разбирая мои мысли и взгляды; пусть оно остерегается больше всего нашей несчастной русской привычки довольствоваться отрицательнымъ результатомъ, который есть только путь къ замѣнѣ одного положительнаго вывода другимъ — никакъ не болѣе. Лѣнь ума насъ губитъ. Только отъ лѣни ума мы долго толчемся на одномъ мѣстѣ, не двигаясь никуда, пока насъ не спихнуть съ него факты, событія, противъ которыхъ нѣтъ возраженій.

К. К.

С. Иваново, тульск. губ.
2 августа 1884.

Кто хоть сколько-нибудь слѣдилъ за движеніемъ умовъ въ послѣднюю половину нынѣшняго столѣтія, того не могли не поразить странныя судьбы этики въ наши дни, — внезапные, крутые повороты и скачки во взглядахъ на ученіе о нравственности и на роль нравственной личности въ устроении человѣческихъ дѣлъ. Лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ объ этикѣ и нравственной личности, казалось, совсѣмъ забыли; теперь интересъ къ нимъ недуманно-негаданно вдругъ возникъ снова, точно выросъ изъ-подъ земли. Подкрался онъ въ душу такъ тихо, что мы его только тогда замѣтили, когда онъ уже успѣлъ окрѣпнуть, сталъ силой и началъ обращать на себя общее вниманіе. Захваченные врасплохъ, мы не успѣли еще отдать себѣ отчета, какъ и почему это случилось, да и что такое собственно нравственность, чего мы въ ней ищемъ и на что она намъ вдругъ такъ понадобилась? Оттого — поразительная разногласица въ сужденіяхъ объ этомъ предметѣ; двухъ людей не встрѣтишь, которые бы думали о немъ одинаково: каждый судитъ и раятъ по своему. Въ пестрой сумятицѣ мнѣній слышатся взгляды, давно и безповоротно осужденные, рядомъ съ выраженіями глубокаго страданія, порожденнаго душевною неудовлетворенностью и пустотою. Запросы, требованія, системы и теоріи перемѣшались и перепутались до того,

что невозможно различить лагерей, и въ общей свалкѣ борющіеся зачастую бьютъ своихъ, принимая ихъ за враговъ. Но рядомъ съ этимъ бессмысленнымъ хаосомъ замѣчается другое, еще болѣе горестное явленіе. Огромное большинство людей, скучая безплодной и безтолковой борьбой и не находя въ ней отвѣта на свои сомнѣнія и вопросы, отворачивается отъ нея, изнемогаетъ, теряетъ силу и бодрость, впадаетъ въ уныніе и напослѣдокъ становится совсѣмъ равнодушнымъ ко всякимъ вообще вопросамъ, пробавляясь изо дня въ день непосредственными ближайшими интересами и удовлетвореніемъ житейскихъ матеріальныхъ потребностей. Съ разныхъ сторонъ указываютъ на это явленіе, какъ на признакъ разложенія и тлѣнія. Глубокой развратъ и великая скорбь, быстро овладѣвающіе міромъ, невольно напоминаютъ состояніе рода человѣческаго за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, точно будто снова мракъ начинаетъ падать на землю и людей.

Поборники преданій и добрыхъ старыхъ нравовъ, кто съ злораднымъ торжествомъ, а кто съ сердечною горестью, указываютъ на растлѣніе современнаго общества и ничтожество, безсиліе современныхъ людей, какъ на неизбѣжное, роковое послѣдствіе отступничества отъ вѣры и преданій отцовъ и дѣдовъ, — послѣдствіе, которое они предвидѣли и предсказывали заранѣе. Люди, ратующіе подъ знаменемъ науки, убѣжденные въ непреложности ея метода и непогрѣшимости ея выводовъ, твердо вѣрующіе въ ея всемогущество, смущены явленіями дѣйствительности, такъ мало отвѣчающими ихъ, казалось бы, несомнѣннымъ соображеніямъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто же изъ поборниковъ науки не былъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, непоколебимо убѣжденъ, что знаніе, просвѣщеніе, хорошіе общественные порядки сами собою воспитаютъ нравственность и добродѣтель въ сознаніи и сердцахъ людей? Кому изъ нихъ не думалось, что культура, основанная на знаніи, должна навсегда упразднить и преданія, и этику, дѣлая ихъ ненужными?

Въ сознаніи торжествующей силы европейской цивилизаціи, которая захватываетъ все болѣе и болѣе кругъ людей и распространяется чуть ли не на весь міръ, мы привыкли смотрѣть на ученіе о нравственности какъ на розсказни старыхъ нянекъ, удѣлъ дѣтскаго возраста и невѣжественнаго просто-народья. Теперь приходится убѣждаться, что цивилизація и культура только дрессируютъ и полируютъ людей снаружи, въ ихъ сношеніяхъ съ другими людьми и обществомъ; что внѣ этихъ отношеній и бока-о-бока съ культурой и цивилизаціей могутъ уживаться самыя чудовищныя страсти, самыя гнусныя и отвратительныя пороки, самыя звѣрскіе инстинкты, которые, нѣтъ-нѣтъ, да и прорываются въ неслыханныхъ злодѣйствахъ, останавливающихъ кровь въ жилахъ. Гдѣ же, послѣ того, всемогущество культуры и цивилизаціи? Какое разочарованіе! Оно не могло не поколебать вѣры въ науку, не разстроить густыхъ рядовъ ея безусловныхъ приверженцевъ, бодро шедшихъ впередъ подъ ея развернутымъ знаменемъ. Пришлось съ грустью сознаться, что въ наукѣ и ея выводахъ есть какой-то пробѣлъ, что-то недоговоренное, недосказанное, — нѣчто такое, что путаетъ наши соображенія и мѣшаетъ идти впередъ съ прежнею увѣренностью и твердостью.

Посреди такихъ колебаній и раздумья, многими лучшими умами овладѣло тяжкое сомнѣніе: да въ самомъ ли дѣлѣ людямъ на роду написано когда-нибудь достигнуть обѣтованной земли правды и душевнаго удовлетворенія? Сколько разъ въ исторіи они, казалось, достигали этой завѣтной цѣли исканій и открывали къ ней двери настезь; а вслѣдъ затѣмъ каждый разъ оказывалось, что они были такъ же отъ нея далеки, какъ прежде. Пора убѣдиться, что попытки добраться до правды и удовлетворенія — одна погоня за иллюзіями и мечтами! Обѣтованная земля, гдѣ они живутъ, существуетъ только въ нашемъ воображеніи, а въ дѣйствительности вѣчно совершается одинъ и тотъ же круговоротъ, который начинается и оканчи-

вается, чтобъ затѣмъ начаться снова и снова такъ же окончиться, и такъ до безконечности, пока міръ стоитъ. Это еще сказалъ великій историкъ-философъ Вико, триста лѣтъ тому назадъ, и онъ былъ правъ; съ тѣхъ поръ его мысль подтвердилась тысячами новыхъ фактовъ и наблюденій. Какъ свѣтила небесныя однообразно вертятся вокругъ своего солнца, какъ однообразно смѣняются времена года, какъ организмы рождаются, живутъ и умираютъ, уступая мѣсто другимъ, такъ же однообразно совершается и смѣна періодовъ исторіи, возобновляясь безпрерывно. Люди не болѣе какъ пѣшки въ этой однообразной игрѣ, совершающейся по законамъ механики, съ правильностью хронометра. Человѣкъ, какъ бѣлка въ колесѣ, воображаетъ, что движется впередъ, оставаясь на одномъ мѣстѣ. Задаваться далекими цѣлями, стремиться къ идеаламъ есть самообольщеніе; надо жить какъ живется и пока живется: вотъ послѣднее, настоящее слово человѣческой мудрости.

Который же изъ этихъ различныхъ взглядовъ правиленъ? Чему вѣрить, на что опереться? Слѣдуетъ ли, въ простотѣ сердца, покаяться въ самонадѣянномъ отступничествѣ отъ добрыхъ нравовъ и преданія и изъ безчисленныхъ и тщетныхъ блужданій возвратиться съ дѣтской вѣрой къ тому, что многимъ поколѣніямъ давало душевный миръ и утѣшеніе? Или надо продолжать искать, изслѣдовать, думать, бодро идя до конца по трудному, многострадальному пути науки и знанія, пока не будетъ найденъ ключъ къ истинѣ, и она откроется? Или, наконецъ, всего благоразумнѣе разстаться разъ навсегда съ идеалами и далекими цѣлями, какъ съ опасными миражами, и довольствоваться однимъ ближайшимъ, практически достижимымъ, искусно лавируя между житейскими шхерами и не рискуя пускаться въ открытое, неизвѣстное и неизслѣдимое море идеологій?

На такомъ распутии стоитъ современный мыслящій человѣкъ, въ нерѣшимости, куда идти. Всѣ разбрелись по разнымъ

дорогамъ, и ни откуда пока не раздалось голоса, встрѣченнаго отовсюду радостными вликами, что настоящій путь и давно желанное разрѣшеніе безчисленныхъ сомнѣній и душевныхъ страданій найдены. Каждый изловчается по своему, какъ умѣетъ и можетъ, утишать свои внутреннія муки.

Въ такой-то средѣ и условіяхъ снова возродился въ наши дни интересъ къ этикѣ. Къ ней, заброшенной и покрытой архивной паутиной, обратились опять, чтобъ поискать, не найдется ли здѣсь того, чего такъ долго, мучительно и безуспѣшно домогаются люди.

Возрастающій интересъ къ этикѣ замѣчается въ послѣднее время не только въ Европѣ, но и у насъ, и притомъ съ отѣнкомъ, который показываетъ, что наклонность въ сторону этическихъ вопросовъ не есть только дѣло моды, подражанія или мимолетнаго увлеченія, а выраженіе дѣйствительной потребности. Въ европейской литературѣ вопросъ о нравственности снова поднятъ, поставленъ на очередь и тщательно разрабатывается, какъ предметъ теоретическаго изслѣдованія и научнаго интереса; у насъ же онъ вызванъ практическими соображеніями, злобою дня и, можно сказать безъ преувеличенія, живо затрогиваетъ всѣхъ и cadaго, отъ палатъ до крестьянской избы, отъ безбородыхъ юношей до старцевъ, — всякаго, разумѣется, по своему, съ свойственной ему точки зрѣнія и въ границахъ его знаній и пониманія. Отчего такая разница — объяснить не трудно. Въ Европѣ условія общественной и политической жизни — мы не говоримъ, хороша она или дурна — выработаны и опредѣлены до малѣйшихъ подробностей и самымъ точнымъ образомъ очерчиваютъ кругъ дѣятельности cadaго; никто не можетъ безнаказанно изъ него выступать. Твердый, ясный и строгій законъ, поддержанный превосходной администраціей, судами, сословіемъ ученыхъ юристовъ и вполне сложившимися нравами общества, ставитъ точныя границы дѣятельности всѣхъ и cadaго, стягиваетъ все общество, если

можно такъ выразиться, желѣзнымъ обручемъ, который всякому даетъ надежную точку опоры и обращаетъ сожительство людей въ единый, сочлененный и стройный механизмъ, дѣйствующій съ точностью заведенныхъ часовъ. Въ средѣ, организованной такимъ образомъ, между людьми, выдрессированными подобными образцовыми общественными порядками, практическая потребность въ личной нравственности естественно должна чувствоваться слабѣе, и вопросы этики могутъ интересоваться только какъ предметъ любознательности или научнаго знанія и теоріи. Въ случаѣ разстройства общественной и политической организаціи въ Европѣ, никому не приходитъ въ голову искать причины въ ослабленіи или отсутствіи нравственнаго чувства или этическихъ идеаловъ; всякій приписываетъ ее порчѣ механизма, управляющаго общественною и политическою жизнью, и убѣжденъ, что стѣдуетъ только исправить, обновить или улучшить слабыя его части, и машина будетъ продолжать дѣйствовать такъ же исправно, какъ прежде. Иначе стоитъ дѣло у насъ. Выработкой и совершенствомъ общественныхъ формъ мы не можемъ похвалиться. Люди, не находя прочнаго устоя въ объективныхъ условіяхъ общественнаго быта, естественно ищутъ его въ индивидуальныхъ нравственныхъ качествахъ. Чѣмъ болѣе у насъ развивается индивидуализмъ, тѣмъ, при нашей обстановкѣ, потребность въ нравственныхъ идеалахъ должна чувствоваться сильнѣе; она дѣйствительно растетъ и высказывается во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Многие, проводя это сравненіе далѣе, думаютъ, что у насъ, какъ было въ Европѣ, съ усовершенствованіемъ общественнаго и политическаго быта, потребность въ этическихъ идеалахъ и интересъ къ вопросамъ этики должны ослабнуть. Не мы, конечно, станемъ отрицать необходимость законодательныхъ и административныхъ реформъ въ Россіи; но ожидать отъ нихъ однѣхъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, поставленныхъ ходомъ всемірной исторіи, значитъ крайне съуживать смыслъ того движенія умовъ, которое про-

исходить теперь всюду, въ старомъ и новомъ свѣтѣ и у насъ. Въ Европѣ оно только заслонено выработанностью и совершенствомъ общественныхъ и политическихъ формъ, и потому потребность въ нравственномъ обновленіи выражается болѣе теоретически, не такъ непосредственно и ярко, какъ у насъ. Но и тамъ, и здѣсь потребность эта одинаково существуетъ, вызывается однѣми и тѣми же весьма глубокими причинами, и не можетъ быть удовлетворена испытанными до сихъ поръ средствами и способами. Обращеніе къ этикѣ и этическимъ вопросамъ въ наше время не есть одно изъ временныхъ колебаній человѣческой мысли на торномъ и ясномъ пути развитія и совершенствованія, и означаетъ въ ней переходъ съ прежняго пути на новый — переходъ, подготовленный вѣками наблюденій, изслѣдованій и опытовъ.

Объяснить это и есть задача настоящаго этюда.

I.

Что такое нравственность, нравственное чувство, нравственная личность? Прислушаемся къ разговорамъ, взглянемъ въ книги и журнальныя статьи, заведемъ рѣчь объ этихъ предметахъ—и мы тотчасъ же убѣдимся, что каждый понимаетъ нравственность, нравственную личность по своему, что съ этими названіями соединяются совсѣмъ различныя представленія. На повѣрку выходитъ, что нравственность есть нѣчто крайне неопредѣленное и туманное. Поэтому надо, прежде всего, точно и ясно условиться и установить, о чемъ собственно мы намѣрены говорить.

Безнравственнымъ мы называемъ, сплошь и рядомъ, человѣка, который своими внѣшними поступками нарушаетъ принятыя въ обществѣ правила приличія и благопристойности, обнаруживаетъ порочныя наклонности или нагло и дерзко попираетъ божескіе и человѣческіе законы. Въ томъ же смыслѣ мы говоримъ и объ общественной нравственности, означая этимъ способъ и характеръ внѣшнихъ дѣйствій, если не всѣхъ, то значительнаго большинства людей въ данномъ обществѣ. Въ этихъ и подобныхъ имъ выраженіяхъ внѣшняя, объективная сторона поступковъ—та, которою человѣкъ соприкасается съ другими людьми или вступаетъ въ отношенія съ обществомъ и представителями общественной или государственной власти—

ставится на одну доску съ внутренней, душевной, и подразумевается, что понятіе о нравственности слагается изъ обѣихъ сторонъ вмѣстѣ. Но правиленъ ли такой взглядъ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Въ нашемъ понятіи, поступкомъ, дѣйствіемъ можетъ быть результатъ душевной дѣятельности, ничѣмъ не заявившей себя во внѣшнемъ мірѣ, точно такъ же, какъ есть множество внѣшнихъ дѣйствій, вовсе не вмѣняемыхъ съ нравственной точки зрѣнія. Кто задумалъ дурное дѣло, но и не покушался его выполнить, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ или препятствіямъ, тотъ совершилъ безнравственный поступокъ; съ другой стороны, совершившій преступное внѣшнее дѣйствіе или покусившійся на преступный внѣшній поступокъ, но безъ всякаго умысла и неосторожности, совершенно случайно и безсознательно, не признается преступникомъ даже по законамъ уголовнымъ. Стало быть, есть поступки внутренніе и внѣшніе; тѣ и другіе могутъ совпадать, но могутъ быть совершаемы и отдѣльно, независимо одинъ отъ другого. Внутренніе, душевные поступки суть явленія или событія въ психической жизни отдѣльнаго лица, а внѣшніе, объективные поступки производятъ перемѣны въ мірѣ внѣшнихъ явленій, представляютъ факты объективнаго характера или свойства. Внутренніе поступки обществомъ и государствомъ не преслѣдуются, точно такъ же, какъ не преслѣдуются и внѣшніе поступки, когда они не совпадаютъ съ внутренними, душевными; преслѣдованію со стороны общества и государства подвергаются только извѣстнаго рода поступки, въ которыхъ внутреннее и внѣшнее дѣйствіе совпадаютъ. Очевидно, что характеризовать такія совпаденія двухъ порядковъ дѣйствій названіемъ, принадлежащимъ одному изъ нихъ, нельзя, не спутывая понятій и не затемняя ихъ; а мы это дѣлаемъ на каждомъ шагу. Къ выраженіямъ: нравственное, безнравственное поведеніе, общественная нравственность или совѣсть, мы такъ же привыкли, какъ къ столько же ошибочнымъ выраженіямъ: законопротивный замыселъ, преступная воля.

Просимъ читателей не заподозрить насъ въ желаніи провести свою мысль помощью діалектическихъ тонкостей; ихъ тщету и бесплодность мы знаемъ и понимаемъ. Неточность выраженія, сама по себѣ, ничего не значить и ничего не доказываетъ; но она знаменательна и крайне важна, когда обнаруживаетъ ошибочный складъ мыслей и поддерживаетъ смѣшеніе понятій. Перенесеніе характеристическихъ признаковъ съ одного ряда явленій на другой, присвоеніе названія, свойственнаго одному ряду явленій, сложному факту, въ которомъ этотъ рядъ участвуетъ только какъ одна изъ составныхъ частей, допускается въ данномъ случаѣ только потому, что современная мысль склонилась больше, чѣмъ бы слѣдовало, къ односторонне-объективному взгляду и утратила чутье къ внутренней, духовной жизни людей. Благодаря этому, границы нравственности и права сливаются, и тамъ, гдѣ онѣ соприкасаются, мы не умѣемъ точнымъ образомъ ихъ расчленивъ. При такихъ условіяхъ невозможно и ученіе о нравственности.

Какъ нравственныя явленія перепутаны въ нашихъ понятіяхъ съ правовыми, такъ и наоборотъ — правовыя съ нравственными. Подъ неопредѣленнымъ и туманнымъ выраженіемъ: общественная нравственность, мы разумѣемъ собственно сложившіяся въ обществѣ нравы, обычаи, привычки; но они, очевидно, относятся не къ внутреннимъ душевнымъ движеніямъ, а къ ихъ внѣшнимъ проявленіямъ, и потому, какъ объективныя нормы внѣшнихъ поступковъ, имѣютъ правовой характеръ; мѣрило нравственности къ нимъ непримѣнимо, и называть ихъ нравственными или безнравственными нельзя. Нравы, обычаи, привычки обусловлены сожительствомъ людей въ обществѣ и государствѣ, имѣютъ своимъ источникомъ потребности организованнаго быта людей и, слѣдовательно, относятся къ области права, отъ котораго отличаются только случайными признаками, больше по недоразумѣнію, чѣмъ по существу дѣла. Подъ правомъ мы привыкли понимать лишь нормы, юридически обяза-

тельныя для всѣхъ и cadaго и установленныя общественною или государственною властью подѣ страхомъ судебныхъ или административныхъ взысканій и наказаній за ихъ нарушеніе. Очевидно, что и въ этомъ случаѣ видовое понятіе неправильно возведено въ родовое; ибо что же такое общественныя нравы, обычаи, привычки, какъ не нормы, обязательныя для внѣшнихъ поступковъ, отступленіе отъ которыхъ влечетъ за собою невыгодныя или, по крайней мѣрѣ, неприятыя послѣдствія, — нормы, созданныя и охраняемыя отъ нарушеній не публичною властью, а мнѣніемъ извѣстной группы людей?

Такое же перенесеніе правовыхъ понятій въ сферу нравственныхъ явленій не трудно подмѣтить и въ попыткахъ схватить нравственныя движенія въ точно опредѣленныя формулы внѣшнихъ дѣйствій, приурочить ихъ къ извѣстнаго рода внѣшнимъ поступкамъ. Много потрачено силъ и труда на опредѣленіе, какія внѣшнія дѣйствія слѣдуетъ признать нравственными, какія безнравственными — и все понапрасну! Мѣрка для внѣшнихъ поступковъ одна, для нравственныхъ, душевныхъ, внутреннихъ — другая. Какъ же мѣрить тѣ и другіе на одинъ аршинъ? Внѣшнее дѣйствіе взвѣшивается и оцѣняется по тому значенію, какое оно имѣетъ для общества, государства или для другихъ людей; душевные движенія, помыслы, намѣренія — по ихъ отношенію къ сознанію, пониманію и внутреннему убѣжденію того, въ комъ они зрѣютъ и совершаются. Отсюда — различный характеръ правилъ для нравственныхъ поступковъ и для внѣшнихъ дѣйствій. Не различая тѣхъ и другихъ, мы впадаемъ безпрестанно въ грубыя ошибки. Наше внутреннее побужденіе къ внѣшнему дѣйствію можетъ быть нравственно, а вызванное имъ внѣшнее дѣйствіе — преступно, и наоборотъ: внѣшній поступокъ, по объективнымъ признакамъ безразличный, даже похвальный, по своимъ психическимъ мотивамъ, можетъ быть безнравственнымъ.

Намъ возразятъ, что, расчленяя и размежевывая точными

границами нравственности и право, субъективные и объективные поступки, мы разъединяем то, что в действительности слито, и, придумывая для нравственности правила, отличные от правовых, мы вносим противоречие и разлад между нравственными стремлениями и требованиями положительного закона. Совсем наоборот! Разделяя право и нравственность, мы их сближаем и, отводя нравственному и юридическому элементу то место, какое каждому из них принадлежит, мы доказываем возможность их мирного существования, без столкновений и борьбы.

Замечание, что нельзя расчленять того, что в жизни слито, несерьезно. Ум шаг ступить не может, не разлагая явления, которое изучает. Чем такое разятие составных элементов полнее и точнее, тем глубже, совершеннее знание. Недостатку точного анализа должно, между прочим, приписать и теперешнюю путаницу понятий, благодаря которой нравственный элемент действий подавлен преобладающим интересом к их объективной стороне.

Недоумение перед строгим и точным различием права и нравственности кажется серьезнее, но только на первый взгляд. Къ чему оно приводит? Изъ него слѣдуетъ, что нельзя оправдывать преступныхъ внѣшнихъ дѣйствій чистотою и возвышенностью намѣреній и цѣлей, точно такъ же, какъ нельзя и не должно осуждать и карать никого за одни предполагаемыя злыя намѣренія и дурныя цѣли, пока они не выразились во внѣшнемъ поступкѣ. То и другое — безспорныя истины, и люди отъ нихъ отступали и отступаютъ только потому, что не уяснили себѣ различія между нравственнымъ и правовымъ порядкомъ. Наша внутренняя, душевная дѣятельность есть наше личное дѣло, въ которое никто вступаться не можетъ и не долженъ; напротивъ, наши внѣшніе поступки, касаясь другихъ, подпадаютъ подъ объективное мѣрило, которое совершенно не зависитъ отъ нашего личнаго убѣжденія и

совѣсти. На чемъ вертятся безчисленныя трагическія столкновения между горячими, искренними убѣждениями людей и требованиями существующаго правового порядка? Только на смѣшеніи сферы нравственности и права, на недостаткѣ строгаго разграниченія личной, субъективной, отъ коллективной, объективной жизни и дѣятельности. Кто судья тому, что я, въ самомъ дѣлѣ, злоумышленникъ, если мой злой умыселъ ни въ чемъ не обнаружился? Кромѣ меня самого, никто изъ людей! Точно также, не я самъ и никто изъ думающихъ одинаково со мною, не судья тому, что порядокъ дѣлъ, который я ношу въ своемъ умѣ и сердцѣ, въ самомъ дѣлѣ лучше того, который существуетъ. Объ этомъ судить не мнѣ, а другимъ. Если они и ошибаются, то все же ихъ дѣло исправить свою ошибку, и не мнѣ принадлежитъ власть ихъ къ тому принудить.

Итакъ, нравственнымъ или безнравственнымъ можетъ быть названъ поступокъ — все равно, будетъ ли онъ только внутренній, или и внутренній, и вмѣстѣ внѣшній — лишь по отношенію къ лицу, которое его совершило. Этика имѣетъ предметомъ одни отношенія поступка къ дѣйствующему лицу, къ его душевному строю — ощущеніямъ, убѣжденіямъ и помысламъ. Она изслѣдуетъ условія, при которыхъ дѣйствіе зарождается въ душѣ, и законы душевной дѣятельности, опредѣляетъ ея нормы и указываетъ способы, помощью которыхъ душевная дѣятельность можетъ стать нормальной. По этому своему содержанию этика имѣетъ ближайшую связь съ психологіей. Она, вмѣстѣ съ послѣдней, изъ всѣхъ наукъ всего глубже проникаетъ въ тайны психической жизни и дѣятельности человѣка и всего ближе подходитъ къ источникамъ, гдѣ послѣдняя непосредственно зарождается. Крайняя трудность анализа явлений, которыми психологія и этика занимаются, объясняетъ, почему обѣ такъ медленно развиваются и позднѣе всѣхъ другихъ вырабатываются въ особыя отрасли научнаго знанія. Но именно близость психологіи и этики къ непосредственнымъ

источникамъ психической жизни и дѣятельности людей дѣлаетъ обѣ эти науки вѣнцомъ и послѣднимъ заключительнымъ словомъ всего знанія. Это, конечно, вовсе не значитъ, что съ разрѣшеніемъ вопросовъ этики всѣ другія науки, какъ безпольныя и ненужныя, должны быть упразднены, или что съ выясненіемъ законовъ психической дѣятельности, установленіемъ ея направленія и нормъ должны упраздниться самыя источники, изъ которыхъ психическая дѣятельность вытекаетъ, элементы, изъ которыхъ она слагается, условія и вліянія, которыми эта дѣятельность безпрестанно направляется въ разныя стороны. Такіе выводы были бы фантастичны или наивны, и возможны только при дѣтскомъ непониманіи задачъ и значенія научнаго знанія. Оно ничего не упраздняетъ и ничего не создаетъ, а только объясняетъ человѣку, въ свойственныхъ ему формамъ, условія и законы существующаго. На основаніи достигнутаго знанія онъ затѣмъ придумываетъ способы примѣненія знанія къ своимъ потребностямъ, нуждамъ и желаніямъ. Наука ничего не перемѣняетъ въ дѣйствительномъ мірѣ; она только даетъ человѣку средства приспособить этотъ міръ къ своимъ цѣлямъ и себя приладить къ нему, для достиженія тѣхъ же своихъ цѣлей. На этомъ назначеніе и роль знанія, науки, и оканчивается. То, что ей больше того приписывается, должно быть отнесено къ области вымысловъ и фантазіи.

II.

Мы сказали, что этика разсматриваетъ и опредѣляетъ отношенія психической дѣятельности къ душевному строю самого дѣйствующаго лица. Чтобы понять, въ чемъ состоятъ эти отношенія, читателю необходимо напередъ ознакомиться съ тѣмъ, что должно разумѣть подъ душевнымъ строемъ и психическою дѣятельностью человѣка. То и другое составляетъ предметъ психологіи, ученія которой далеко еще не установились. Поэтому мы изложимъ здѣсь, въ главныхъ чертахъ, нашъ взглядъ на эти предметы.

Все, что существуетъ на свѣтѣ, начиная съ песчинки и оканчивая человѣкомъ, живетъ своею жизнью и имѣетъ своего рода дѣятельность; только формы жизни и дѣятельности весьма различны. Жизнь и дѣятельность предметовъ неорганизованной природы обнаруживаются почти исключительно при дѣйствіи на нихъ другихъ предметовъ, и потому суть пассивныя, страдательныя. Слѣды собственнаго почина или активной жизни въ этихъ предметахъ чрезвычайно слабы (напримѣръ, процессы кристаллизаціи).

Ясные признаки самодѣятельности начинаютъ показываться въ существахъ организованныхъ. Чѣмъ организмъ выше, развитѣе, совершеннѣе, тѣмъ выше, больше, сильнѣе его самодѣятельность, его собственная инициатива; наоборотъ, чѣмъ

ниже организмъ стоитъ въ восходящемъ ряду организмовъ, тѣмъ самодѣтельность заявляетъ себя слабѣе, формы ея неопредѣленнѣе, проще, бѣднѣе и однообразнѣе. Неразлучными спутниками самодѣтельности, раздѣляющими его судьбу и проходящими однѣ съ нею ступени развитія, является способность принимать впечатлѣнія, въ которой заключаются уже всѣ задатки умственной дѣятельности, способность ощущать и тѣсно съ нею связанное самочувствіе. Въ организмѣхъ низшаго порядка они заявляютъ себя весьма слабо и, напротивъ, выказываются все сильнѣе и ярче, по мѣрѣ того какъ мы переходимъ къ организмѣхъ высшаго порядка.

Эти наблюденія показываютъ, что всѣ проявленія организованной жизни имѣютъ между собою тѣснѣйшую связь. При нѣкоторой внимательности нетрудно понять, въ чемъ она заключается. Въ организованныхъ существахъ жизнь и дѣятельность, разлитыя во всей природѣ, индивидуализируются, являются въ видѣ особей, выдѣляются въ единицы. Въ восходящемъ рядѣ этихъ единицъ индивидуализація жизни выражается все больше и сильнѣе. Чѣмъ организмъ выше, тѣмъ онъ сосредоточеннѣе, тѣмъ болѣе выдѣляется изъ окружающей его среды, тѣмъ болѣе замѣтно въ немъ стремленіе стать отъ нея независимымъ, сдѣлаться по возможности самостоятельнымъ. Съ этимъ совпадаетъ переходъ жизни и дѣятельности изъ страдательной, пассивной, въ активную, дѣятельную, — развитіе и усиленіе впечатлительности, способности чувствовать себя и отзываться ощущеніемъ на вліянія и дѣйствія, приходящія извнѣ. Умъ изъ способности принимать впечатлѣнія преобразуется въ могущественное средство и орудіе для огражденія организма и поддержанія его существованія въ окружающей средѣ.

Обойдемъ здѣсь весьма запутанный, безконечный и для нашей задачи посторонній споръ о томъ, была ли индивидуальная самостоятельность организмовъ естественнымъ слѣдствіемъ того, что, въ силу данныхъ условій, должна была появиться

организованная жизнь съ различными ея свойствами и принадлежностями, или же стремленіе къ самостоятельности породило организованную жизнь, снабдило организмы для этой цѣли самочувствіемъ, способностью вырабатывать впечатлѣнія, мыслить и ощущать. Остановимся на однихъ явленіяхъ, удостоверенныхъ изслѣдованіями, и пойдемъ далѣе.

Вѣнецъ природы, самый развитый и совершенный изъ всѣхъ организмовъ, есть человѣкъ. Всѣ принадлежности организованной жизни являются въ немъ, сравнительно съ другими извѣстными намъ природными организмѣми, въ самомъ совершенномъ видѣ, и онъ ихъ самъ развиваетъ все болѣе и болѣе. Сверхъ того, въ религіи, художественномъ творчествѣ и наукѣ онъ проявляетъ свойства и способности, которыхъ и слѣда мы не открываемъ въ жизни и дѣятельности прочихъ организмовъ.

Какою ближайшею, непосредственною причиною объяснить это превосходство человѣка надъ всѣми другими организмѣми въ природѣ? Гдѣ источникъ тѣхъ его способностей и совершенствъ, которыя долго заслоняли отъ глазъ непосредственныя, тѣснѣйшія его связи съ остальнымъ міромъ?

Мы думаемъ, что этой причины слѣдуетъ искать въ особой прирожденной способности, которая если и не есть исключительная принадлежность человѣческаго рода, то во всякомъ случаѣ выдается въ немъ съ особенною силою, рельефностью и яркостью, и по одному изъ своихъ признаковъ, наиболѣе бросающихся въ глаза, называется сознаніемъ. Эту способность объясняютъ все характеристическія особенности и отличія людей. Она еще очень мало изслѣдована, хотя давно подмѣчена, подробно описана германскими учеными и даже подведена ими подъ логическую схему, которая и послужила для Шеллинга и Гегеля исходною точкой ихъ философскихъ системъ. Сознаніемъ мы называемъ особый видъ знанія, различный отъ непосредственнаго, и который составляетъ, сравнительно съ послѣднимъ, его, если можно такъ выразиться,

задачи этики.

Инв. № 1980

Филиалъ Библиотекы
Ленинградскаго Окружнаго Дома
Офицеровъ им. С. М. Кирова

вторую, высшую ступень. Животныя несомнѣнно знаютъ, но непосредственно, съ незначительными и рѣдкими проблесками сознательности. Благодаря ей, человѣкъ не только способенъ обратить то, что онъ уже знаетъ, въ предметъ познания, но онъ, въ то же время, способенъ понимать, что знаетъ или вновь познаетъ предметъ. Такимъ образомъ, сознательность даетъ человѣку какъ бы двойное знаніе одного и того же предмета; кромѣ того, вслѣдствіе сознательности, человѣкъ не только можетъ вдвойнѣ обнимать предметъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и давать себѣ въ этомъ отчетъ.

Психическая способность такой громадной важности и значенія, далеко еще не оцененная по достоинству и въ Германіи, совершенно опущена изъ виду англійскими и французскими психологами. Нѣмецкіе ученые замѣтили ея участіе въ операціяхъ и процессахъ одного лишь мышленія, да и въ нихъ не прослѣдили ея вліянія до конца; но она замѣшана не въ одной умственной дѣятельности человѣка, а и во всѣхъ другихъ его психическихъ отправленіяхъ и проникаетъ всю его психическую жизнь. Присутствіе этого фактора во всемъ, что думаетъ, ощущаетъ и творитъ человѣкъ, и даетъ основательный поводъ предполагать, что такая способность есть въ немъ врожденная, т.-е. унаслѣдованная, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣетъ въ его физиологической организаціи свой субстратъ, хотя мы объ немъ пока ничего не знаемъ. Наблюденія показываютъ только, что она развивается отдѣльно отъ способности непосредственнаго знанія, и въ самомъ яркомъ своемъ видѣ, именно какъ сознание, обнаруживается сравнительно поздно. Это видно на дѣтяхъ и мало развитыхъ людяхъ. Сознаніе можетъ быть и пассивнымъ, и дѣятельнымъ. Оно является пассивнымъ въ созерцаніи и въ самосознаніи; дѣятельнымъ, — когда контролируетъ, повѣряетъ и направляетъ умственные операціи, движенія чувствъ, внѣшніе поступки.

Итакъ, всѣ разнообразныя проявленія способности, о кото-

рой мы говоримъ, указываютъ на то, что психическая жизнь распределѣна между двумя центрами. Центръ высшей психической жизни и дѣятельности если и есть въ животныхъ, то въ зачаточномъ видѣ; въ человѣкѣ же онъ сильно развитъ и производитъ двойственность, которая замѣчается во всемъ, что онъ думаетъ, чувствуетъ и дѣлаетъ. Раздвоенность нашей психической организаціи покоится не на двойственности психической природы человѣка, а происходитъ, вѣроятно, вслѣдствіе дифференціаціи органа, въ которомъ сосредоточивается психическая жизнь. Это видно изъ того, что знаніе и сознаніе имѣютъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, только въ различныхъ его видахъ, и что законы дѣятельности обоихъ одни и тѣ же; вся разница между ними ограничивается лишь тѣмъ, что сознаніе не имѣетъ непосредственно дѣла съ непосредственною дѣйствительностью, а исключительно только съ тѣмъ, что изъ нея выработано непосредственнымъ знаніемъ. Аналогическіе тому факты замѣчаются и въ физиологическихъ процессахъ. Многими неорганизованными веществами человѣкъ пользуется не прямо, а въ томъ видѣ, въ какомъ они являются, пройдя черезъ переработку въ растеніяхъ; точно также вещества идутъ на пополненіе и обновленіе нашего организма по предварительной переработкѣ ихъ въ желудкѣ. Дифференцированная умственная дѣятельность не создаетъ ничего новаго, а только приводитъ данное, существующее, въ новыя сочетанія, по извѣстнымъ и, притомъ, однимъ и тѣмъ же законамъ. Съ общей, отвлеченной точки зрѣнія, сознаніе не производитъ ни въ чемъ никакой перемѣны; въ дѣйствительности же оно создаетъ множество новыхъ, разнообразныхъ комбинацій, недостапныхъ непосредственному знанію, которое можетъ натолкнуться на нихъ лишь случайно и не въ состояніи ими воспользоваться для произведенія дальнѣйшихъ, болѣе сложныхъ и тонкихъ сочетаній. Такимъ образомъ, сознаніе является лишь дальнѣйшимъ, послѣднимъ осложненіемъ психической жизни,

свойственнымъ человѣку, и въ томъ развитомъ видѣ, въ какомъ онъ ею обладаетъ, не встрѣчается ни въ какомъ другомъ изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ организмовъ.

При такомъ взглядѣ на психическую жизнь и дѣятельность вообще и человѣка въ особенности, многое въ ней непонятное можетъ быть разъяснено, и многіе вопросы, кажущіеся, при теперешней ихъ постановкѣ, неразрѣшимыми, могутъ поддаться рѣшенію или отпадаютъ.

Камнемъ преткновенія для научной психологіи является загадочное, таинственное *я*—выраженіе и единичности, индивидуальности, и вмѣстѣ единства каждаго человѣка. Съ нашей точки зрѣнія открываются виды на рѣшеніе этого вопроса, по крайней мѣрѣ представляются пути, чтобы подойти къ нему съ неизслѣдованной еще стороны. Сравненіе различныхъ организмовъ показываетъ, что чѣмъ они развитѣе и совершеннѣе, тѣмъ сосредоточеннѣе, т.е. тѣмъ болѣе составныя ихъ части смыкаются въ единое органическое цѣлое. Это какъ нельзя болѣе подтверждается и непосредственнымъ наблюденіемъ, и изслѣдованіемъ нервной и мозговой системъ у животныхъ и человѣка. Въ послѣднемъ, какъ самомъ совершенномъ изъ всѣхъ организмовъ, сосредоточеніе всѣхъ элементовъ и всѣхъ отправленій достигаетъ высшей точки. Въ восходящемъ рядѣ организмовъ мы замѣчаемъ постепенное усиленіе самочувствія. Ставъ въ человѣкѣ предметомъ сознанія, оно выражается словомъ: *я*, обозначающимъ сознаніе собственнаго органическаго единства. Заключается ли затѣмъ органическое единство всѣхъ нашихъ психическихъ отправленій въ единой живой душѣ, или она есть равнодѣйствующая всѣхъ психическихъ отправленій—это вопросъ, который для нашей цѣли не представляетъ никакого интереса и не имѣетъ для нея никакого значенія.

Далѣе. Съ нашей точки зрѣнія легче, чѣмъ со всякой другой, установить точныя границы психологіи и этики, выдѣлать ихъ изъ числа другихъ смежныхъ отраслей науки. Явле-

нія непосредственной жизни и дѣятельности составляютъ предметъ такъ-называемаго положительнаго изслѣдованія и знанія. Только явленія, представляющія результатъ отправленій второй или высшей дѣятельности, которая называется сознательною, входятъ въ область психологіи и этики. Ставя эту границу, мы, разумѣется, и не помышляемъ отдѣлять обѣ эти науки китайской стѣной отъ остальныхъ, и не думаемъ разрывать ихъ связи съ естественными и другими науками. Предметами высшей способности души становятся факты, подготовленные и выработанные низшею психическою жизнью и дѣятельностью; этика имѣетъ задачею регулировать послѣдніе, подчинить ихъ извѣстнымъ нормамъ. Этимъ устанавливается такая же тѣснѣйшая взаимная связь между науками, какая существуетъ въ дѣйствительности между явленіями. Мы особенно дорожимъ точнымъ разграниченіемъ разныхъ отраслей знанія только потому, что съ ихъ смѣшеніемъ рождаются и плодятся ошибочныя, превратныя понятія о факторахъ дѣйствительной жизни. Такая путаница немало содѣйствовала ложному направленію психологіи и упраздненію этики какъ науки.

Тотъ же взглядъ проливаетъ яркій свѣтъ на происхожденіе и значеніе идеальныхъ стремленій людей. Отрицать ихъ нельзя; вычеркнуть ихъ изъ человѣческой природы невозможно. Многіе приходятъ въ раздраженіе и негодованіе при одной мысли, что есть безумцы, которые осмѣливаются легкомысленно и нечестиво посягать на идеалы и идеальныя стремленія. Но нападки такихъ безумцевъ только смѣшны и не заслуживаютъ вниманія. Тѣ, которые отрицаютъ и защищаютъ идеалы и идеальныя стремленія, одинаково забываютъ, что на свѣтѣ есть люди съ хорошими, добродѣтельными, и съ дурными, порочными стремленіями, но и въ людскихъ добродѣтеляхъ, и въ людскихъ порокахъ идеализмъ одинаково замѣшанъ. Недаромъ же давно замѣчено, что ни одно животное не можетъ сравниться съ человѣкомъ въ высотѣ его стремленій и не въ со-

стояніи пасть такъ глубоко, какъ человѣкъ. Отъ идеализма люди никакъ не могутъ отдѣлаться, потому что онъ лежитъ въ ихъ природѣ. Надо эту способность понять и извлечь изъ нея для человѣчества возможную пользу, направляя ее и парализуя приносимый ею вредъ.

Источникъ и причина идеальныхъ стремленій человѣка есть та же высшая способность, которая, повторяемъ, участвуетъ не въ однѣхъ операціяхъ мышленія, но и во всѣхъ другихъ его психическихъ отправленіяхъ. Эта способность есть источникъ и причина идеализма уже потому, что имѣетъ дѣло не съ реальными фактами и явленіями непосредственно, а съ нашими внутренними, психическими состояніями, безразлично, чѣмъ бы они ни были произведены — ви́шними ли впечатлѣніями, или органическими потребностями человѣческой природы. Ощущенія, сдѣлавшись предметами сознанія, превращаются въ идеальные предметы, непохожіе на реальные явленія и факты, какими они были до того. Кромѣ того, благодаря той же высшей способности, эти факты подвергаются переработкѣ по законамъ мышленія: сопоставляются, сравниваются, разлагаются на составныя части, которыя потомъ группируются и обобщаются отдѣльно отъ самихъ предметовъ. Такъ, предметы преобразуются и становятся совсѣмъ непохожими на свой первоначальный видъ; образуется идеальный міръ, отрѣшенный отъ той дѣйствительности, изъ которой онъ выработанъ природою и присущею человѣку способностью особаго рода. Въ идеальности его уже заключается и условіе его совершенства сравнительно съ дѣйствительностью. Разрозненное въ послѣдней — въ немъ сгруппировано вмѣстѣ и обобщено; измѣнчивое, колеблющееся, преходящее въ дѣйствительности — въ немъ представляется постояннымъ, прочнымъ и неизмѣннымъ. Идеальный міръ выводитъ такимъ образомъ индивидуальнаго человѣка изъ тѣснаго круга его личнаго существованія, подымаетъ его до всеобщаго, тянетъ неудержимо къ совершенство-

ванію, которое состоитъ въ стремленіи къ идеалу, въ усиленіяхъ осуществить его въ дѣйствительности.

Итакъ, корень идеализма и идеаловъ совершенства лежитъ въ высшей способности. Мы не можемъ отъ нихъ отдѣлаться какъ отъ своей тѣни, какимъ бы путемъ ни шли, куда бы ни обратились, потому что природожденное человѣку свойство дѣйствуетъ и тогда, когда мы не замѣчаемъ этого дѣйствія и наша личная воля въ немъ вовсе не участвуетъ. Мы привыкли называть это свойство или способность души сознаніемъ, хотя такое названіе весьма неточно и неправильно передаетъ характеръ того факта, который имъ означается. Въ томъ смыслѣ, какой мы ему обыкновенно придаемъ, сознаніе есть только актъ мышленія; мы же имѣемъ въ виду ту психическую способность, вслѣдствіе которой душевная жизнь и дѣятельность удвоится и является усугубленной, совершается какъ бы въ двухъ ярусахъ. Правильнѣе было бы различать отправленіе той и другой не названіями: сознательныя и безсознательныя, а названіями: непосредственныя и вторичныя, такъ какъ и послѣднія могутъ быть безсознательными, подобно первымъ.

Изложеннымъ выше взглядомъ на психическую организацію вообще и человѣка въ особенности проливается яркій свѣтъ на свойства нравственной дѣятельности и на такъ-называемую свободу воли. Та и другая, какъ извѣстно, представляютъ рядъ загадочныхъ явленій, ставящихъ въ тупикъ психологовъ и остающихся до сихъ поръ необъясненными, не смотря на всѣ усилія.

Что такое нравственная дѣятельность? Вопросъ этотъ разрабатывался долго и много — богословами, моралистами и юристами. Преслѣдуя преимущественно практическія цѣли, они собрали массу наблюденій, представляющихъ богатый матеріалъ для критическихъ научныхъ изслѣдованій; но онъ разработанъ пока очень мало и недостаточно, вслѣдствіе того, что психологія до сихъ поръ еще не успѣла освободиться отъ односто-

ронныхъ, враждебныхъ другъ другу направленій, которыя рвутъ ее въ разныя стороны и мѣшаютъ ей стать на строго-научную почву. Теологи, моралисты и юристы одинаково признаютъ условіями нравственной дѣятельности нормальное состояніе и зрѣлость ума и свободу воли. Поступокъ подлежитъ нравственному вмѣненію, если совершонъ умышленно или только не обдуманно. Дѣйствіе, совершонное безъ участія сознанія или подъ давленіемъ непреодолимой силы, устраняющей участіе свободной воли, не признается нравственно вмѣняемымъ. Эти основныя ученія имѣютъ у богослововъ и юристовъ свои отличія и примѣненія, въ которыхъ отдѣляются различныя точки зрѣнія тѣхъ и другихъ. Теологи больше обращаютъ вниманія на внутреннюю, юристы — на внѣшнюю сторону поступковъ.

Но уже весьма давно свобода воли встрѣтилась лицомъ къ лицу съ необходимостью, опредѣляемою различно въ различныя эпохи, и согласить ихъ, привести ихъ къ мирному сосуществованію, оказалось, не смотря на всѣ усилія, невозможнымъ: онѣ исключаютъ другъ друга. Въ послѣднее время, къ этой трудности присоединилось много другихъ, не менѣе серьезныхъ. Психопатія открыла такое множество отклоненій ненормальнаго умственнаго состоянія, какихъ прежде и не подозревали. Уголовная практика указала на массу случаевъ, доказывающихъ, что различіе умышленности и неумышленности далеко не такъ просто, и вообще участіе и безучастіе воли въ поступкѣ до того близко соприкасаются въ дѣйствительности, что довѣріе къ непогрѣшимости основныхъ ученій нравственнаго вмѣненія стало колебаться. Въ то же время, возникло, вслѣдствіе точныхъ научныхъ изслѣдованій и критики, сомнѣніе: да существуетъ ли воля вообще, какъ особая самостоятельная сила или органъ психической дѣятельности? Что касается въ особенности до свободной воли, какъ она понималась прежде, то ея невозможность доказана длиннымъ рядомъ блистательныхъ, неопровержимыхъ доводовъ. Когда такимъ образомъ по-

шатнулись самыя устои прежняго ученія о нравственной вмѣняемости, сталъ мало-по-малу существенно измѣняться и прежній взглядъ на наказаніе, какъ на справедливое возмездіе преступнику за совершонное имъ преступленіе, и бары начали, въ глазахъ мыслителей, превращаться въ мѣры исправленія или огражденія общества и государства отъ преступленій и преступниковъ. Такимъ образомъ, и въ развитіи вопроса о нравственной дѣятельности выразилось господствующее теперь во всемъ направленіе: интересъ къ личной, индивидуальной жизни и дѣятельности постепенно ослабѣваетъ и падаетъ, мѣсто его заступаетъ интересъ къ объективному значенію и роли дѣйствій и поступковъ въ обществахъ и государствахъ.

Но истребить въ людяхъ убѣжденіе, что свобода помысловъ и поступковъ есть органическая принадлежность человѣческой природы, такъ же невозможно, какъ нельзя ихъ убѣдить въ томъ, что случайность не играетъ никакой роли въ ихъ личной жизни и все совершается исключительно по закону необходимости. Если даже допустить, что послѣднее справедливо, то наука во всякомъ случаѣ обязана объяснить, почему человѣкъ считаетъ свою волю свободной, многія событія въ своей жизни случайными; ибо только тогда явленіе можетъ считаться окончательно объясненнымъ, когда не только условія и законы его найдены и опредѣлены, но и показано, откуда произошли иллюзіи, представлявшія его въ ложномъ свѣтѣ, съ ошибочной точки зрѣнія. Относительно свободной воли этого до сихъ поръ не сдѣлано, и всѣ попытки объяснить, почему человѣкъ считаетъ себя одареннымъ свободной волей, когда онъ на самомъ дѣлѣ неключимый рабъ необходимости, не удовлетворили до сихъ поръ никого.

Съ нашей точки зрѣнія, свобода воли не есть иллюзія, а дѣйствительное явленіе; только наука до сихъ поръ смотрѣла на него не такъ, какъ слѣдуетъ, и потому не могла его объяснить.

Все, что существует и происходит в мире, есть необходимый результат известных условий. Еще нигде и никогда не открыто факта, который бы существовал без сочетания условий, при которых он может появиться и быть. Человек — органическая часть природы. Как же может в нем существовать сила, создающая явления помимо всяких условий, или хотя бы только сделать выбор между различными предметами самопроизвольно, помимо всяких условий? Это невозможно и нелепо. А между тем все и каждый непосредственно убеждены в том, что, при известной обстановке, люди самопроизвольно и свободно распоряжаются своими внутренними движениями и внешними поступками. Такое убеждение не есть самообольщение, а подтверждается данными психической жизни. Многочисленные наблюдения давно установили различие между действиями вполне добровольными и такими, которые вынуждены напором непобедимых психических движений — волнения страстей, боязни и т. п. Откуда бы могло взяться такое различие, которое каждый делает, разбирая свои поступки и душевные состояния, если бы в основании его не лежали психические факты? Точно также всякий может, по своему усмотрению, переходить, болше или менше быстро, от одних мыслей, желаний и решений к другим, не имея никаких прежних никаких отношений, никакой даже внешней и случайной связи. Как объяснить это явление, отвергая всякую самопроизвольность? Если свободы действий совсем нет, то нет и не может быть волеизъявления, а ее признает, однако, род человеческий с тех пор, что себя помнит. Наконец, сравнительная физиология и психология показывают, что самопроизвольность не есть даже исключительная принадлежность людей, а появляется вместе с организованною жизнью, болше и болше развивается по мере возвышения ее до человека, и в нем, представляющем высшую ступень известной нам природы, достигает высшей известной нам степени развития.

Итак, самопроизвольность, свобода воли есть несомненный, действительный психический факт. Как же согласить его с другим, таким же несомненным фактом, что все явления на земном шаре, без малейшего исключения, зарождаются, совершаются и исчезают не иначе, как строгою необходимостью, которой одинаково подчинено все существующее? Другого выхода из этого противоречия нет, как обратиться к самой постановке дилеммы и проверить, нет ли в ходе наших выводов и заключений, или в их предпосылках, какой-нибудь ошибки, которая и привела к неразрешимому противоречию? Внимательная проверка предпосылок, на которых построена аргументация за и против свободной воли, показывает, что такая ошибка действительно была сделана. Спор ведется на основании неправильного понятия о необходимости и свободе воли, которое установилось по правилам устарелой отвлеченной логики, не умевшей обращаться с живыми явлениями. В действительной жизни нет ни безусловной необходимости, ни безусловной самопроизвольности: и та, и другая на самом деле всегда условны и относительны и изменяют этот свой характер только в области отвлеченного мышления. В природе и в социальной жизни явления совершаются с роковою неизбежностью только при действиях известных условий; нет их налицо, или они изменились — и нет явления; место его занимает другое. Значит, и в природе, и в общественной жизни условия определяют необходимость, а не необходимость создает условия. С условиями, производящими явление, часто смешиваются поводы, но и это тоже грубая логическая ошибка. Повод есть только обстоятельство, благоприятствующее явлению, а не условие его необходимости. Простуда, сырой воздух благоприятствуют чихотке, сильное душевное потрясение — разрыву сердца; но не они, с роковою необходимостью, производят расположение к органическим повреждениям, которые оканчиваются смертью.

Что мы сказали о необходимости, то вполне примѣняется и къ свободѣ воли. Она точно также не есть нѣчто само по себѣ безусловное и безотносительное, а есть явленіе возможное и необходимое только при извѣстныхъ условіяхъ. Нѣтъ ихъ на лицо—нѣтъ и свободной воли. Таеъ, человекъ, напившійся до безчувственности, психически больной, младенецъ не имѣютъ свободной воли, потому что она возможна только при зрѣлыхъ и нормально дѣйствующихъ умственныхъ способностяхъ. Мало того: не только воля и ея дѣятельность, но и вся вообще психическая жизнь совершается на матеріальной подкладкѣ, которая дѣйствуетъ и вліяетъ на нее и ея отправленія безчисленными путями и способами, изъ которыхъ только очень немногіе, и то только въ недавнее время, сдѣлались предметами точныхъ научныхъ изслѣдованій.

Отвлеченности и логическія надъ ними операціи заслонили отъ насъ также и многія характеристическія черты и особенности свободной воли, которыя, будь онѣ ранѣе подмѣчены, устранили бы множество пустыхъ, ни къ чему не ведущихъ споровъ о ея сущности. Во-первыхъ, свободная воля всегда непремѣнно дѣйствуетъ по какимъ-нибудь мотивамъ, никогда безъ мотивовъ. Это одно уже показываетъ, что она совсѣмъ не безусловна; во-вторыхъ, свободная воля всегда непремѣнно имѣетъ дѣло съ данными явленіями и фактами, психическими или внѣшними, и оперируетъ надъ ними, слѣдовательно опять-таки не есть какая-то на воздухѣ висящая сила, орудующая въ пустомъ пространствѣ, какою она является въ видѣ отвлеченнаго принципа; въ-третьихъ, свободная воля ничего не создаетъ изъ ничего, а только приводитъ въ тѣ или другія сочетанія готовый, имѣющійся на лицо матеріаль, комбинируетъ его въ новыя формы, которыхъ онъ передъ тѣмъ не имѣлъ, и этимъ производитъ новыя явленія. Только въ этомъ, а не въ другомъ какомъ-либо смыслѣ, свободная воля можетъ быть названа творческою дѣятельностью. Но не она одна такъ дѣй-

ствуетъ. Вся жизнь не только организованной, но и неорганизованной природы, есть непрерывный и сплошной рядъ смѣнъ однихъ комбинацій матеріала, данныхъ фактовъ, другими, и созиданія такимъ путемъ новыхъ явленій; наконецъ, въ-четвертыхъ, дѣятельность свободной воли не можетъ измѣнить общихъ условій и законовъ существованія; какова бы эта дѣятельность ни была и какъ бы ни казались различны ея послѣдствія, они, во всякомъ случаѣ и всегда, будутъ возвращаться въ границахъ условій и законовъ, по которымъ совершается дѣйствительная жизнь, и никакъ не могутъ изъ нихъ выйти, слѣдовательно въ отвлеченномъ, общемъ смыслѣ неуловимы и не имѣютъ никакого значенія. Отвлеченная логика, противопоставляя необходимость свободѣ воли, впадаетъ въ очевидную ошибку: оба эти понятія не могутъ быть поставлены на одну доску и противопологаемы, потому что несоизмѣримы. Въ дѣйствительной жизни совсѣмъ не одно и то же, будутъ ли мои помыслы и поступки нравственны или безнравственны, точно также, какъ въ ней далеко не безразлично, явится или не явится въ Россіи Петръ Первый, въ Пруссіи—Фридрихъ Второй или Бисмаркъ, въ Сѣверо-Американскихъ-Штатахъ—Франклинъ или Вашингтонъ; но, съ отвлеченной точки зрѣнія, все это одинаково подойдетъ подъ категорію необходимости, такъ какъ все возникаетъ и совершается въ условіяхъ и по законамъ необходимыхъ событій.

Устранивъ спекуляціи отвлеченной логики, попытаемся установить свободу воли какъ живое дѣйствительное явленіе, въ тѣхъ условіяхъ и обстановкѣ, въ какихъ оно проявляется на самомъ дѣлѣ, въ доступныхъ научному изслѣдованію фактахъ.

Прежде всего замѣтимъ, что актомъ свободной воли признается результатъ, послѣдствіе особаго рода дѣятельности, имѣющей свои особые характеристическіе признаки, на основаніи которыхъ мы и отличаемъ ее отъ всѣхъ другихъ родовъ

дѣятельности названіемъ — свободной. Итакъ, приступая къ изслѣдованію свободной воли, надо начать съ устраненія ошибочнаго представленія, которое невольно зарождается въ умѣ вслѣдствіе смѣшенія явленій съ словами, которыми они обозначаются. Свободная воля не есть особая сила или особый самостоятельный факторъ; она только особаго рода отправленіе или функція одного и того же дѣятеля, которую мы выдѣляемъ изъ другихъ и обозначаемъ особымъ названіемъ чтобы опредѣлить, что именно разумѣемъ и о чемъ говоримъ. Въ томъ же самомъ значеніи мы говоримъ о ростѣ, возрастѣ, цвѣтѣ, плотности, глубинѣ, быстротѣ и т. п., не соединяя съ этими словами понятія о самостоятельныхъ предметахъ. Оговорка эта особенно необходима въ примѣненіи къ свободной волѣ, вслѣдствіе сильно вкоренившейся въ насъ привычки къ приемамъ отвлеченной логики, которая вытѣснена совсѣмъ только изъ области такъ-называемыхъ точныхъ наукъ, но продолжаетъ и до сихъ поръ сильно тормазить успѣхи психологическихъ изслѣдованій.

Другое замѣчаніе, особенно важное для характеристики свободной дѣятельности, состоитъ въ томъ, что она находится въ неразрывной, непосредственной, тѣснѣйшей связи съ сознаниемъ. Эта особенность до того поразительна и бросается при первомъ же взглядѣ въ глаза, что нѣкоторые изслѣдователи, отрицающіе свободную волю, объясняли происхожденіе такого ошибочнаго, по ихъ мнѣнію, представленія одною сознательностью извѣстныхъ поступковъ, въ противоположность другимъ, неосвѣщеннымъ сознаниемъ. Проводя свой взглядъ послѣдовательно до конца, они пришли къ выводу, что сознание не играетъ въ человѣческой дѣятельности никакой роли, что оно только, какъ зеркало, отражаетъ въ себѣ то, что совершается произвольно, вслѣдствіе однихъ внѣшнихъ вліяній и возбужденій. Такое объясненіе не удовлетворило, да и не могло удовлетворить никого. Мы видѣли выше, что то, что

называется сознаниемъ, вовсе не есть въ нашей психической организаціи простой отражательный аппаратъ, а особая душевная функція, воспринимающая психическія явленія. Тѣснѣйшая связь свободной воли съ сознаниемъ наводитъ на мысль, что объясненія самопроизвольности должно искать въ этой психической функціи. Многія данныя подтверждаютъ эту догадку. Извѣстно, что всякая психическая дѣятельность, какова бы она ни была, вызывается какимъ-нибудь возбужденіемъ. На низшихъ ступеняхъ психической жизни возбужденіе является въ видѣ матеріальнаго толчка, который сообщается центральному органу и изъ него прямо и непосредственно выходитъ уже въ видѣ произвольнаго рефлективнаго движенія. Затѣмъ, на болѣе высшихъ ступеняхъ психическая дѣятельность является уже болѣе сложной, вслѣдствіе большей развитости центрального органа и происходящей отсюда болѣе дѣятельной его роли въ психическихъ явленіяхъ. Тутъ возбужденіе является уже не въ видѣ непосредственнаго, матеріальнаго толчка, а въ видѣ впечатлѣнія, получаемого органами чувствъ, — впечатлѣнія, которое уже само по себѣ есть весьма сложный психическій актъ. Центральный органъ уже не ограничивается непосредственною, простою передачею полученнаго впечатлѣнія органамъ движенія, а высылаетъ его изъ себя, въ видѣ движенія, въ передѣланномъ, переработанномъ и измѣненномъ видѣ, и притомъ такъ значительно, что вызванное впечатлѣніемъ движеніе не имѣетъ съ нимъ, повидимому, ничего общаго. Мало того: вмѣстѣ съ болѣею выработанностью центрального органа, не только вліяніе его на воспріятіе возбужденія и опредѣленіе движенія усиливается, но въ этомъ органѣ сосредоточивается психическая жизнь, а возбужденіе и движеніе получаютъ второстепенное значеніе и становятся къ центральному органу въ зависимое, служебное отношеніе. Мимоза-сензитива при прикосновеніи тотчасъ же съживается; а левъ, только когда голоденъ, отыскиваетъ добычу и, завидя или почувявъ

ее, принимает мѣры, чтобы она отъ него не ускользнула, и потому овладѣваетъ ею и обращаетъ себѣ въ пищу или относить къ дѣтямъ. Въ человѣкѣ и возбужденіе, и роль центрального органа, и движеніе или дѣятельность, становятся еще на высшую ступень, подвергаются еще бѣльшимъ, существеннѣйшимъ превращеніямъ. То, въ чемъ мы признаемъ отличительныя характеристическія черты человѣческой природы, сводится къ слѣдующимъ особенностямъ: во-первыхъ, слитое, непосредственное различіе, дифференцировано, — по крайней мѣрѣ есть постоянное стремленіе разложить то, что остается непосредственнымъ, неразличеннымъ; во-вторыхъ, внѣшнія возбужденія и впечатлѣнія замѣняются мотивами, идущими отъ центрального органа. Дифференціація психической дѣятельности переноситъ ее внутрь человѣка и порываетъ непосредственную связь между внѣшнимъ возбужденіемъ и дѣятельностью. Въ-третьихъ, дѣятельность является результатомъ не внѣшняго толчка или возбужденія, а внутренняго побужденія или мотива, который оказался сильнѣе другихъ. Такимъ образомъ, на высшей ступени психическая жизнь достигаетъ высшей степени сосредоточенности и относительной независимости отъ окружающей среды. Вотъ эта-то относительная самостоятельность психическихъ движеній, ея относительная независимость, по крайней мѣрѣ отсутствіе непосредственной ея зависимости отъ внѣшнихъ возбужденій, и рождаетъ понятіе о свободной волѣ. Отвлеченная логика создала изъ нея безусловный принципъ и тѣмъ исказила дѣйствительный фактъ, обозначаемый этимъ названіемъ, до неузнаваемости. Въ отвлеченномъ, безусловномъ смыслѣ, свободной воли нѣтъ, какъ вообще нѣтъ ничего безусловнаго и безотносительнаго въ живой дѣйствительности. Подъ свободною волею разумѣется дѣятельность, вызываемая и направляемая внутренними побужденіями, мотивами, въ противоположность дѣятельности чисто рефлексивной, а также дѣятельности, вызываемой непосредственно внѣшними возбужденіями или

впечатлѣніями. Свободная воля, въ этомъ смыслѣ, подлежитъ опредѣленнымъ условіямъ, какъ и всякая вообще дѣятельность, совершается по известнымъ законамъ, опредѣляемымъ дифференцированную психическою жизнью, отъ которой непосредственно зависитъ, почему нѣкоторыми и считается тождественною съ сознаниемъ. Недостаточное различіе разныхъ ступеней психической дѣятельности, которыя въ дѣйствительности смѣшиваются, переплетаются и перекрещиваются въ безчисленныхъ направленіяхъ, и есть главная причина путаницы въ головахъ по вопросу о свободной волѣ. [Способность дѣйствовать по мотивамъ или внутреннимъ побужденіямъ, а не по однимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ или непосредственнымъ внѣшнимъ толчкамъ, точно также развивается, укрѣпляется, совершенствуется упражненіемъ и привычкой, навыкомъ, какъ и всѣ другія способности.] Свободная или сознательная дѣятельность, подобно всякой другой, не создаетъ ничего новаго, а только приводитъ то, что есть, въ иныя сочетанія; ее нельзя признать и безпричинной, потому что она тоже возбуждается или вызывается побужденіями, хотя и различными отъ тѣхъ, которыми она возбуждается въ другихъ видахъ психической дѣятельности. Всѣ эти черты такъ-называемой свободной воли отнимаютъ у нея значеніе безусловнаго принципа, выводящаго ее изъ ряда другихъ явленій и противорѣчащаго общимъ законамъ всего существующаго.

Но дѣятельность сознательная, по мотивамъ, есть только одна сторона свободной воли. Чтобы вполне ее выяснитъ, необходимо знать, какъ образуются самые мотивы, какъ они между собою относятся и что даетъ имъ силу вызывать дѣятельность. Въ этой темной области мы можемъ основаться только на результатахъ психическихъ наблюденій; фізіологическія изслѣдованія нервной и мозговой жизни и отправленій недостаточно еще подвинулись впередъ, чтобы служить пособіемъ и руководствомъ при разрѣшеніи поставленныхъ трудныхъ вопросовъ.

Начнемъ съ того, что предметами вторичной или такъ-называемой сознательной психической дѣятельности становятся самые разнообразные психическія явленія и факты, не имѣющіе между собою ничего общаго или находящіеся другъ къ другу въ весьма далекомъ отношеніи и сродствѣ. Мы одинаково знаемъ и явленія окружающаго насъ міра — природы и социальной жизни — и явленія нашей собственной, личной жизни, матеріальной и психической. Они и въ сознаниі остаются различными между собою, но получаютъ одно общее всѣмъ имъ свойство, именно способность быть предметами психической переработки и сознаниа. Одно это уже показываетъ, что сознание не есть только зеркало, пассивно отражающее впечатлѣнія, а что ему соответствуетъ органическая дѣятельность, претворяющая, перерабатывающая въ себѣ то, что въ нее поступаетъ, дѣлающая его способнымъ стать предметомъ сознаниа, — подобно тому какъ составныя части почвы должны быть извѣстнымъ образомъ подготовлены, чтобы питать растенія, или пища, которую мы принимаемъ, должна пройти извѣстный процессъ, чтобы идти на пополненіе недостающихъ или убывающихъ составныхъ частицъ живого организма. Что психическая дѣятельность, которую мы называемъ сознательною, дѣйствительно имѣетъ это свойство, доказывается сравненіемъ впечатлѣній и производимыхъ ими ощущеній, съ тѣмъ видомъ, какой они получаютъ въ сознаниі. Что бы сознание въ себя ни приняло изъ внѣшняго міра и внутренней психической жизни, — все получаетъ въ немъ свой, если можно такъ выразиться, особый значокъ, и сохраняется, остается въ немъ, когда явленіе, достигнувшее сознаниа, уже исчезло и перестало производить впечатлѣніе или ощущеніе. Что общаго между мыслью, вычитанною вчера въ книгѣ, ненавистью или любовью къ тому или другому лицу, ощущеніемъ голода или боли и образомъ чловека, котораго я вчера видѣлъ въ первый разъ? Однако всѣ эти разнородные предметы поступаютъ въ сознание подъ сво-

имъ особымъ значкомъ. Они претворились въ немъ и въ этомъ претворенномъ видѣ стали ему доступными, не смотря на свое различіе.

Сдѣлавшись предметомъ сознаниа, обратившись въ немъ въ значокъ, явленіе теряетъ, въ этомъ новомъ своемъ видѣ, непосредственную силу и принудительность внѣшняго толчка, возбужденія или впечатлѣнія. Не они, а уже нѣчто другое становится внутреннимъ побужденіемъ для дѣятельности, которое мы выше назвали мотивомъ. Какъ сознательность представляетъ высшую степень сосредоточенія психической жизни, такъ и мотивъ, неразрывно связанный съ сознательностью, можетъ зародиться только въ стремленіяхъ и наклонностяхъ личной, индивидуальной природы и жизни чловека. Не различая безсознательной, полусознательной и вполне сознательной дѣятельности, мы нерѣдко смѣшиваемъ мотивъ съ впечатлѣніемъ или внѣшнимъ толчкомъ; но это большая ошибка. Мотивъ зарождается внутри насъ, вытекаетъ изъ нашей индивидуальной природы и принимаетъ въ сознаниі опредѣленный, формулированный образъ, матеріаломъ для котораго служитъ то, что поступило въ сознание, стало для него доступнымъ. Въ сознаниі, стремленія и наклонности чловека преобразуются въ намѣренія и цѣли, подбирая изъ накопленныхъ въ сознаниі данныхъ тѣ, которыя всего ближе къ нимъ подходятъ, болѣе всего имъ соответствуютъ. Смотря по наклонностямъ и стремленіямъ, различны будутъ цѣли и намѣренія. Голодъ и холодъ, любовь и ненависть къ лицу, предрасположеніе къ общему, идеальному, выберутъ и сгруппируютъ соответствующія имъ данныя изъ накопленнаго въ сознаниі богатаго матеріала и придадутъ имъ форму цѣли. Затѣмъ уже цѣль осуществляется. Сходный съ этимъ процессъ преобразованія стремленій и наклонностей въ цѣли мы замѣчаемъ и въ наиболѣе развитыхъ животныхъ организмахъ, съ тою только разницею, что въ нихъ идеальныя стремленія несравненно слабѣе, на нихъ есть лишь

намеки, и сознательное, преднамѣренное, обдуманное отноше-
ніе къ цѣлямъ замѣняется операціями бессознательнаго мы-
шленія.

Одновременное существованіе въ человѣкѣ самыхъ разно-
образныхъ предрасположеній, наклонностей и стремленій, пре-
образующихся, въ сознаніи, въ цѣли и формулированныя задачи,
предполагаетъ, съ одной стороны, общую всѣмъ имъ среду, въ
которой они, не смотря на все ихъ разнообразіе, приводятся,
такъ сказать, къ одному знаменателю, какъ разнообразная пища
въ желудкѣ; а съ другой—возможность сопоставленія различ-
ныхъ стремленій и наклонностей, и слѣдовательно, ихъ взаимныя
столкновенія и борьбу. Общая всѣмъ имъ среда есть, какъ мы
видѣли, такъ-называемая сознательная дѣятельность, которая
нейтрализуетъ внѣшнія возбужденія и впечатлѣнія и въ то же
время превращаетъ предрасположенія и наклонности человѣка
въ опредѣленныя формулированныя цѣли. Что касается столк-
новенія и борьбы мотивовъ, то это фактъ безспорный, обще-
доступный, едва ли вѣмъ неизвѣданный по собственному опыту.
Борьба эта рѣшается по законамъ механики: который мотивъ
сильнѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ надъ другими и формули-
руется въ цѣль и задачу, которая разрѣшается дѣйствіемъ или
поступкомъ. Въ такомъ преобладаніи болѣе сильныхъ мотивовъ
надъ слабыми есть нѣчто роковое, неотразимое. Моралисты не
могутъ примириться съ такимъ неизбѣжнымъ исходомъ столкно-
венія мотивовъ, и указываютъ на разныя средства, которыя
будто бы имѣютъ силу и власть отворотить его. Тщетныя усилія!
Противъ него нѣтъ ни заклинаній, ни чаръ. Единственное
средство отклонить нежелаемыя фатальныя послѣдствія борьбы
мотивовъ,—это измѣнить взаимныя отношенія самихъ моти-
вовъ, усилить одни, ослабить другіе, словомъ, измѣнить условія
ихъ борьбы. Такимъ образомъ, въ мірѣ психической дѣятель-
ности мы встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ тѣмъ же закономъ,

съ которымъ давно свыклись и освоились въ практической,
внѣшней, объективной дѣятельности. Стремясь подчинить себѣ
окружающій міръ и приспособить его къ нашимъ потребно-
стямъ, мы не задаемся мечтой измѣнить законы природы, а
располагаемъ условія, при которыхъ она дѣйствуетъ, такъ,
чтобъ она производила то, что намъ нужно и желательно.

III.

Изложенныя мысли и соображенія пополняютъ, какъ мы думаемъ, нѣкоторые существенныя пробѣлы въ современномъ научномъ міросозерцаніи, мѣшающіе установленію и развитію научной этики, или ученія о нравственности. Прежде чѣмъ перейти къ ней, укажемъ на эти пробѣлы и постараемся объяснить, что именно вызываетъ въ наше время необходимость коренного поворота въ основныхъ взглядахъ на жизнь и ея условія.

Больное мѣсто всѣхъ міровоззрѣній, научныхъ и ненаучныхъ, есть глубокій мракъ, которымъ до сихъ поръ окружена связь между единичнымъ, индивидуальнымъ, личнымъ существованіемъ и его объективными условіями. Раскрытіе этой связи есть высшая изъ всѣхъ задачъ науки, послѣднее слово всѣхъ научныхъ системъ, главная цѣль стремленій самыхъ свѣтлыхъ умовъ и благороднѣйшихъ сердець. Съ тѣхъ поръ что люди начали думать надъ общими вопросами, они безпрестанно возвращаются къ этому основному вопросу, встрѣчаясь съ нимъ лицомъ къ лицу ежеминутно, не въ однихъ теоретическихъ соображеніяхъ, но и въ малѣйшихъ подробностяхъ ежедневной практической жизни и дѣятельности. Что такое я, человеческая единица, посреди природы, другихъ людей, обще-

ства и въ своемъ собственномъ тѣлѣ? Мыслью я ихъ обнимаю, полетъ моихъ желаній и стремленій уноситъ меня далеко назадъ и впередъ, даже за предѣлы міра; но въ то же время я чувствую и сознаю, что связанъ своей обстановкой и своимъ тѣломъ по рукамъ и ногамъ, подчиненъ имъ какъ ничтожнѣйшій рабъ, нахожусь въ полной, роковой зависимости отъ случайностей, которыя могутъ меня раздавить и уничтожить, какъ послѣдняго червяка. И единичный человѣкъ, и природа—не сомнѣнныя реальности; но какъ онѣ между собою относятся—окружено непроницаемой тайной.

Еще таинственнѣе и непостижимѣе тѣ высшія силы, которыя, не будучи вовсе доступны чувствамъ, управляютъ судьбами и единичнаго человѣка, и всего міра. Что онѣ такое, какава ихъ природа, какава связь между ними и единичнымъ человѣкомъ, какимъ образомъ онѣ дѣйствуютъ на него и весь міръ? Что такія силы есть, что онѣ дѣйствительно существуютъ и дѣйствуютъ—составляетъ глубочайшую, непоколебимую увѣренность всего человѣческаго рода, съ тѣхъ поръ что онъ себя помнитъ.

Первымъ толчкомъ, разбудившимъ человѣка къ умственной и нравственной дѣятельности, была потребность жить, существовать. Окружающая среда давала къ тому средства и въ то же время представляла разныя препятствія. Надо было къ ней приспособиться и ее приладить такъ, чтобы она удовлетворяла нуждамъ. Эти заботы впервые заставили человѣка думать и соображать, приобрѣтать познанія, изловчаться къ разнаго рода полезнымъ для него приемамъ и навыкамъ.

Продѣлавъ эту первоначальную школу и нѣсколько устроивъ свое существованіе, человѣкъ добрался и до общихъ вопросовъ, сначала до тѣхъ, которые имѣли ближайшее отношеніе къ его жизни и потребностямъ, а потомъ, мало-по-малу, и до болѣе далекихъ. Два пути открывались передъ нимъ. Священные голоса, исходившіе какъ бы свыше, говорили ему: не пы-

тайся узнать всего; всевѣдущимъ ты никогда не будешь. Мы открываемъ тебѣ то, что тебѣ необходимо знать, чтобы быть по возможности удовлетвореннымъ и счастливымъ на землѣ. Слѣдуй правиламъ, какія мы тебѣ даемъ, держись ихъ крѣпко, и ты найдешь въ нихъ желанное успокоеніе и точку опоры противъ осаждающихъ тебя со всѣхъ сторонъ бѣдъ и напастей. Другой голосъ, раздававшійся изъ собственной груди человѣка, властно приказывалъ: ищи, думай, изслѣдуй все своими силами и умомъ, не слушаясь никого. Тебѣ все доступно; никакая тайна не будетъ для тебя закрыта, если ты станешь самъ усиленно добиваться, опираясь на самого себя. — Человѣкъ раздвоился. Вѣра и знаніе служили ему помощными крыльями; взмахи ихъ поднимали его все выше и выше къ свѣтлой обители полного райскаго блаженства и къ горнымъ, лучезарнымъ высотамъ, гдѣ тайны міра скрыты отъ бранныхъ глазъ. Вѣра отвѣчала на запросы его личной, индивидуальной душевной жизни, наука разъясняла ему условія его объективнаго положенія въ природѣ и въ человѣческомъ обществѣ.

Сначала оба пути лежали почти рядомъ, и люди могли идти обоими вмѣстѣ; но чѣмъ дальше, тѣмъ пути расходились больше и больше и, наконецъ, разошлись совсѣмъ. Знаніе, наука, постепенно расширяясь, захватили въ кругъ своихъ изслѣдованій и горніе предѣлы, и священные завѣты и ученія, проникли и въ сокровеннѣйшія тайны человѣческой души, всюду и во всемъ отрывая неизмѣнные условія и законы, управляющіе объективною стороною дѣйствительной жизни. Но индивидуальное, личное, единичное, до сихъ поръ ускользало изъ руки, какъ Протей; оно всегда выпадало изъ знанія, и съ нимъ справиться или хотя бы только подойти къ нему наука не смогла. Причина этого лежитъ въ ея приемахъ и въ свойствѣ единственнаго ея орудія — мышленія. Умъ разсѣкаетъ живое явленіе, чтобы извлечь изъ него общее; наука и зани-

мается только общимъ: индивидуальное, единичное отбрасывается ею, какъ ненужное для ея цѣлей; между тѣмъ оно-то и есть реальное, сама дѣйствительность, сама жизнь. Стало быть, наука въ самую жизнь проникнуть не можетъ. Что же она такое? И что такое это общее, которое она вырабатываетъ? къ чему оно служить?

Вотъ гдѣ причина недостаточности, неудовлетворительности знанія. На эту тѣму со всѣхъ сторонъ слышатся безчисленныя и безконечныя іереміады, часто поражающія своею эксцентричностью и нелѣпостью. Вмѣсто крокодиловыхъ слезъ и фарисейскихъ воздыханій надъ ограниченностью человѣческаго разума и тщетою научнаго знанія, слѣдовало бы приняться за рѣшеніе вопроса: что такое объективное, научное знаніе, что оно даетъ и можетъ дать, чего мы можемъ отъ него ожидать и требовать?

Вопросы эти давно поставлены и много разъ рѣшались, но до сихъ поръ рѣшенія оказывались неудовлетворительными, вовсе не по немощи человѣческаго разума, а потому, что матеріалъ для правильнаго рѣшенія не былъ достаточно, и тотъ, который имѣлся, не былъ довольно подработанъ. Эти препятствія постепенно устраняются. Философія, особливо въ Германіи, давно уже выяснила законы и формы мышленія. Въ послѣднее время психологія и фізіологія, еще недавно враждовавшія между собою, усиленно и дружно, рука объ руку, работаютъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, но въ одномъ и томъ же направленіи и по одному и тому же точному методу изслѣдованія, надъ раскрытіемъ источниковъ умственной дѣятельности въ человѣкѣ. Благодаря этимъ трудамъ, мы теперь можемъ предугадывать, къ какимъ они должны придти выводамъ.

Знаніе, думалось когда-то, есть нѣчто непосредственное и крайне простое, понятное само собою. Человѣкъ знаетъ предметъ, вотъ и все. Онъ узнаетъ его въ первый разъ такъ же

просто, какъ признаетъ его при новой съ нимъ встрѣчѣ. Но оказывается, что знаніе—весьма сложный психическій актъ, и что предметъ знанія вовсе не то, что мы подъ нимъ разумѣемъ, а нѣчто совсѣмъ другое. Передо мною мой письменный столъ. Я его давно и хорошо знаю и воображаю, что знакомъ съ нимъ непосредственно. На самомъ же дѣлѣ это вовсе не такъ. Столъ производитъ во мнѣ впечатлѣніе, и я знаю это впечатлѣніе, а не самый столъ. Каждый разъ онъ производитъ на меня одно и то же впечатлѣніе, по которому я и узнаю, что передо мною тотъ же самый столъ, за которымъ я много разъ сживалъ и прежде. Все, что мы узнаемъ или признаемъ, мы знаемъ такимъ же образомъ. Ощущенія, мысли, которыя въ насъ родились или нами вычитаны, производятъ въ насъ впечатлѣнія, и эти впечатлѣнія мы узнаемъ или признаемъ. Значитъ, не одни внѣшнія явленія, а все на свѣтѣ можетъ быть предметомъ, объектомъ знанія, но только по впечатлѣніямъ, какія оно въ насъ производитъ; а такъ какъ всякое произведенное въ насъ впечатлѣніе находится въ насъ, то и оказывается, что знаніе не имѣетъ дѣла непосредственно съ предметами, а съ тѣми слѣдами, какіе эти предметы оставили въ нашей душѣ. [Достоверность, несомнѣнность знанія основана на увѣренности, что одинъ и тотъ же предметъ производитъ въ насъ одно и то же впечатлѣніе.]

Но способность получать впечатлѣнія можетъ быть у разныхъ людей весьма различна, а потому различно будетъ и ихъ знаніе, у каждаго—свое. Какое же изъ этихъ разныхъ знаній будетъ правильное? Для этого нѣтъ другой повѣрки, кромѣ отзыва или свидѣтельства большого числа людей или тѣхъ, у которыхъ, по общему признанію, способность принимать впечатлѣнія нормально дѣйствуетъ и наилучше развита. Я могу сойти съ ума, и вообразить, что кресло, на которомъ я сижу, есть коляска, въ которой я ѣду; это заблужденіе тотчасъ же будетъ открыто и поправлено первымъ встрѣчнымъ, не лишен-

нымъ здраваго смысла; а чтобъ провѣрить діагнозъ болѣзни или правильность химическаго анализа, нуженъ знающій врачъ или химикъ.

Таковы элементы и дѣйствительное значеніе знанія; таково оно на низшихъ своихъ ступеняхъ и въ самыхъ высшихъ философскихъ спекуляціяхъ. Вездѣ и всегда человѣкъ знаетъ не самый предметъ непосредственно, а впечатлѣніе на него предмета; достоверность и истина знанія покоятся на томъ, что предметъ производитъ одно и то же впечатлѣніе на большинство людей, имѣющихъ нормальныя умственныя способности.

Таково истинное, несомнѣнное значеніе для человѣка объективнаго, предметнаго міра и человѣческаго знанія объ этомъ мірѣ. Кантъ только приподнял завѣсу надъ фактомъ, который до него былъ скрытъ непроницаемой тайной. Если провести его мысль до конца, то всѣ наши взгляды на человѣка, его отношенія къ окружающей средѣ и на самое знаніе—должны измѣниться кореннымъ образомъ. Мы думали, что между мыслью человѣка и окружающей его средой проведена рѣзкая граница: на повѣрку выходитъ, что такой границы нѣтъ, что окружающая среда перенесена въ насъ въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя мы отъ нея получили. Мы были убѣждены, что окружающая насъ среда извѣстна намъ, какъ нѣчто внѣ насъ существующее, безусловно объективное; оказывается, что мы знаемъ ее лишь настолько, насколько она производитъ на насъ впечатлѣніе. Стало быть, наше знаніе о ней не можетъ быть безусловно объективнымъ. Мы воображали, что, дѣйствуя на окружающую среду или подвергаясь ея дѣйствию и влияніямъ, человѣкъ вступаетъ въ какія-то непонятныя и необъяснимыя непосредственныя отношенія съ предметами совсѣмъ ему чуждыми и съ нимъ разнородными; отъ этого взгляда приходится совсѣмъ отказаться: разнородное и совсѣмъ чуждое не можетъ вліять и дѣйствовать одно на другое; притомъ взаимодѣйствіе человѣка и того, что его окружаетъ, не есть непосредственное.

Дѣйствія на насъ объективнаго міра преобразуются въ психическія состоянія, и въ этомъ только видѣ становятся доступны человѣку. Поэтому-то и внѣшнія дѣйствія человѣка могутъ измѣнять существующія въ дѣйствительномъ предметномъ мірѣ комбинаціи условій, и тѣмъ производить измѣненія въ обстановкѣ людей.

Что же такое, послѣ всего сказаннаго, наша умственная дѣятельность и результатъ ея—знаніе? Въ правѣ ли мы считать ихъ безусловными, признавать, какъ прежде выражались нѣмецкіе философы, абсолютными? Нѣтъ, наша умственная дѣятельность и наши знанія такъ же относительны и условны, какъ все въ мірѣ. Только отвлеченная логика придала имъ свойства, которыхъ они совсѣмъ не имѣютъ. Мышленіе, умъ, есть особая способность, которою одарены, въ большей или меньшей мѣрѣ, всѣ живые организмы, а человѣкъ, благодаря способности воспринимать свои психическія состоянія и подвергать ихъ новой переработкѣ, одаренъ въ высшей степени. Мышленіе есть не болѣе, какъ особый, свойственный организмамъ способъ отношеній къ окружающей средѣ и явленіямъ. Оно возвращается въ мірѣ впечатлѣній и переступить за ихъ область не можетъ. Мысли, представленія, предметы знанія суть результаты, продукты умственныхъ операцій надъ впечатлѣніями, полученными отъ дѣйствительныхъ явленій, и не заключаютъ въ себѣ ничего безусловнаго или абсолютнаго. Способность перерабатывать впечатлѣнія только расширяетъ кругъ дѣятельности человѣка и усиливаетъ его мощь, не измѣняя ея существа и способовъ дѣйствія. Вслѣдствіе этой способности, человѣческому уму открывается, при ея участіи, міръ психическихъ движеній, недоступныхъ умственной дѣятельности другихъ организмовъ, и умственные операціи отдѣльныхъ людей съ ихъ результатами выводятся изъ тѣснаго круга индивидуальности и возвышаются до степени общаго, коллективнаго продукта умственной дѣятельности людей. Непониманіе этихъ двухъ

свойствъ человѣческаго ума, дѣлающихъ его способнымъ подниматься до высшихъ, самыхъ отвлеченныхъ спекуляцій, долго мѣшало точному знанію и ясному пониманію условій и законовъ умственныхъ процессовъ и ихъ продуктовъ. Теперь и эта тайна болѣе и болѣе разоблачается. Умъ есть лишь особый видъ психической дѣятельности, служащій, какъ и всѣ другія психическія отправленія, для развитія и улучшенія человѣческаго существованія во всѣ стороны и во всѣхъ направленіяхъ, соотвѣтственно его природѣ. Пареніе къ идеальнымъ высотамъ, отрѣшеніе отъ живой дѣйствительности, такъ же мало составляетъ цѣль и назначеніе умственныхъ отправленій, какъ и отрицаніе всего идеальнаго и стремленіе низвести человѣка въ разрядъ менѣе совершенныхъ организмовъ. Вдобавокъ и то, и другое невозможно: умъ нельзя по произволу привести въ бездѣйствіе или отрѣшить отъ живого человѣка: мышленіе составляетъ его природенную принадлежность, которая дѣйствуетъ и заявляетъ себя и сознательно и бессознательно. Рѣчь можетъ идти только о выработкѣ этой способности, о направленіи ея дѣятельности на пользу людей и ихъ организованнаго сожителства, а это возможно лишь при правильномъ пониманіи этой способности, ея способовъ дѣйствія, ея роли въ психической жизни и въ экономіи жизни организма вообще.

Такой взглядъ, не получившій еще правъ гражданства въ науку, но подготовленный и уже намѣченный всѣмъ ходомъ историческаго развитія знанія, переноситъ центръ тяжести изъ объективныхъ условій существованія людей въ психическую жизнь и дѣятельность живого лица, и на мѣсто господства логическихъ отвлеченностей, механическихъ, безличныхъ, безстрастныхъ и бездушныхъ законовъ ставитъ въ человѣческихъ дѣлахъ живую самодѣятельность людей. При такомъ взглядѣ жизнь человѣка не можетъ уже представляться жертвою случайностей или безсильной и бесплодной борьбы противъ слѣпотаго рока, безопадно давящаго все на своемъ пути, заѣдаю-

щаго тысячи существований во имя чуждых ему математических и логических формулъ. Вся жизнь и дѣятельность отдѣльнаго лица и общества людей получаетъ, при такомъ взглядѣ, значеніе осмысленнаго труда, способнаго болѣе и болѣе приспособлять объективный міръ, какъ дѣйствительно внѣ его существующій, такъ и изъ него самого образовавшійся, въ потребностямъ психическаго и матеріальнаго существованія людей, личнаго и коллективнаго. Но чтò еще гораздо значительнѣе, — при такомъ взглядѣ исчезаетъ непереступаемая граница, которая до сихъ поръ раздѣляла личную, индивидуальную жизнь отъ общей и коллективной, субъективную — отъ объективной. Соединенныя усилія психологіи и естественныхъ наукъ проложили дорогу чрезъ кажущуюся пропасть, показавъ, что представляющійся объективнымъ міръ внѣшнихъ реальностей и идей есть продолженіе личнаго, индивидуальнаго, субъективнаго міра, а также и то, какъ и почему объективный міръ, съ развитіемъ субъективнаго и соотвѣтственно съ нимъ, измѣняется въ своихъ формахъ. Самый фактъ такой ихъ связи былъ уже давно извѣстенъ; теперь выясняются его условія и законы.

Та же органическая связь объективнаго міра съ субъективнымъ проливаетъ яркій свѣтъ на фактъ, нѣсколько разъ повторившійся въ исторіи, именно на тотъ, что блестящее развитіе общественности и культуры обыкновенно шло, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, рука объ руку съ упадкомъ нравственной индивидуальной жизни и нравственной личности, — упадкомъ, который разрѣшался паденіемъ общественности и культуры, страшнымъ разочарованіемъ, уныніемъ и скорбью, посреди которыхъ зарождались ученія, имѣвшія задачей высвободить индивидуальнаго человѣка изъ нравственной тины и болота, въ которыхъ онъ погрязъ и задышался, очистить и обновить его, поднять въ немъ упавшія силы и вызвать внутреннюю самостоятельность и бодрость духа. Въ эпохи, подоб-

ныя нашей, человѣкъ, погруженный исключительно въ объективный міръ, въ убѣжденіи, что найдетъ въ немъ для себя твердую точку опоры, утрачиваетъ личные идеалы, а съ ними и смыслъ личной, индивидуальной жизни. Окончательно запутавшись и сбившись съ толку, человѣкъ въ такія эпохи всегда невыразимо страдалъ и тяготился жизнью, какъ мы, европейцы, теперь. Развитіе древнихъ индусовъ завершилось ученіемъ Будды; въ Греціи, передъ ея разложеніемъ и упадкомъ, появился Сократъ: ослабленіе и паденіе римской жизни отозвалось въ ученіяхъ римскихъ стоиковъ и эпикурейцевъ. По странному недоразумѣнію, всѣмъ этимъ ученіямъ отводять мѣсто въ исторіи философскихъ системъ, съ которыми они не имѣютъ ничего общаго, хотя вліяніе ихъ на философію было чрезвычайно сильно и повело къ упадку прежнихъ и появленію на ихъ мѣсто новыхъ философскихъ системъ. Всякое философское ученіе представляетъ болѣе или менѣе связанное и полное объективное міросозерцаніе, объясненіе основныхъ причинъ явлений. Таковъ былъ даже первый дѣтскій лепетъ философской мысли у іонійцевъ, не говоря о другихъ, гораздо болѣе зрѣлыхъ философскихъ мировоззрѣніяхъ мыслителей древняго и новаго міра. Ничего подобнаго не представляютъ ученія Будды, Сократа, римскихъ стоиковъ и эпикурейцевъ, вызванныя не потребностью дать новыя основанія наукѣ и знанію, а разрѣшить загадку личной, индивидуальной жизни, отвѣтить на потребность въ личномъ успокоеніи и удовлетвореніи.

По преданіямъ, Будда происходилъ если не изъ царскаго, то изъ знатнаго рода, воспитывался въ нѣгѣ и довольствѣ. Съ юношескою опрометчивостью, онъ, по его собственнымъ словамъ, записаннымъ впоследствии, съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрѣлъ на старость, болѣзнь и смерть. Но потомъ его взяло раздумье: только глупый простакъ чувствуетъ къ нимъ ужасъ и отвращеніе въ другихъ, когда самъ имъ подверженъ и несвободенъ отъ ихъ власти. Разсуждая такъ съ самимъ собою,

онъ чувствовалъ, что въ немъ исчезала отвага, свойственная молодости. Двадцати-девяти лѣтъ отъ роду онъ бросилъ отцовскій домъ, семью, родныхъ, разстался съ роскошной обстановкой и довольствомъ, и сталъ искать, откуда страданія въ мірѣ и какъ ихъ уничтожить? Послѣ многихъ лѣтъ искуса, ученія, скитанія и крѣпкой думы, сознание его прояснилось; онъ пришелъ къ слѣдующимъ мыслямъ:

Страданіе—вотъ удѣлъ человѣка на землѣ. Четыре истины относятся къ страданію, къ его происхожденію, къ его уничтоженію и къ средствамъ его уничтожить.

Рожденіе, старость, болѣзнь, смерть, соединеніе съ тѣмъ, чего не любишь, разлука съ тѣмъ, чтѣ любишь, недостиженіе того, чего желаешь,—словомъ, привязанность къ земному въ пяти видахъ есть страданіе. На широкомъ пути странствованій и блужданій, въ горѣ и плачѣ о томъ, что намъ на долю выпало то, чтѣ мы ненавидимъ, и не выпало того, чтѣ любимъ, пролито слезъ больше, чѣмъ водъ въ четырехъ великихъ моряхъ.

Страданія происходятъ отъ жажды къ существованію, ведущей отъ возрожденія къ возрожденію, вмѣстѣ съ наслажденіемъ и желаніемъ, которое тамъ и здѣсь находитъ удовлетвореніе,—жажды къ страстямъ, къ рожденію (zum Werden), къ власти.

Прекращеніе страданія есть уничтоженіе этой жажды, чрезъ совершенное уничтоженіе желанія, отказъ отъ него, отреченіе отъ него, разрывъ съ нимъ, неоставленіе ему мѣста.

Путь къ уничтоженію страданія — стезя въ восьми отдѣлахъ: истинные (rechtes) вѣра, рѣшимость, слово, дѣло, жизнь, стремленіе, помысль, погруженіе въ себя.

Тѣлесныя ощущенія, представленія, образы бытія, сознание—не сами мы, и потому отъ нихъ должно отвращаться. Отвращаясь отъ нихъ, человѣкъ освобождается отъ желаній; прекращеніемъ желаній достигается избавленіе; въ избавленномъ возникаетъ знаніе о своемъ избавленіи: возрожденіе уничто-

жено, праведный путь совершенъ, долгъ исполненъ, нѣтъ болѣе возврата къ этому міру. Нирвана—такъ называется въ ученіи Будды такое душевное состояніе—есть наступающая при жизни безгрѣшность и отсутствіе страданій.

Сократъ всею своею личностью выражалъ поворотъ греческаго общества отъ объективной дѣйствительности къ внутренней, субъективной психической жизни. Онъ жилъ въ эпоху высшаго процвѣтанія греческой образованности и культуры и былъ современникомъ софистовъ, проводившихъ въ философіи и преподаваніи начало индивидуализма, разложившаго древнегреческій общественный и политическій бытъ,—съ смѣлостью, послѣдовательностью и односторонностью, которыя неволью напоминаютъ точку зрѣнія и дѣятельность римскихъ юристовъ въ области права.

Сократа—грека съ головы до ногъ по натурѣ — не прельщала ни политическая жизнь, ни поэтическія народныя вѣрованія, ни искусство, въ которомъ онъ искалъ только полезнаго; но въ то же время онъ строго соблюдалъ законы своей страны и подчинялся требованіямъ религіи. Ничего похожего на отвращеніе отъ людей или міра и его благъ въ Сократѣ не было; напротивъ, обращеніе съ людьми, дѣятельное участіе въ ихъ ежедневномъ быту, радостяхъ, печаляхъ, дѣлѣ, трудахъ и удовольствіяхъ, составляло для него живую потребность и наполняло его жизнь; только самъ онъ воздерживался отъ пороковъ и излишествъ, служилъ всѣмъ примѣромъ добродѣтели и воздержанія и училъ имъ другихъ, особенно юношей, словомъ и дѣломъ. Ученіе его, какъ и Будды, не дало непосредственно ничего новаго, въ смыслѣ объективнаго знанія, а между тѣмъ приготовило и произвело переворотъ въ греческой философіи, потому что поколебало въ воззрѣніяхъ грековъ прежде безусловное довѣріе къ міру объективныхъ явленій, которое уже ослабѣло и начало потухать въ ежедневномъ быту и жизни, и указало, вмѣсто него, на внутренній психическій міръ, на

душевныя движенія и помыслы, какъ на источникъ и основаніе человѣческой жизни и дѣятельности. Только узнавъ свою душевную жизнь, выработавъ и воспитавъ душу къ добру и правдѣ, человѣкъ, по ученію Сократа, и во внѣшнихъ своихъ поступкахъ будетъ добродѣтеленъ и станетъ счастливъ.

Съ переворотомъ, произведеннымъ въ міросозерцаніи грековъ, указаніемъ Сократа на внутренній психическій міръ, открылась эра блистательнаго развитія объективнаго знанія, въ лицѣ Платона и Аристотеля. Но послѣ нихъ греческая мысль одряхлѣла и потухла. Въ ученіи стоиковъ и эпикурейцевъ она опять возвращается къ единичной индивидуальной жизни, ищетъ въ душевномъ состояніи человѣка мира, удовлетворенія, отдыха и точки опоры; но въ этихъ исканіяхъ не видно бодрости и увѣренности, съ которой прежніе греческіе мыслители самыхъ различныхъ направленій выходили на поиски истины. Усталостью и безнадежностью отзываются воззрѣнія стоиковъ и эпикурейцевъ. Они стоятъ на субъективной почвѣ, но не умѣютъ связать душевной жизни и стремленій съ положеніемъ человѣка въ окружающей его средѣ, которая живетъ какою-то особою жизнью, и беспощадно давитъ людей своею бездушною тяжестью. Чтѣ остается человѣку? Уйти въ себя и въ своемъ личномъ характерѣ или внутреннемъ равновѣсіи или наслажденіи искать точку опоры противъ чуждаго, холоднаго, роковаго внѣшняго міра и его неизмѣнныхъ законовъ. Другого утѣшенія тогдашній человѣкъ не имѣлъ, и этотъ взглядъ выразился въ ученіяхъ стоиковъ и эпикурейцевъ. У римлянъ, въ концѣ греко-римскаго міра, стоицизмъ получилъ трагическій характеръ, эпикуреизмъ выродился въ распущенность и безцѣльность жизни. Ни то, ни другое направленіе не дало удовлетворенія глубоко скорбящему, растерявшемуся, скучающему міру.

Переродило человѣка христіанское ученіе. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не было выражено съ такою ясностью, полнотою и убѣдительною, что во внутреннемъ, душевномъ со-

стояніи заключается весь смыслъ индивидуальнаго человѣческаго существованія; что въ постоянной работѣ надъ самимъ собой, съ цѣлью очистить свои внутренніе помыслы и движенія, заключается задача, цѣль и смыслъ личной жизни человѣка, отъ рожденія до гробовой доски, и что только этимъ путемъ, узкимъ и тернистымъ, онъ можетъ достигнуть покоя, мира и удовлетворенія, которыхъ жаждетъ и къ которымъ вѣчно стремится. Къ принятію этихъ истинъ человѣкъ былъ подготовленъ ученіями древнихъ; но христіанство, кромѣ того, съ особеннымъ удареніемъ провозгласило, что такое удовлетвореніе доступно всѣмъ людямъ, кто бы они ни были, и достигается не однимъ погруженіемъ человѣка въ самого себя, а въ жизни съ людьми и между ними, въ какомъ бы то ни было положеніи.

Въ цѣли, указанной христіанскимъ ученіемъ индивидуальному человѣку, выраженъ полный, законченный смыслъ личной жизни, выше, совершеннѣе котораго нѣтъ и нельзя себѣ представить. Все, чтѣ думалось и говорилось о томъ же прежде, представляетъ блѣдныя, отрывочныя, разрозненныя намеки на то, чему такъ связно, ясно, точно и сильно учитъ христіанство. Попытки отыскать въ буддизмѣ, у пифагорейцевъ, Сократа или Платона этическихъ ученія, напоминающія или превосходящія возвышенную нравственную проповѣдь христіанства, оказались несостоятельными. Чтѣ общаго между благорасположеніемъ, милосердіемъ и состраданіемъ къ людямъ, которому учитъ Будда, полагавшій, подобно стоикамъ, что высшее совершенство человѣка состоитъ въ полномъ безстрастіи и нечувствительности ко всякимъ возбужденіямъ извнѣ, и дѣятельною любовью къ людямъ, которая ставится христіанствомъ, наряду съ любовью къ Богу, во главу угла всѣхъ добродѣтелей? Какъ сопоставить чаяніе психическаго міра, которое впервые выразилось въ ученіи греческаго мудреца художественнымъ сліяніемъ знанія, соображеній практической пользы и

внутренних, душевных движений, съ вполне яснымъ, точнымъ, законченнымъ учениемъ христіанства о томъ, что въ индивидуальной, личной жизни единственнымъ свѣточемъ и руководствомъ должны служить душевныя блага, и ихъ слѣдуетъ предпочесть всему на свѣтѣ, до пожертвованія имъ всякихъ другихъ благъ и самой жизни? Этические ученія и системы, появившіяся у христіанскихъ народовъ, не создали ничего новаго, а либо истолковывали христіанскую этику, либо представляютъ болѣе или менѣе неудачныя усилія подыскать для нея теоретическія основанія. Она стоитъ неизмѣримо выше всего, что о ней когда-либо было говорено и писано. По своей поразительной глубинѣ и въ то же время простотѣ, она — образецъ совершенства, послѣднее слово этической мудрости, которой яснаго смысла и убѣдительности не могли затемнить ни вольныя и невольныя ошибки людей, ни измѣнявшіяся обстоятельства, ни расколы и вражды исповѣданій, ни предразсудки и вѣрованія народовъ, принявшихъ христіанство и перенесшихъ на него отчасти свои прежнія міровоззрѣнія. Какъ непреступная скала стоитъ христіанская этика непоколебимо и недосыгаемо высоко посреди всѣхъ волненій и бурь историческаго развитія, и къ ней люди, въ концѣ концовъ, возвращаются изъ своихъ душевныхъ скитаній, какъ къ единственному средству утolenія скорби и мукъ истерзанной души.

Какъ же объяснить то равнодушіе и забвеніе, которымъ христіанская этика подверглась въ XVIII и XIX вѣкѣ? Если она есть единственно вѣрное напутствіе личной душевной жизни, то какъ могло случиться, что мы его отбросили, отъ него отворотились и ищемъ на всѣхъ путяхъ того, что у насъ передъ глазами и сіяетъ яркимъ свѣтомъ глубочайшей правды, проникающей человѣческую психическую природу до мозга костей? Многіе приписываютъ это врожденной грѣховности человѣка, суемудрію и гордынѣ, обуявшимъ человѣческой умъ до слѣпоты и жесточенія. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія. Дурныя и

порочныя наклонности отдѣльныхъ лицъ не могутъ объяснить повальнаго отступничества отъ истины и правды. Христіанская этика — такая же неопровержимая правда личной духовной жизни, какъ математическія, химическія, механическія и т. п. формулы въ области положительнаго, реального знанія. Какъ же можно ихъ отвергать или отъ нихъ отворачиваться людямъ съ здравымъ человѣческимъ смысломъ, которые во всѣхъ сферахъ и слояхъ общества составляютъ огромное большинство? Ссылка на врожденную грѣховность не имѣетъ, съ точки зрѣнія вѣры, никакой силы и убѣдительности, такъ какъ вѣроученіе прямо говоритъ, что Спаситель своею земною жизнью и крестною смертію побѣдилъ грѣхъ и смерть и искупилъ отъ нихъ человѣческій родъ. Мы думаемъ, что причины, почему христіанская этика временно померкла въ сердцахъ и убѣжденіяхъ людей, должно искать гораздо глубже, — именно въ отношеніяхъ человѣка къ объективному міру, посреди и въ условіяхъ котораго совершается индивидуальная, личная жизнь. Живя подъ его вліяніемъ испытывая на себѣ, на каждомъ шагу, его то благотворныя, то вредныя и губительныя дѣйствія и вліянія, человѣкъ, въ интересахъ своего личнаго существованія, вынужденъ былъ озаботиться о томъ, какъ бы приспособить свою обстановку къ себѣ и себя приладить къ ней. Эти заботы общи человѣку со всѣми другими организмами; но сознание чрезвычайно усиливаетъ, расширяетъ и разнообразитъ средства и способы такого рода двоякой дѣятельности. Не оставаясь непосредственною, какъ у животныхъ, она у человѣка переходитъ въ знаніе; знаніе, въ свою очередь, ведетъ къ повѣрѣю и выработкѣ научныхъ приемовъ, способовъ познания, словомъ — научнаго метода, а методъ послѣдовательно приводитъ къ изслѣдованію самыхъ источниковъ и основаній знанія, законовъ умственной дѣятельности и ея значенія и роли въ экономіи человѣческаго существованія. Такимъ образомъ, не простая любознательность, не идеальное, безцѣльное стрем-

леніе, а потребность, нужда влекли и гнали человѣческой умъ отъ вопроса къ вопросу, до самыхъ отвлеченныхъ высотъ мышленія, на которыхъ голова естественно кружится и человѣкъ такъ же естественно и легко теряетъ нить, связующую первые робкіе и неопытные шаги въ области мысли съ самыми отвлеченными задачами ума, какъ онъ теряетъ связь между своимъ личнымъ существованіемъ и условіями среды, въ которой живетъ. Что такое этотъ объективный міръ, дѣйствующій на людей, самъ по себѣ, независимо отъ человѣка—вотъ вопросъ, который тотчасъ же задалъ себѣ человѣкъ, какъ только въ немъ пробудилось сознаніе, и этотъ вопросъ занималъ его столько же, сколько вопросъ о его личномъ существованіи. Оба, по самому существу дѣла, находились въ тѣснѣйшей взаимной связи, но въ то же время не смѣшались, разрѣшались каждый особо и потому имѣютъ—каждый—свою историческую судьбу и развитіе. Исслѣдователи исторіи человѣческой мысли до сихъ поръ мало обращали вниманія на это коренное различіе двухъ параллельныхъ ея теченій. Не разглядѣвъ его посреди безпрестанныхъ, взаимно перекрещивающихся вліяній ихъ другъ на друга, они смѣшали оба ряда вопросовъ и оттого совсѣмъ спутали картину судьбы философіи. Чтобы возстановить ее въ настоящемъ свѣтѣ, необходимо строго различить усилія выяснить смыслъ, значеніе и законы объективной дѣятельности—отъ попытокъ найти для индивидуальнаго лица точку опоры посреди окружающаго міра. Только сдѣлавъ это различіе, мы поймемъ многое, что остается до сихъ поръ темнымъ и загадочнымъ въ исторіи человѣческой мысли. Оно покажетъ, что исходной точкой и движущей пружиной всего развитія рода человѣческаго всегда были насущныя жгучія потребности и — спѣшимъ прибавить — не однѣ матеріальныя, но и психическія; что превратности, которымъ человѣческая мысль подвергалась въ своемъ развитіи, объясняются не только общими свойствами человѣческой природы,

но и различными возрастами, въ какихъ народы и весь родъ человѣческой находился въ разные періоды и эпохи исторіи; наконецъ, оно откроетъ, что исканіе личнаго удовлетворенія и изслѣдованіе объективныхъ условій, развиваясь рядомъ, бокъ-о-бокъ, и непрерывно вліяя другъ на друга, рѣдко совпадали по времени: то одно, то другое опережало и выдвигалось впередъ, заслоняя и приостанавливая другое, и налагало на него свой характеръ и краски. Эпохи, когда субъективныя психическія потребности стояли на первомъ планѣ, смѣнялись періодами дѣятельныхъ преобразованій и изслѣдованій объективныхъ условій и пренебреженіемъ этическихъ требованій, и наоборотъ; но, смѣняясь и какъ бы чередуясь въ исторіи, каждое изъ этихъ направленій пользовалось тѣмъ, что, благодаря другому, предшествовавшему, было выработано, изслѣдовано и уяснено. Мысль древнихъ индусовъ не подготовила орудій и средствъ для борьбы человѣка съ окружающей дѣйствительностью, и это отразилось на ученіи Будды, который искалъ удовлетворенія душевныхъ потребностей въ полномъ безстрастіи и отрѣшеніи отъ міра; напротивъ, Сократу предшествовали усилія грековъ понять законы жизни и природы; къ его времени старинныя условія греческаго быта, повоившіяся, какъ и вездѣ вначалѣ, на родовомъ и семейномъ началѣ, ослабѣли, и выработался индивидуализмъ, нашедшій себѣ смѣлое и талантливое выраженіе въ ученіяхъ софистовъ. Оттого и въ этическомъ ученіи Сократа нѣтъ и тѣни отчужденія отъ міра; видны довѣріе къ знанію, усилія, посредствомъ размышленія и науки, водворить въ людяхъ нравственныя стремленія и тѣмъ сдѣлать ихъ пригодными для общественной и политической жизни. Послѣдовавшее затѣмъ объективное направленіе греческой мысли, въ лицѣ Платона и Аристотеля, уже стоитъ на почвѣ, впервые указанной Сократомъ, точно такъ же, какъ въ неудачныхъ попыткахъ стоиковъ и эпикурейцевъ снова стать на этическую точку зрѣнія и удовлетворить этическимъ

потребностямъ, слышится подавляющей авторитетъ и свѣжія еще воспоминанія торжествующей объективной мысли, способной взглянуть на субъективные психическія движенія лишь съ общей, а не индивидуальной, личной точки зрѣнія.

Ту же періодическую смѣну двухъ направленій мы замѣчаемъ и у новыхъ европейскихъ народовъ. Христіанство закончило развитіе нравственныхъ ученій, поставя отдѣльному лицу, его внутреннимъ движеніямъ, помысламъ, чувствамъ и дѣятельности совершеннѣйшій образецъ. Открытымъ для изслѣдованія и дѣятельности людей оставался міръ объективныхъ условій и законовъ, которыхъ христіанское ученіе не коснулось. Въ эту область и направились всѣ силы европейскихъ народовъ, съ юношескою горячностью и увлеченіемъ. Укрѣпившись и возмужавъ въ усвоеніи опытовъ великихъ учителей, народовъ древняго міра, европейцы пустились въ широкое море научныхъ изслѣдованій и стали примѣнять сдѣланныя ими открытія ко всѣмъ сторонамъ своей жизни. Успѣхи были поразительны и превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Изобрѣтенія, одно другого полезнѣе и благотворнѣе, потянулись вереницей. Перевороты въ общественномъ и политическомъ быту, мирные и насильственные, кореннымъ образомъ измѣнили и улучшили соціальныя условія человѣческаго существованія. Рука объ руку съ такою дѣятельностью шли, не прерываясь, поиски основныхъ началъ и законовъ объективнаго міра. Точкой отправленія послужили сначала преданія и результаты науки древняго міра, затѣмъ самостоятельныя размышленія, которыя потомъ стали повѣряться наблюденіями и опытами въ области реального знанія. Такимъ образомъ, явленія субъективнаго и объективнаго міра, сперва казавшіяся раздѣленными другъ отъ друга непереступаемою пропастью, стали мало-по-малу сближаться, рѣзкія и точныя границы между ними болѣе и болѣе ступшеываться. Безусловное выдѣленіе человѣка изъ природы, психическихъ явленій изъ матеріальныхъ, которое сначала ка-

залось такъ просто и легко, становилось все труднѣе и труднѣе. Трудности эти пробовали устранить, въ XVIII вѣкѣ, два гениальныхъ изслѣдователя—Локкъ и Кантъ. Первый обратилъ особенное вниманіе на содержаніе представленій и мыслей, и нашель въ основаніи ихъ внѣшнія впечатлѣнія; второй—на законы и формы умственной дѣятельности, и приписалъ имъ, а не содержанію представленій и мыслей, знаніе объективнаго міра. Этимъ было положено первое начало научному объясненію связи между субъективнымъ и объективнымъ міромъ, человекомъ и окружающей его средой. Оно явилось въ двухъ противоположныхъ другъ другу направленіяхъ, изъ которыхъ одно, указанное Локкомъ, пустило корни въ Англіи и Франціи, другое, родоначальникомъ котораго былъ Кантъ—въ Германіи. Каждое выставило длинный рядъ выдающихся ученыхъ и мыслителей, создателей философскихъ ученій. Труды ихъ далеко раздвинули знаніе въ ширь и глубь, но не разрѣшили вопроса. Въ наше время самый вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ субъективнаго и объективнаго міра далеко не такъ живо занимаетъ умы, какъ прежде; вѣра въ возможность рѣшить его какъ будто охладѣла, и снова стали выступать на первый планъ интересы этического характера. Чему приписать это? Вялость мысли есть ли признакъ усталости, потребности во временномъ отдыхѣ, послѣ долгой, непрерывной и кипучей дѣятельности, или же она знаменуетъ конецъ цѣлаго періода развитія рода человѣческаго и наступленіе новаго? Намъ представляется послѣднее болѣе вѣроятнымъ. Распатанность убѣжденій, хаотическое состояніе умовъ, оскуднѣніе нравственной стороны въ ежедневной жизни и бессиліе теоріи поставить ее твердо и прочно указываютъ на потребность коренного переворота въ міровоззрѣніяхъ современныхъ людей. Блестательные успѣхи европейской жизни въ теченіе новой исторіи достигнуты, исключительно благодаря выработкѣ объективныхъ условій существованія, а такая выработка была результатомъ развитія объективнаго

знанія. Все, что думалось и дѣлалось великаго въ Европѣ, въ продолженіе четырехъ или пяти послѣднихъ вѣковъ, выходило изъ глубокаго, непоколебимаго убѣжденія, что все зло и всѣ страданія людей происходятъ единственно и исключительно отъ неблагопріятныхъ объективныхъ условій, посреди которыхъ они поставлены. Слѣдуетъ измѣнить эти условія, — и зло, страданія прекратятся сами собою, а для этого есть только одно вѣрное, безошибочное средство — это объективное знаніе и примѣненіе къ жизни полученныхъ имъ выводовъ. Слѣдовательно, умъ, мышленіе, единственное орудіе знанія, есть высшая способность человѣка и высшая сила, которая одна можетъ доставить побѣду надъ препятствіями и затрудненіями на пути къ возможному удовлетворенію и благополучію. Каждый шагъ, каждый новый успѣхъ науки и знанія болѣе и болѣе подтверждали правильность такого убѣжденія и придавали ему значеніе безусловной, непоколебимой истины. Сначала люди думали, что объективный міръ ограничивается одними реальными предметами, но скоро предѣлы объективности стали расширяться, и въ него вошли явленія, лежащія, по прежнимъ понятіямъ, внѣ предѣловъ объективнаго міра. Наблюденіямъ и изслѣдованіямъ удалось, послѣ долгихъ усилій, подмѣтить, что не одни явленія внѣшней природы, но и факты, и событія психической и соціальной жизни, не зависятъ отъ личнаго усмотрѣнія и доброй воли людей, совершаются съ извѣстною правильностью и послѣдовательностію, подлежатъ тоже извѣстнымъ условіямъ и неизмѣннымъ законамъ, подобно явленіямъ внѣшней природы, и потому, вмѣстѣ съ ними, должны быть отнесены къ объективному міру, составляютъ тоже своего рода объективныя условія существованія и дѣятельности человѣка. Сдѣлавъ это великое открытіе, европейцы стали и относительно психическихъ и соціальныхъ явленій на ту же точку зрѣнія, на какой прежде стояли относительно однихъ явленій реального міра, и естественно и послѣдовательно пришли къ убѣжденію,

что и психическіе, и соціальныя факты, подобно матеріальнымъ, могутъ быть измѣняемы и комбинируемы такъ или иначе, согласно съ потребностями и желаніями людей. Блистательные практическіе результаты этой мысли и ея примѣненій къ воспитанію и развитію человѣка, къ законодательству, администраціи, политикѣ и экономической жизни народовъ, возвели ее на степень непреложной истины и повели, въ наше время, къ распространенію точнаго научнаго метода и на изслѣдованія психическихъ и соціальныхъ явленій, о чемъ еще недавно никто не смѣлъ и мечтать.

Громадное значеніе и дѣятельная роль объективнаго знанія въ устроеніи и улучшеніи человѣческаго быта упрочены и обезпечены практическими результатами. Умалаять или отвергать объективное знаніе, объективную дѣятельность, какъ пытаются многіе, значитъ спорить противъ очевидности. Исторія есть послѣдовательный рядъ опытовъ рода человѣческаго улучшить положеніе людей, а развитіе наукъ есть лишь развитіе критической провѣрки опытовъ, накопленныхъ путемъ знанія. Если развитіе отклонилось отъ извѣстнаго направленія и въ продолженіе столѣтій идетъ по другому, противоположному, то это вѣрный признакъ, что передъ человѣкомъ открылись новыя перспективы, которыхъ онъ прежде не замѣчалъ, или съ прежней точки зрѣнія не могъ видѣть, — перспективы, манящія его на новыя попытки улучшить свое положеніе и свою судьбу. Сюда онъ и направляется, съ надеждою и вѣрою найти то, чего ищетъ. Успѣхъ его окрыляетъ и удваиваетъ его силы. Въ упоеніи одержанныхъ на новомъ пути побѣдъ и сдѣланныхъ завоеваній, онъ мечтаетъ, что уже держитъ въ рукахъ ключъ, которымъ открываются ворота, ведущія къ цѣли. Есть ли смыслъ бросать въ него камень за то, что онъ обманулся въ своихъ надеждахъ, какъ ошибался и прежде, много разъ, и не ставить ни во что все что онъ узналъ и приобрѣлъ на пройденномъ пути? Исторія есть накопленіе труда и опытности, безъ

которыхъ шагу нельзя ступить ни въ мысли, ни въ практической жизни.

Если мы теперь уже не видимъ въ поступательномъ движеніи европейской жизни и мысли прежней, еще недавней увѣренности и твердости, если праздничное настроеніе мало-помалу уступаетъ мѣсто прозаической озабоченности и, рядомъ съ кликами торжества и побѣды, стали слышны и все чаще и чаще раздаются плачь, стоны и вопли унынія и отчаянія, то это вовсе не значитъ, что все сдѣланное въ теченіе вѣковъ никуда не годится и можетъ быть безнаказанно выброшено и забыто, какъ ненужная ветошь: это только признакъ, что дальнѣйшее поступательное движеніе въ томъ направленіи не общаетъ уже того полного удовлетворенія, какого человѣкъ надѣялся достигнуть, идя съ увѣренностью по пути, какой оно указывало. Открыть и выяснить, что именно ослабило эту увѣренность, вызвало колебанія и нерѣшительность,—вотъ задача нашего времени. Только ея правильное разрѣшеніе покажетъ, чего людямъ недостаетъ и въ какомъ направленіи имъ слѣдуетъ работать и трудиться далѣе, чтобъ все ближе и ближе подходить къ завѣтной цѣли.

Объективная истина, объективная правда, объективное благо—вотъ къ чему человѣкъ стремился безъ оглядки въ теченіе послѣднихъ вѣковъ: уяснить, выработать и воплотить объективное въ дѣйствительности—вотъ что, въ продолженіе столѣтій, составляло главнѣйшую цѣль и задачу благороднѣйшихъ стремленій, усилій и трудовъ. Въ основаніи всей современной европейской жизни, въ ея общемъ и малѣйшихъ подробностяхъ, лежитъ, какъ предпосылка, непоколебимое, глубокое убѣжденіе, что объективныя цѣли и ихъ осуществленіе въ дѣйствительности суть единственно вѣрное средство доставить человѣку возможное благополучіе. Такое убѣжденіе проникло въ плоть и кровь европейца. Имъ пропитаны всѣ его мысли, стремленія и чувства, на что бы онъ ни направилъ свою дѣятельность.

Такое міросозерпаніе вѣрно, но оно недостаточно, одностронне, неполно. Теперь, пока, это только чувствуется и выражается въ какомъ-то неопредѣленномъ недовольствѣ и уныніи, котораго люди не умѣютъ объяснить. Объясненіе лежитъ въ томъ, что объективность не даетъ человѣку безусловно твердой и прочной точки опоры, потому что источникъ, корни ея лежатъ не внѣ человѣка, а въ немъ самомъ, въ его природѣ какъ живого, единичнаго, индивидуальнаго организма. О безусловной объективности можно было говорить до изслѣдованій Канта; послѣ него она уже немислима какъ живая и реальная дѣйствительность. Внѣ насъ несомнѣнно существуетъ реальный міръ; мы—только часть его, и потому вполне, всецѣло подчинены его условіямъ и законамъ; но также несомнѣнно, что каждый человѣкъ въ отдѣльности старается устроиться въ этомъ мірѣ какъ можно лучше и удобнѣе, точно также какъ люди въ совокупности, въ составѣ обществъ, народностей, государствъ, всего человѣческаго рода, имѣютъ свое особое существованіе, которое по возможности всячески отстаиваютъ посреди окружающей ихъ обстановки. Только съ той стороны, какою реальный міръ касается людей, онъ и можетъ быть имъ извѣстенъ. Мало того: люди знаютъ этотъ міръ лишь настолько, насколько вообще могутъ что-нибудь знать; а мы видѣли выше, что безусловнаго знанія нѣтъ. Слѣдовательно, для человѣка не можетъ быть и безусловно объективнаго міра. Отвлеченная логика создала эти понятія, которымъ нѣтъ соответствующихъ явленій и фактовъ въ дѣйствительности. Насъ вводитъ въ заблужденіе различіе личнаго мнѣнія отъ того, что мы признаемъ за объективную истину; но мы знаемъ, что это различіе выражаетъ только различіе между знаніемъ одного или нѣсколькихъ лицъ и знаніемъ большинства людей или знатоковъ и специалистовъ. Единичное, индивидуальное, или генерическое, коллективное,—вотъ къ чему, въ концѣ концовъ, сводится различіе личнаго мнѣнія и несомнѣнной достовѣрно-

сти объективной истины. Выше генерического, коллективного знания всех людей, всего человеческого рода, человек никак подняться не может, а оно не есть безусловно объективное мѣрило истины. Оттого-то умъ, мышление и способности, отрѣшившись отъ дѣйствительнаго міра и его явленій, построить науку и знание. Въ добрыя старыя времена люди были убѣждены, что можно такимъ образомъ вывести изъ чистой мысли математическія истины. Послѣдній и величайшій изъ метафизиковъ, Гегель, сдѣлалъ геніальную попытку создать логику какъ систему чистой мысли, развивающейся изъ самой себя по законамъ, лежащимъ въ ней самой, по присущей ей внутренней необходимости. Такая логика была, по воззрѣніямъ Гегеля, прототипомъ дѣйствительнаго міра. Никогда самая смѣлая мысль не парила такъ высоко; но критика разрушила эти иллюзіи, доказавъ, что математика оперируетъ, какъ и всѣ другія науки, надъ отвлеченіями отъ дѣйствительныхъ явленій; что въ логикѣ Гегеля есть скачки, ступеньвающіе дѣйствительные факты, отъ которыхъ отвлечена такъ-называемая чистая мысль.

Итакъ, для человека, ни безусловнаго знанія, ни безусловной объективности нѣтъ и не можетъ быть. Знаніемъ родъ человѣческой не можетъ подняться выше самого себя, вырваться изъ своей природы. То, что человекъ считаетъ объективнымъ міромъ, есть или внѣшняя природа, которой часть онъ составляетъ, или другіе люди и человеческое общество, посреди которыхъ онъ живетъ, или явленія и факты его психической жизни и дѣятельности. Мышление и результатъ его—знаніе—есть не что иное, какъ лишь свойственный человеку способъ относиться къ явленіямъ дѣйствительности, чтобы прилаживать ихъ къ своимъ нуждамъ, а себя—къ условіямъ, посреди которыхъ онъ поставленъ. Далѣе этой относительной и условной дѣятельности человѣческой умъ не идетъ и знаніе не простирается, не потому, чтобы разумъ былъ слабъ, немощенъ, не-

достаточно, а потому, что такова его функція въ человѣческомъ организмѣ. Не приписываемъ же мы бесилію, немощи, несовершенству глаза, что онъ не слышитъ, уха—что оно не видитъ. Психическія способности и отправления гораздо труднѣе поддаются точнымъ изслѣдованіямъ; оттого относительно ихъ и удерживаются дольше разныя ошибочныя представленія, сложившіяся путемъ отвлеченной логики и неправильныхъ обобщеній.

Что же такое и на чемъ основаны объективные идеалы, въ которыхъ люди думали найти якорь спасенія и въ несокрушимую силу которыхъ такъ долго и такъ горячо вѣрили? Чтобы правильно отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣтимъ прежде всего, что въ области теоретическаго знанія объективныхъ идеаловъ нѣтъ и быть не можетъ. Теоретическое знаніе оперируетъ надъ данными, которыя имѣетъ подъ руками, не задаваясь другими цѣлями, кромѣ критическаго установленія фактовъ и открытія ихъ условій и законовъ. Объективные идеалы возможны только въ прикладныхъ знаніяхъ и практической дѣятельности, т.-е. во всехъ тѣхъ случаяхъ, когда имѣется въ виду, посредствомъ извѣстныхъ внѣшнихъ, механическихъ пріемовъ, произвести извѣстную желаемую комбинацію внѣшнихъ фактовъ и условій, рассчитанную на извѣстное матеріальное или психическое дѣйствіе. Такіе идеалы еще менѣе, чѣмъ знаніе и объективность, могутъ быть безусловными, абсолютными, потому что находятся въ полной зависимости и отъ явленій или фактовъ, которые приводятся въ извѣстныя сочетанія, и отъ цѣлей, которыя ими достигаются или имѣются въ виду. Совершеннѣйшей комбинаціей такого рода будетъ та, въ которой совокупное дѣйствіе сочетаемыхъ явленій и условій наилучшимъ образомъ достигаетъ предполагаемой цѣли. Такое совершенство можно назвать безусловнымъ, но безусловность его будетъ отвлеченная, потому что ни безусловной цѣли, ни безусловныхъ средствъ для ея достиженія, ни безусловно совершеннаго сочетанія условій и

фактовъ нѣтъ и быть не можетъ. Что же касается объективныхъ идеаловъ, то ихъ источникъ лежитъ тоже въ человѣкѣ, ибо взаимодѣйствіе явленій, приведенныхъ между собою въ извѣстное сочетаніе, не составляетъ существа объективнаго идеала и подпадаетъ вполне подъ законы объективнаго міра и его явленій. Идеальною можетъ быть названа только цѣль, мысль, которая преслѣдуется и осуществляется въ объективномъ мірѣ помощью той или другой комбинаціи, а эта цѣль или мысль есть фактъ, событіе психической жизни.

Такимъ образомъ, всѣ внѣшніе устои, на которыхъ люди надѣялись крѣпко и прочно построить свое существованіе, оказываются шаткими, колеблющимися, и подъ ними мы открываемъ того же человѣка, который, какъ намъ думалось, всецѣло отъ нихъ зависитъ, безусловно имъ подчиненъ и долженъ, волей-неволей, ими руководиться въ своимъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. Увлеченіе объективною стороною, чрезмѣрное довѣріе къ ея всемогуществу, долгое время отклоняло вниманіе европейскихъ народовъ и науки отъ внутренней индивидуальной психической жизни. Она была предоставлена самой себѣ и развивалась такъ или иначе, случайно, безъ всякаго руководства и дисциплины, такъ какъ объективное знаніе не интересуется индивидуальною жизнью и, по своимъ задачамъ и цѣлямъ, нигдѣ не можетъ натолкнуться на ея потребности и вопросы. Забытая и брошенная на произволъ случайностей, она покрылась плѣсенью, загроубѣла, ожесточилась и завяла. А такъ какъ личная, индивидуальная жизнь есть непосредственная основа общей и объективной, то и на послѣдней должна была, рано или поздно, отозваться неустроенность душевной жизни и дѣятельности.

Кто хотя издали слѣдитъ за тѣмъ, чтò происходитъ теперь въ мірѣ, тотъ не могъ не замѣтить, что рядомъ съ порчею нравовъ усиливается шаткость политическихъ и соціальныхъ порядковъ, запутывается экономическое и финансовое положе-

ніе, останавливается научное и художественное творчество. Красные дни кипучей и плодотворной объективной дѣятельности проходятъ; наступили сумрачныя времена неизвѣстности и какого-то тревожнаго ожиданія. Неизвѣстность и тоскливая неопредѣленность заступили мѣсто ясно-опредѣленныхъ плановъ и цѣлей. Даже китайцы подмѣтили, что въ Европѣ люди чрезвычайно изобрѣтательны на удовольствія и развлечения, а между тѣмъ скучаютъ. Скука—болѣзнь, неизвѣстная прежде европейцамъ.

Такое современное положеніе. Наблюденіе и опытъ поколебали безграничное довѣріе къ объективному міровоззрѣнію, указали на его односторонность, недостаточность, неполноту и на необходимость исправить эти недостатки поднятіемъ и разработкою личной психической жизни и дѣятельности. Въ этомъ заключается глубокой смыслъ кризиса, чрезъ который проходитъ современное человѣчество. Въ обращеніи всѣхъ лучшихъ силъ знанія и практической опытности на нравственное развитіе единичнаго, индивидуальнаго лица, и будетъ состоять переходъ рода человѣческаго въ новый періодъ развитія.

Послѣ этихъ необходимыхъ разъясненій, мы можемъ, не возбуждая недоразумѣній, перейти къ задачамъ этики.

IV.

Мы видѣли выше, что отличіе человѣка отъ остальныхъ животныхъ состоитъ въ томъ, что онъ дѣйствуетъ по сознаннымъ мотивамъ, то-есть вслѣдствіе побужденій, идущихъ отъ него самого, въ немъ заключающихся и прошедшихъ чрезъ его сознание. Побужденій такого рода великое множество, и они такъ же разнообразны, какъ и источники, изъ которыхъ они возникаютъ. Всякаго рода наклонности и потребности, матеріальныя и психическія, нажитыя и унаслѣдованныя, созданныя самимъ человѣкомъ или вызванныя въ немъ, сознательно или бессознательно, внѣшней обстановкой, обстоятельствами и вліяніями, могутъ, пройдя чрезъ сознание, обратиться въ психическіе мотивы дѣятельности. Мы знаемъ также, что между мотивами тѣ одерживаютъ верхъ, которые сильнѣе.

Еслибъ на всемъ земномъ шарѣ существовалъ всего одинъ человѣкъ, и онъ былъ безплотный духъ, безусловно отрѣшенный отъ природы, а между тѣмъ у него были бы мотивы дѣятельности, то при такихъ невообразимыхъ условіяхъ человѣкъ могъ бы беззавѣтно отдаваться сильнѣйшему мотиву и безразлично дѣйствовать по всевозможнымъ мотивамъ: въ опредѣленіи ихъ относительнаго достоинства не было бы никакой надобности.

Но человѣкъ есть часть природы, высшій изъ всѣхъ организмовъ на землѣ, живетъ между другими живыми людьми, въ правильномъ съ ними сожительствѣ. Въ интересахъ своего личнаго сохраненія и существованія, онъ не можетъ безъ оглядки дѣйствовать по первому встрѣчному, хотя бы и сильнѣйшему мотиву, а вынужденъ сдерживать одни, усиливать другіе. Такая необходимость одинакова въ примѣненіи къ мотивамъ, порождаемымъ и животными потребностями, и самыми идеальными стремленіями души. Меня мучитъ голодъ, но я вынужденъ сдерживать себя и не отнимать нужную мнѣ пищу у того, кому она принадлежитъ; мнѣ до смерти не хочется оторваться отъ работы, которая занимаетъ и радуетъ меня; но у меня есть дѣла, которыми я долженъ заняться, или я знаю и чувствую, что мнѣ необходимо отдохнуть, и бросаю свою работу. Такимъ образомъ, къ механическому закону, управляющему мотивами въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, приходится извнѣ нѣчто такое, чтѣ ихъ регулируетъ, усиливаетъ одни, задерживаетъ или ослабляетъ другіе. Такимъ регуляторомъ мотивовъ являются, въ приведенныхъ примѣрахъ, разнаго рода соображенія, которыя обыкновенно, но ошибочно, не различаются отъ мотивовъ и считаются тоже мотивами. Побужденіе, пройдя чрезъ сознание и сдѣлавшись мотивомъ, теряетъ свою непосредственную принудительность. Этимъ оно и отличается отъ толчка или внѣшняго возбужденія, непосредственно переходящаго въ рефлексивное движеніе. Если ничто сильнѣйшему мотиву не помѣшаетъ, онъ получитъ видъ цѣли и станетъ причиною цѣлесообразнаго дѣйствія. Соображенія, о которыхъ мы сказали, не даютъ сами по себѣ мотивовъ; они только дѣйствуютъ на нихъ, направляютъ ихъ сообразно съ потребностями, которыя мотивами не объясняются, лежатъ внѣ ихъ и выше ихъ.

Такой регуляторъ несомнѣнно существуетъ не въ однихъ людяхъ, но и въ другихъ организмахъ. У комара, напри-

мѣръ, есть влеченіе напиться человѣческой крови, но оно не переходит у него непосредственно въ рефлексивное движеніе; онъ боится за свою жизнь, высматриваетъ, не грозитъ ли ей опасность, описываетъ нѣсколько круговъ въ воздухѣ, то удаляясь, то приближаясь, и только убѣдившись, что опасности нѣтъ, опускается на мою руку или голову и вонзаетъ въ нихъ свой хоботъ. Но у животныхъ соображенія не идутъ выше ближайшей потребности самосохраненія и удовлетворенія непосредственной нужды. Человѣкъ, благодаря способности перерабатывать свои психическія состоянія въ новыя формы, поднимается до самыхъ далекихъ соображеній, не имѣющихъ съ его мотивами никакой непосредственной связи, такъ что нужно внимательно прослѣдить цѣлый, иногда весьма длинный рядъ выводовъ и заключеній, чтобы открыть отношеніе между ними и мотивами, которыми они управляютъ, которые регулируютъ.

Соображенія лежатъ въ основаніи того, что мы называемъ идеалами. Нѣтъ термина болѣе неопредѣленнаго. Имъ означаются самыя различныя понятія, и потому здѣсь необходимо остановиться и осмотрѣться подробнѣе.

Идеаль есть то представленіе или понятіе, которое связываетъ разрозненные мотивы въ одно цѣлое и даетъ имъ одно общее направленіе. Смотря по мотивамъ, идеалы бываютъ очень различны. Есть идеалы близкіе, связывающіе въ одну группу одни наличные мотивы, — и болѣе отдаленные, сводящіе въ одинъ аккордъ не одни настоящіе мотивы, но и тѣ, которые являются потомъ. Есть идеалы личныя, индивидуальныя, дающіе мотивамъ строй въ интересахъ только даннаго индивидуальнаго лица, и болѣе или менѣе общіе, когда они отвѣчаютъ интересамъ какой-нибудь группы людей — фамиліи, племени, мѣстнаго общества, сословія, народа, государства, всего человѣческаго рода. По свойству мысли подыматься по лѣстницѣ обобщеній до самыхъ высшихъ отвлеченностей, каждый идеаль, какъ бы онъ ни былъ узокъ и тѣсенъ, стремится

подыскать для себя общія основанія, оправдаться общими соображеніями, и тѣмъ постепенно обобщается. Но было бы ошибочно видѣть въ идеаль только одну эту сторону, именно общую мысль, продуктъ мышленія. Какъ предметъ созерцанія, возбуждающій въ насъ извѣстныя ощущенія или чувства, мысль, представленіе еще не есть идеаль; идеаломъ они становятся, когда вызываютъ дѣятельность, даютъ мотивамъ извѣстный общій строй и руководятъ ими, направляя ихъ такъ или иначе, въ виду извѣстной цѣли.

Описанныя характеристическія черты показываютъ, что идеаль служитъ посредникомъ и проводникомъ между мыслью и дѣятельностью. Черезъ него результаты умственныхъ процессовъ и операций осуществляются, другими словами, мысль, предметъ созерцанія, становится образцомъ, по которому данныя сочетанія явленій и фактовъ, — психическихъ или матеріальныхъ — измѣняются въ другія. Въ этомъ смыслѣ идеаль и цѣль — синонимы; только словомъ: цѣль, означается ближайшій, непосредственный, практической идеаль, а словомъ: идеаль — болѣе отдаленная и обширная цѣль, съ удареніемъ на общую мысль, которая всегда лежитъ въ основаніи сознательной, осмысленной дѣятельности, но ступеньвается въ ближайшихъ практическихъ поступкахъ и все ярче выступаетъ впередъ, чѣмъ цѣль отдаленнѣе, общѣе и обширнѣе. Какъ бы то ни было, но идеаль, во всякомъ случаѣ, служитъ камертономъ дѣятельности, и этимъ существенно отличается отъ идей, предметовъ созерцанія, сопровождаемаго ощущеніями и чувствами. Мы, русскіе, въ особенности часто грѣшимъ, смѣшивая идеи съ идеалами и принимая первыя за послѣдніе.

По различію предметовъ, на которые направлена сознательная дѣятельность, идеалы бываютъ субъективныя и объективныя. Это различіе весьма существенно, но на него почти не обращается вниманія, что не мало способствуетъ путаницѣ понятій, заслоняющей смыслъ этическихъ ученій. Всякая со-

знательная дѣятельность можетъ быть направлена или на условія и обстановку человѣческаго существованія, или прямо и непосредственно на сознательные мотивы дѣятельности. Въ первомъ случаѣ, цѣль ея—такая передѣлка условій и обстановки, чтобы они отвѣчали желаніямъ человѣка, благоприятствовали, или хотя бы не мѣшали, или менѣе мѣшали его интересамъ, выгодамъ и пользамъ, какъ онъ ихъ понимаетъ; во второмъ, задача—прямо, непосредственно дѣйствовать на самые мотивы, ослабить одни, усилить другіе, соотвѣтственно цѣли или идеалу. Конечный результатъ и объективной, и субъективной дѣятельности одинъ и тотъ же—произвести нужное, полезное или желательное человѣку дѣйствіе; но способы и средства, которыми этотъ результатъ достигается, различны. Объективная дѣятельность косвенными путями дѣйствуетъ на мотивы, измѣняетъ ихъ, измѣняя условія, которыя ихъ рожаютъ или усиливаютъ, ослабляютъ или уничтожаютъ; субъективная дѣйствуетъ на нихъ прямо, приступаетъ къ нимъ какъ бы лицомъ къ лицу. Первая предполагаетъ знаніе и умѣніе, помощью его, производитъ или измѣняетъ явленія; вторая—личную силу и власть надъ мотивами, которая достигается упражненіемъ души въ непосредственномъ обращеніи съ ними и въ подчиненіи ихъ цѣлямъ или идеаламъ. Такимъ образомъ, и та, и другая дѣятельность обращаетъ мотивы въ орудіе цѣлей, вырабатываетъ мотивы соотвѣтственно указаніямъ идеаловъ; но дѣятельность объективная прибѣгаетъ къ помощи ума, разсудка, теоретическихъ способностей, а субъективная опирается на непосредственную, живую личную мощь и доблесть. При большой неопредѣленности и сбивчивости терминовъ и выраженій, различіе между объективною и субъективною дѣятельностью легко можетъ быть ошибочно понято и приурочено къ случайнымъ признакамъ. Такъ, мы склонны думать, что объективное есть то, что доступно внѣшнимъ чувствамъ или происходитъ во внѣшнемъ мірѣ, а субъек-

тивное то, что совершается въ глубинѣ души. Но такое различіе не выдерживаетъ критики и ведетъ къ важнымъ ошибкамъ. Дѣятельность человѣка во внѣшнемъ мірѣ есть всегда объективная; но далеко не всѣ явленія въ нашей душѣ имѣютъ источникомъ субъективную дѣятельность; напротивъ, очень многія изъ нихъ—результатъ объективной дѣятельности. Наглядно это можетъ быть объяснено слѣдующимъ примѣромъ: человѣкъ, имѣющій какую-нибудь слабость и сознающій ея вредъ, будетъ стараться отъ нея отдѣлаться. Для этого ему представляются способы двоякаго рода: бороться съ своею слабостью, воздерживаться отъ нея, побѣждать ее усиліями надъ самимъ собой, или же удалить отъ себя то, что способствуетъ слабости, самому отъ того удалиться, прибѣгнуть къ врачебной помощи, къ гигиеническимъ мѣрамъ, къ механическимъ приемамъ, ослабляющимъ или уничтожающимъ вредную склонность; первое будетъ дѣятельностью субъективной, вторыя мѣры—результатомъ объективной дѣятельности. Мысль зарождается и развивается въ душѣ человѣка, но это не дѣлаетъ ее субъективной, такъ какъ мышленіе, умственная дѣятельность есть теоретическая и слѣдовательно объективная.

Субъективная дѣятельность есть самая внутренняя и присная человѣку, глубже всѣхъ затаенная въ человѣческой душѣ, и потому наименѣе доступная наблюденію и анализу. Каждый сознаетъ ее про себя, но рѣдкій обнаруживаетъ это сознание по разнымъ практическимъ и житейскимъ соображеніямъ.

Субъективная дѣятельность безъ соотвѣствующихъ ей идеаловъ такъ же невозможна, какъ и объективная. Мы можемъ непосредственно знать свои мотивы, созерцать ихъ, не имѣя субъективныхъ идеаловъ; но дѣйствовать непосредственно на наши побужденія, руководить ими, направлять ихъ, сдерживать и ослаблять или развивать и усиливать, мы можемъ не иначе, какъ имѣя передъ сознаніемъ образецъ или норму, каковы они должны быть; такую нормою и служатъ субъектив-

ные идеалы. Дѣятельное сознаніе этихъ идеаловъ есть совѣсть. Она тревожитъ насъ, когда мы дали волю побужденіямъ, несогласнымъ съ образцомъ или нормою, или когда оказываемся бессильными въ борьбѣ съ мотивами, отступающими отъ субъективнаго идеала.

Субъективная дѣятельность и есть нравственная; субъективные идеалы—нравственные идеалы. Ученіе о нравственной дѣятельности и нравственныхъ идеалахъ есть ученіе о нравственности, или этика.

Нравственность и знаніе ведутъ человѣка, разными путями, къ одной и той же главной, послѣдней цѣли — возможному его удовлетворенію и благополучію. Обѣ, въ отдѣльности взятая, недостаточны и бессильны для достиженія этой цѣли; только идя рука объ руку, онѣ вмѣстѣ представляютъ дѣйствительную, непобѣдимую силу. Нравственность воспитываетъ и развиваетъ индивидуальнаго человѣка изнутри, въ самыхъ сокровенныхъ изгибахъ его психической природы; знаніе вырабатываетъ условія и обстановку жизни и дѣятельности индивидуальнаго человѣка. Связанныя единствомъ главной задачи, нравственная и объективная дѣятельность работаютъ одна другой въ руку. Безъ объективной дѣятельности человѣкъ осужденъ на безсиліе и бесплодное созерцаніе; его усилія овладѣть своими желаніями и страстями приводятъ къ отчужденію отъ дѣйствительной жизни и къ Нирванѣ. Объективная дѣятельность, безъ поддержки субъективной, бессильна осуществить идеалы человѣческаго благополучія, уходитъ въ отвлеченности и призраки, лживыя подобія человѣческаго счастья, и вертится въ пустотѣ, воображая, что имѣетъ дѣло съ живою реальностью. Наука, искусство, правда, истина сами по себѣ—вотъ послѣднее слово объективной дѣятельности, порвавшей органическую связь съ дѣйствительными людьми, нуждами, потребностями и стремленіями живыхъ личностей. Думая подняться до безусловнаго, объективное знаніе на самомъ дѣлѣ доходитъ

только до самыхъ общихъ и отвлеченныхъ формулъ пониманія человѣкомъ своихъ отношеній къ природѣ, другимъ людямъ или обществу и къ самому себѣ, и далѣе этого не можетъ шагу ступить.

Такое же значеніе имѣютъ и идеалы, руководящія субъективною и объективною дѣятельностью. Они не иное что, какъ регуляторы индивидуальной дѣятельности лица, сводящія ее, чрезъ подведеніе мотивовъ подъ извѣстныя нормы, въ одинаковую и однообразную дѣятельность нѣсколькихъ, многихъ или всѣхъ людей. Приведеніе всѣхъ идеаловъ, субъективныхъ и объективныхъ, къ единству въ одной общей и строгой системѣ будетъ вѣнцомъ, послѣднимъ словомъ знанія, и возможное ихъ проведеніе и осуществленіе въ дѣйствительности, въ жизни,—вѣрхомъ человѣческой мудрости.

Такъ далеко задачи этики не идутъ. Она должна установить идеалы субъективной, нравственной дѣятельности, указать ихъ происхожденіе, объяснить ихъ точный смыслъ и значеніе и ихъ связь какъ между собою, такъ и съ объективной стороной человѣческаго существованія и дѣятельности. Представимъ нѣкоторыя мысли и соображенія по этимъ предметамъ.

V.

Мы сказали, что субъективные идеалы регулируют и нормируют мотивы сознательной деятельности. То и другое необходимо в интересах и единичного, индивидуального лица, и человеческого общества, которого часть онъ составляет. Потребность регулировать и нормировать мотивы возникает изъ того, что они, какъ уже замѣчено выше, не имѣютъ роковой принудительности непосредственныхъ явленій и фактовъ. Въ мотивахъ выражаются и психическія, и физиологическія потребности человеческой природы. Тѣ и другія, имѣя одинъ источникъ, находятся въ тѣсной, неразрывной между собою связи; физиологическая и психическая жизнь чловѣка оказываютъ безпрестанное на нихъ дѣйствіе и вліяніе, втягиваютъ ихъ попеременно въ условія то той, то другой, и тѣмъ не даютъ имъ сложиться въ исключительно психическія или исключительно физиологическія, какъ мы ихъ еще недавно себя представляли, по правиламъ отвлеченной логики. По этой логикѣ выходило, что психическая и матеріальная жизнь и деятельность существуютъ какъ-то рядомъ, бокъ-о-бокъ, одна подлѣ другой, и идутъ параллельно, чѣмъ-то между собою связанные, но это, однако, не стѣсняетъ ни той, ни другой. Естественное сильно поколебало этотъ наивный взглядъ, доказавъ съ по-

разительною очевидностью, неопровержимыми доводами, огромное вліяніе матеріальной стороны на психическую жизнь. Теперь начинается съ такою же убѣдительностью и очевидностью выясняться и наоборотъ — сильнѣйшее вліяніе психическихъ состояній на тѣло и физиологическія отправленія. Богатый матеріаль для научныхъ изслѣдованій въ этомъ направленіи представляютъ извѣстныя всѣмъ изъ ежедневныхъ наблюденій отклоненія отъ нормальныхъ физиологическихъ потребностей и ихъ естественнаго удовлетворенія подъ вліяніемъ воображенія, разныхъ душевныхъ состояній, силы воли и т. п. Въ чловѣкѣ, вслѣдствіе сильнаго развитія центрального органа и нервной системы, физиологическія потребности и отправленія далеко не имѣютъ силы, принудительности, правильности и періодичности, какая замѣчается въ остальныхъ животныхъ. Вообще, чѣмъ менѣе развитъ организмъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ преобладаніе физиологической жизни надъ психической, и наоборотъ: въ высшихъ организмахъ и тѣхъ, которые подпали подъ непосредственное продолжительное вліяніе чловѣка, напримѣръ въ домашнихъ животныхъ, чаще встрѣчаются отклоненія отъ свойственныхъ имъ формъ и условій физиологической жизни и отправленій, вслѣдствіе вліяній психическаго фактора. Кромѣ того, психическая жизнь и деятельность имѣютъ нѣкоторыя свойства, указывающія на близкое ихъ сродство съ физиологическими явленіями. Не говоря уже о бессознательности и произвольности многихъ умственныхъ операцій и чувствъ, на такое близкое сродство указываютъ привычки ума, чувствъ, желаній и воли, способность психическихъ отправленій, долго и много разъ направляемыхъ сознаниемъ въ одну и ту же сторону, получить извѣстную складку, которая удерживается и сохраняется, когда они уже обратились въ бессознательныя и произвольныя и стали какъ бы второй натурой. Эти свойства человеческой природы дѣлаютъ для нея необходимыми субъективные идеалы, руководящія его психическою и мате-

риальной жизнью. Человѣкъ долженъ поддерживать и оберегать свою матеріальную и психическую способность къ сознательной психической дѣятельности; сама эта дѣятельность должна быть согласована съ условіями правильного сожителства не въ однихъ внѣшнихъ поступкахъ, но и въ мотивахъ дѣятельности. Вотъ немногія основныя начала, къ которымъ сводится этика.

Матеріальная способность къ сознательной психической дѣятельности, насколько она зависитъ отъ насъ самихъ, оберегается объективными мѣрами—соблюденіемъ правилъ діететики и гігіены, и восстанавливается точно также объективными приѣмами и средствами врачебной науки. Къ этикѣ ни тѣ, ни другія не относятся. Этика рекомендуетъ однѣ субъективныя мѣры, ведущія, другими путями, къ той же цѣли. Физиологическія потребности нашей природы, подъ вліяніемъ психическихъ элементовъ, могутъ извращаться и получить уродливое, неестественное развитіе, ведущее къ разстройству организма, а чрезъ него къ ослабленію психической жизни и дѣятельности; прямое же дѣйствіе на душу ненормального удовлетворенія физиологическихъ потребностей состоитъ въ томъ, что ему отводится въ нашей психической жизни и дѣятельности слишкомъ много мѣста; что, обратившись въ привычку, оно нарушаетъ равновѣсіе душевныхъ отправленій и лишаетъ насъ власти и господства надъ нашими психическими движеніями. Свобода воли въ объясненномъ нами выше смыслѣ невозможна, когда мы не въ состояніи владѣть нашими физиологическими потребностями, держать ихъ въ уздѣ и границахъ. Самыя непосредственныя изъ этихъ потребностей суть: голодъ, жажда и половыя влеченія. Они, какъ и всѣ физиологическія явленія, обыкновенно переходятъ въ сознание и обращаются въ осмысленные мотивы дѣятельности; удовлетвореніе ихъ облекается въ формы психическаго удовлетворенія и наслажденія, и мы легко поддаемся обману, принимая послѣднія за явленія и принадлежности

высшей психической жизни образованныхъ слоевъ. Этика разъясняетъ дѣйствительное значеніе этихъ явленій и, рекомендуя воздержаніе и умѣренность, предостерегаетъ противъ опасностей и невоздержности, и излишествъ въ удовлетвореніи естественныхъ желаній. Она не проповѣдуетъ аскетизма, но, имѣя дѣло съ осмысленными мотивами, совѣтуетъ не возводить физиологическихъ потребностей и наслажденій въ принципы, а рекомендуетъ принимать ихъ за то, что они есть—за физиологическія стремленія, перешедшія чрезъ сознание. Точно также, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, относится этика и къ менѣе непосредственнымъ, болѣе общимъ вліяніямъ ближайшей къ человѣку матеріальной среды и послѣдствіямъ ея вліянія на него—именно къ матеріальному довольству и богатству, роскоши, нѣгѣ, праздности, лѣни, любостыжанію, тщеславію и спѣси. Этика не ставитъ бѣдности въ число добродѣтелей и ученіе эпіонитовъ не возводится ею въ принципъ. Смыслъ этическихъ ученій въ отношеніи къ матеріальной обстановкѣ человѣка слѣдующій: не заполони ей своей души, не будь алченъ, корыстолюбивъ, чтобъ не стать рабомъ внѣшней матеріальной среды; она должна служить тебѣ, а не ты ей. Твоя психическая независимость и свобода должна быть для тебя дороже всѣхъ благъ міра.

Прецепты этики, оберегающіе психическую жизнь и дѣятельность отъ неблагоприятныхъ вліяній матеріальныхъ условій и обстановки, составляютъ собственно введеніе къ ней и могутъ быть названы гігіеной и діететикой нравственной жизни и дѣятельности.

Настоящая суть этики—это субъективные идеалы, которые она ставитъ сознательной жизни и дѣятельности человѣка. Характеристическая особенность всѣхъ этихъ идеаловъ та, что они имѣютъ задачей и цѣлью вывести человѣка изъ узкаго, тѣснаго круга обособленной индивидуальности и поднять его до идеальнаго типа человѣка,—типа, сложившагося чрезъ от-

влеченіе и обобщеніе качествъ и свойствъ человѣческой природы, признаваемыхъ въ данное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и по господствующимъ понятіямъ и взглядамъ, за самыя совершенныя. Нравственные идеалы появились вмѣстѣ съ первыми признаками сознанія, были чрезвычайно разнообразны и различны въ разныхъ человѣческихъ обществахъ, у разныхъ народовъ, въ разные эпохи и постепенно развивались и совершенствовались, по мѣрѣ накопленія наблюденій и опытности и объединенія людей въ большія и большія группы. Идеальное совершенство христіанской этики въ томъ и состоитъ, что она не греческая, римская, семитическая или индійская, а общечеловѣческая, и несравненно дальше всѣхъ другихъ проникла въ причины и послѣдствія мотивовъ, таящихся въ человѣческой душѣ.

Въ числѣ этическихъ идеаловъ на первомъ планѣ стоитъ стремленіе прежде всего къ истинѣ, правдѣ и душевной красотѣ. Въ объективномъ смыслѣ, истина, правда и красота являются какъ результатъ стремленія, какъ извѣстное сочетаніе явленій и данныхъ. Мы говоримъ о научныхъ или теоретическихъ истинахъ, о правдѣ въ законѣ, судѣ и управленіи, о красотѣ дѣйствительныхъ явленій и художественныхъ произведеній. Въ субъективномъ же смыслѣ, этими названіями означается то душевное расположеніе и настроеніе, съ которыми человѣкъ работаетъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности, и безъ которыхъ нельзя произвести ничего прочнаго, значительнаго и полезнаго для себя и другихъ. Вездѣ, во всемъ, въ глубинѣ своей души и въ сношеніяхъ съ другими, стремись прежде всего къ истинѣ, правдѣ, душевной красотѣ. Ложь, обманъ, лицемеріе, лугавство, только кажутся самыми простыми, ближайшими средствами достиженія практическихъ цѣлей; на самомъ дѣлѣ, практической результатъ, самъ по себѣ, какъ все объективное, непроченъ и легко измѣняется, если онъ не закрѣпленъ нравственной стороной дѣла.

Тучи недоразумѣній, иллюзій, софизмовъ, плодъ близорукости, непониманія и смѣшенія понятій, окружаютъ этотъ основной пунктъ нравственныхъ ученій и затемняютъ его смыслъ. Гдѣ и когда же, разсуждаютъ умники, видано или слыхано, чтобы истина, правда, душевная красота вели къ счастью, къ достиженію цѣлей? Совсѣмъ напротивъ: достигаютъ ихъ только тѣ, которые не останавливаются, когда нужно, передъ этими призраками. Неисправимые чудаки, мечтатели и идеалисты, принимающіе ихъ на вѣру за чистыя деньги—самые несчастные неудачники на землѣ и погибаютъ жалкими и смѣшными жертвами ребяческихъ иллюзій. Оглянемся вокругъ себя: гдѣ же на цѣломъ земномъ шарѣ истина, правда, душевная красота—въ чести и торжествуютъ, а ложь, лицемеріе, обманъ—не процвѣтаютъ? Развѣ мы не видимъ, что самыя безсовѣстныя надувательства, безстыжія клятвопреступленія приводили къ результатамъ благотворнымъ для множества людей, цѣлыхъ народовъ и всего человѣческаго рода? Если ложь, неправда, нравственное безобразіе могутъ быть полезны и даже благодѣтельны и для отдѣльныхъ лицъ, и для массы людей, то согласно ли съ здравымъ смысломъ отвергать ихъ и клеймить ихъ печатью отверженія?

Съ тѣхъ поръ что человѣкъ сталъ мыслить, дѣлаются эти возраженія, давно обратившіяся въ хроническія. Мы думаемъ, что они кажутся неопровержимыми только потому, что предпосылки тезисовъ и возраженій недостаточно выяснены. О чемъ собственно идетъ рѣчь: о душевномъ ли состояніи, какое производитъ постоянное, неизмѣнное стремленіе къ истинѣ, правдѣ и душевной красотѣ, или же объ объективномъ порядкѣ дѣлъ и вещей, среди котораго живутъ люди, и который можетъ быть для нихъ полезенъ или вреденъ, желателенъ или нежелателенъ? Это оставляется въ тѣни, неразрѣшеннымъ, вслѣдствіе чего такъ-называемые идеалисты и ихъ противники перескакиваютъ съ почвы душевныхъ состояній на почву

объективныхъ условій, какъ будто бы они были однородны. Стоитъ только подмѣтить эту ошибку, и условія спора тотчасъ же измѣнятся. Удовлетвореніе, благополучіе, счастье—представленія личныя, индивидуальныя, субъективныя; никакого объективнаго мѣрила они не имѣютъ; каждый ощущаетъ удовлетвореніе, счастье, благополучіе, въ томъ или другомъ, по своему. А если это такъ, то на какомъ основаніи могли бы мы заключить, что ищущіе истины, правды и душевной красоты лишены счастья и удовлетворенія потому только, что не имѣютъ ни богатства, ни даже достатка, ни виднаго положенія посреди другихъ людей? То, что есть лишеніе и тягость для одного, можетъ быть предметомъ наслажденія для другого. Что касается до объективнаго порядка дѣлъ или вещей, то онъ, самъ по себѣ, не хорошъ, и не дуренъ; эти качества или свойства онъ получаетъ только по отношенію къ людямъ. Самъ по себѣ онъ, во всякомъ случаѣ, есть необходимый результатъ данныхъ условій и обстоятельствъ—фактовъ объективной дѣйствительности. То, что есть, есть всегда, непремѣнно, равнодѣйствующее силъ. Измѣните факторы—и объективная дѣйствительность тотчасъ же измѣнится. Въ этомъ смыслѣ совершенно справедливо, что порокъ и преступленіе могутъ казаться благотворными и полезными для людей по своимъ результатамъ. Желѣзная дорога, положимъ, построена съ вопіющими неправдами; но она есть, по ней ѣздитъ множество людей дешево и удобно, провозится быстро множество товаровъ. Эта польза останется, а неправды, когда вымрутъ ихъ свидѣтели и пострадавшіе отъ нихъ—забудутся. Отъявленный негодяй и злодѣй, вопреки правдѣ, присужденъ къ висѣлицѣ по дѣлу, въ которомъ онъ ни тѣломъ, ни душой не виноватъ: все-таки общество отъ него отдѣлалось развѣ навсегда: развѣ это не благо? Исторія показываетъ, что прогрессивное движеніе рода человѣческаго совершалось далеко не всегда безгрѣшными людьми. Изъ подобныхъ случаевъ выводятъ, что разли-

чія добродѣтели и порока, по отношенію къ объективному міру, сводятся почти къ нулю. Но такъ ли это? Мы дѣйствительно имѣемъ передъ глазами факты, совершенные съ нарушеніемъ правды, но оказавшіеся для людей полезными и благотворными; но можно ли логически вывести отсюда, что тѣ же самые факты, совершенные безъ нарушенія правды, не были бы еще полезнѣе? Конечно, нѣтъ. Мы можемъ только, не грѣша противъ логики, констатировать фактъ и заключить изъ него, что къ объективному міру порокъ и добродѣтель непримѣнимы. Это будетъ справедливо и высказывалось многое множество развѣ. Солнце освѣщаетъ и добрыхъ, и злыхъ, дождь одинаково падаетъ на поля хорошихъ людей и негодяевъ, часто оплодотворяя пашни послѣднихъ и обходя нивы первыхъ. Кромѣ того, прѣзрительно выводя изъ несомнѣннаго факта, будто бы добродѣтель и порокъ безразличны, мы смотримъ слишкомъ близоручко и въ упоръ, не принимая въ расчетъ дальнѣйшихъ выводовъ и послѣдствій. Ребенокъ смѣло протягиваетъ ручонку къ огню, и плачетъ, когда его заставляютъ выпить горькое лекарство; взрослый человѣкъ не дѣлаетъ ни того, ни другого, зная и предвидя послѣдствія. Чтобы взвѣсить и оцѣнить участіе и результаты нравственной и безнравственной дѣятельности въ развитіи объективнаго порядка дѣлъ и вещей, мало указать на ея непосредственные, ближайшіе результаты: надо прослѣдить ихъ далѣе, до конца; только полная картина всего, что произошло вслѣдствіе такой или другой дѣятельности людей въ объективномъ мірѣ, даетъ возможность сдѣлать правильный выводъ, а такая картина рѣдко бываетъ у насъ передъ глазами; почти всегда мы судимъ только по отрывочнымъ и разрозненнымъ даннымъ.

Мы, съ своей стороны, тоже можемъ привести противъ взгляда, будто нравственность не имѣетъ никакого значенія въ устроеніи быта отдѣльныхъ лицъ, обществъ, народовъ и всего человѣческаго рода, многіе факты, доказывающіе про-

тивное. Развѣ нравственный характеръ лица не создаетъ ему между людьми, въ обществѣ, положенія, не менѣе вліятельнаго и авторитетнаго, чѣмъ объективная обстановка — богатство, знатность и власть? Развѣ мало мы видимъ въ исторіи примѣровъ, что созданное неправдою, обманомъ и ложью разсыпалось какъ карточный домикъ? XIX-ый вѣкъ богатъ такими примѣрами, и они будутъ повторяться все чаще и чаще, по мѣрѣ того, какъ дѣйствительное значеніе объективнаго міра будетъ болѣе и болѣе выясняться и вѣра въ его безусловную объективность падать. Нельзя довольно настаивать на томъ, что объективное, которое мы знаемъ и съ которымъ имѣемъ дѣло, есть плодъ человѣческаго труда и усилій, индивидуальных и коллективныхъ. Чѣмъ долѣе живетъ родъ человѣчскій, тѣмъ болѣе этотъ объективный міръ прилаживается къ потребностямъ и нуждамъ людей, которые, съ своей стороны, все болѣе и болѣе прилаживаются къ нему. Чѣмъ болѣе оба міра, объективный и субъективный, между собою такимъ образомъ сближаются, тѣмъ ихъ взаимная зависимость другъ отъ друга будетъ становиться сильнѣе, а слѣдовательно нравственные элементы будутъ играть тѣмъ большую и большую роль въ устроеніи объективнаго порядка дѣлъ и вещей. Прежде эта взаимная зависимость душевнаго строя и внѣшняго порядка мало выступала впередъ, вслѣдствіе того, что психическая жизнь была мало развита, и человѣкъ, принимавшій слабое участіе въ устроеніи своей обстановки, долженъ былъ подчиняться объективному міру, какимъ онъ былъ помимо него. Несмотря на то, никогда, въ самые темные періоды исторіи, не исчезала въ лучшихъ умахъ увѣренность, что рано или поздно истина и правда одержатъ верхъ надъ ложью и неправдой. Теперь, когда большее знаніе и опытность даютъ намъ все большую и большую власть надъ обстановкой и внѣшними условіями, мысль о безучастіи стремленія къ истинѣ, правдѣ и красотѣ въ дѣлахъ внѣшняго міра оказывается все болѣе и болѣе несостоятельной

и короткозоркой. Смѣнитса еще нѣсколько поколѣній, и практическая мудрость умниковъ и дѣльцовъ станетъ и непрактической, и немудрой.

Смирненіе и покорность тоже ставятся этикой въ число первыхъ добродѣтелей; но и около нихъ столпились безчисленные недоразумѣнія, вольныя и невольныя лжетолкованія. Ихъ смѣшали съ холопствомъ, низкопоклонствомъ, угодничаньемъ изъ корыстныхъ и другихъ личныхъ видовъ; въ лучшемъ случаѣ ихъ зачисляли въ одинъ разрядъ съ неразвитостью и умственнымъ малолѣтствомъ. Однако все мы ежеминутно смиряемся передъ обстоятельствами, ударами судьбы, невозможностью достигнуть желанной цѣли, покоряемся волей-неволей законамъ природы и ихъ роковой неизбѣжности, вообще условіямъ объективнаго міра, которыхъ измѣнить не можемъ. Мало того, мы уступаемъ передъ людьми, ихъ капризами и самодурствомъ, когда это считаемъ почему-либо полезнымъ или нужнымъ. Этика только возводитъ эти и подобные имъ случаи въ общій, руководящій принципъ. Рекомендую смиреніе и покорность, указывая на гордость и самонадѣянность какъ на порокъ, она переводитъ въ сознаніе и возводитъ въ общее правило душевнаго настроенія и психической дѣятельности то, что мы безпрестанно испытываемъ и дѣлаемъ по необходимости. Чего мы отвратить не можемъ, тому должны мужественно подчиниться, не малодушествуя, не истощаясь въ бесполезныхъ сѣтованіяхъ, не убѣгая отъ дѣйствительности въ область пустыхъ иллюзій. Смирненіе и покорность, которымъ учитъ этика, не имѣютъ ничего общаго съ раболѣпствомъ и уничиженіемъ, поднимаютъ, а не унижаютъ нравственное достоинство человека.

Смирненіе имѣетъ, кромѣ объясненнаго, еще и другое значеніе. Гордость, высокомеріе, выставленіе себя впередъ, самовозвеличеніе, властолюбіе — противорѣчатъ положенію индивидуальнаго лица посреди другихъ людей. Каждый — не болѣе какъ

членъ общезитія. Не имѣя въ немъ значенія въ качествѣ органа публичной власти, никто не можетъ и не долженъ добиваться первенства, авторитета, вліянія на другихъ людей; только послѣдніе сами могутъ цѣнить достоинства и заслуги, добровольно признать авторитетъ, вліяніе того или другого лица, выдвинуть его впередъ и поставить, въ мнѣніи, выше себя. Само собою разумѣется, что этика, рекомендуя смиреніе въ этомъ смыслѣ какъ добродѣтель, предполагаетъ, что оно должно стать душевнымъ настроеніемъ, а не быть фарисействомъ и личиною; она имѣетъ въ виду одни внутреннія, психическія движенія, а не поддѣлки подъ нихъ, рассчитанныя на достиженіе цѣлей, съ которыми нравственность не имѣетъ ничего общаго.

Въ тѣсной связи съ покорностью и смиреніемъ передъ неизбежнымъ находятся вѣра и надежда. Безъ нихъ сознательная психическая жизнь и дѣятельность невозможны, какъ жизнь организма невозможна безъ воздуха и питанія. Уныніе и отчаяніе парализуютъ дѣятельность; съ утратою вѣры и надежды, индивидуальная, личная жизнь подрѣзывается подъ корень. Подъ вѣрою и надеждою въ этикѣ разумѣется душевное настроеніе, а не объективная система убѣжденій или увѣренность, что извѣстная, предположенная цѣль будетъ непременно достигнута. Въ этическомъ смыслѣ вѣра и надежда есть бодрость духа, уныніе и отчаяніе—упадокъ душевныхъ силъ. То или другое душевное состояніе, безъ сомнѣнія, существенно зависитъ отъ состоянія тѣлеснаго организма. Часто бываетъ, что люди чувствуютъ себя бодрыми и нравственно, и физически, потому что здоровы, и впадаютъ въ апатію и бездѣйствіе только вслѣдствіе того, что больны физически или душевно; но бываетъ также, что душевная бодрость и упадокъ душевныхъ силъ появляются и исчезаютъ подъ дѣйствіемъ психическихъ вліяній, внутреннихъ и внѣшнихъ. Указывая на вѣру и надежду, какъ на необходимыя условія психической

бодрости, этика рекомендуетъ поддерживать вліянія, которыя ей полезны, устранять тѣ, которыя для нея неблагопріятны. Въ числѣ послѣднихъ должны быть названы, въ первомъ ряду, иллюзіи, представляющія въ извращенномъ, обманчивомъ видѣ задачи и цѣли индивидуальной жизни, смѣшеніе этическихъ идеаловъ съ объективными, непривычка, неопытность въ распоряженіи собою и своими способностями и силами. Жизнь есть жизнь; она сопровождается радостями и горемъ, наслаженіями и страданіями, проходитъ въ трудѣ и отдыхѣ. Все это перемежается въ жизни, распредѣляется очень неравномѣрно, приходитъ и уходитъ обыкновенно недуманно, негаданно, безъ всякаго участія съ нашей стороны; хорошее, пріятное, счастливое рѣдко бываетъ подготовлено нашею дѣятельностью или предусмотрительностью; неожиданности и случайности играютъ въ индивидуальной жизни громадную роль, и предупредить ихъ, а тѣмъ болѣе совсѣмъ устранить, нѣтъ возможности. Въмѣсто того чтобъ выучиться, какъ жить, какъ найтись въ жизни, сохраняя, по возможности, равновѣсіе и свободу, мы спасаемся изъ нея въ міръ отвлеченныхъ понятій: то фантазируемъ о счастіи и наслаженіи, которыя будто бы должны быть удѣломъ людей; то, очнувшись, горько жалуемся на то, что наши воздушные замки не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Не находя въ ней, суровой и черствой, отвѣта на свои требованія, мы малодушно впадаемъ въ уныніе и отчаяніе. При такомъ настроеніи, жизнь не можетъ, конечно, представляться ничѣмъ инымъ, какъ юдолю непрерывныхъ мученій. „Скучно жить“—вотъ послѣднее слово и развязка недоразумѣній, изъ которыхъ только и есть два выхода: или самоубійство, или жизнь изо дня въ день, безъ стремленій, задачъ и цѣли, по волѣ обстоятельствъ, какъ и куда понесутъ волны житейскаго моря. Горе народу и смерть обществу, въ которомъ слишкомъ много расплодится такихъ людей! Они пустятъ

по вѣтру умственныхъ и матеріальныхъ богатства, накопленные знаніемъ и трудами прежнихъ людей.

Но не однѣ отвлеченности дѣйствуютъ губительно на индивидуальную психическую жизнь. Ее изводитъ и смѣшеніе объективной дѣятельности съ субъективной, внѣшнихъ задачъ и цѣлей съ внутреннею жизнью. Трудъ, обращенный на природу и на устройство общественныхъ дѣлъ, по своей непосредственной полезности и бросающимся въ глаза результатамъ, кажется ближе, необходимѣе и настоятельнѣе, чѣмъ то, что совершается въ тайниѣ души, невидимо и недоступно для постороннихъ, — и вотъ вниманіе мало-по-малу отвлекается отъ внутренней психической жизни и сосредоточивается исключительно на внѣшней дѣятельности; подъ-конецъ, этические идеалы совсѣмъ забываются, и въ нашихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіи мѣсто ихъ заступаютъ идеалы объективной дѣятельности, которые мы и принимаемъ за субъективные. Но объективная дѣятельность совсѣмъ не то, что индивидуальная жизнь и дѣятельность людей; мѣрка той и другой — иная, приемы для осуществленія субъективныхъ и объективныхъ идеаловъ тоже различны. Посвятивъ всѣ силы и всю дѣятельность внѣшнему, окружающему міру, люди оставляютъ внутреннюю психическую жизнь безъ всякаго ухода и развитія, вслѣдствіе чего она гложетъ и атрофируется. Человѣкъ, до виртуозности выработанный и выдрессированный съ виду для жизни въ обществѣ, можетъ оказаться, въ то же время, презрѣннѣйшимъ негодяемъ и мерзавцемъ въ нравственномъ отношеніи, или, что всего чаще встрѣчается, быть, при большомъ знаніи и замѣчательномъ художественномъ развитіи, ничтожнѣйшимъ въ нравственномъ смыслѣ, — куклой, не имѣющей элементарныхъ нравственныхъ понятій. Быстро увеличивается число такихъ людей во всѣхъ слояхъ общества, въ З. Европѣ, Америкѣ и у насъ; рядомъ съ тѣмъ идетъ и оскуднѣніе выдающихся талантовъ, упадокъ нравовъ и творчества. Это наглядно пока-

нравств. и нрав. отвѣт.

зываетъ, что развитіе объективной стороны безъ соответственнаго развитія этической жизни отдѣльныхъ лицъ недостаточно и не достигаетъ цѣли. Центръ тяжести всего развитія, всякаго успѣха человѣческихъ обществъ и народовъ, стержень, на которомъ вертится все общественное зданіе и все поступательное движеніе человѣческаго рода, есть нравственная личность: изъ нея все выходитъ и къ ней, въ концѣ концовъ, все сходится въ жизни людей; но она не можетъ быть нравственной, преслѣдуя исключительно одни объективные идеалы, такъ какъ послѣдніе, отдѣльно взятые, сами по себѣ, не имѣютъ смысла и значенія. Весь объективный міръ доступенъ и интересенъ для человѣка только съ той стороны, которой его касается; творчество человѣка, состоящее въ перестановкѣ условій и комбинаціяхъ объективнаго міра согласно съ нуждами и желаніями людей, служить имъ только средствомъ для достиженія ихъ цѣлей. Такимъ образомъ, всѣ нити знанія и дѣятельности сходятся къ индивидуальному лицу. Если въ немъ нѣтъ условій для поддержанія на своихъ плечахъ громадной тяжести, которая на нихъ лежитъ, то ходъ человѣческихъ дѣлъ не можетъ быть правиленъ; условія же индивидуальной жизни нормируются и регулируются этическими идеалами.

Однимъ изъ главнѣйшихъ условій нравственной жизни есть простота, по поводу которой еще недавно расточалось столько плоскихъ остротъ, приравнивавшихъ ее къ наивности и даже глупости, несмотря на то, что высшимъ идеаломъ считается сочетаніе ея съ змѣиною мудростью, исключающею наивность и глупость. Простота, какъ ей учить этика, предполагаетъ полную, безавѣтную преданность истинѣ, правдѣ, душевной красотѣ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, расчетовъ и соображеній, безъ такъ-называемаго себѣ на умѣ, — и въ то же время непоколебимую увѣренность, что то, чему мы такъ всецѣло преданы, есть благо, которому можно и должно отдать всѣ свои душевные силы, посвятить всю свою дѣятельность. Въ этомъ

значеніи простота есть идеаль субъективной жизни, и вмѣстѣ результатъ выдержанной, послѣдовательно проведенной этической дѣятельности, естественная принадлежность закаленного нравственнаго характера. Съ нею легко уживается житейская мудрость, которая вовсе не состоитъ, какъ многіе полагаютъ, въ преслѣдованіи внѣшнихъ цѣлей, съ отступленіемъ, въ случаѣ надобности, отъ внушеній нравственныхъ идеаловъ, а только въ чуткости къ затрудненіямъ, которыя могутъ встрѣтиться при осуществленіи нравственныхъ цѣлей въ дѣйствительности и въ умѣнны устранить препятствія, оставаясь вѣрнымъ этическимъ идеаламъ.

Наконецъ, въ числѣ высшихъ этическихъ идеаловъ есть еще одинъ, которому въ обыденномъ языкѣ и научной терминологіи трудно подыскать соотвѣтствующее названіе—именно, свѣтлое, спокойное и довѣрчивое отношеніе къ жизни, несмотря на возможные тяжкія неожиданности, случайности и превратности, которыми она бываетъ порой такъ богата. Этотъ идеаль даетъ человѣку, въ его личной, индивидуальной жизни и дѣятельности, точку опоры противъ страшнаго неизвѣстнаго, котораго онъ ни предусмотрѣть, ни впередъ разсчитать не можетъ, какъ бы ни былъ прозорливъ, дальновиденъ, остороженъ, опытенъ и практически уменъ. Душевное настроеніе, которое имѣется въ виду въ этомъ идеалѣ, не есть ни вѣра, ни надежда, ни простота, ни смиреніе и покорность, а родственныи имъ всѣмъ, но особый строй духа, парализующій чрезмерную болѣзненную заботливость и боязливость, ослабляющія силы и дѣятельность раздумьемъ, которое ни на чемъ не основано, такъ какъ оно вызывается тѣмъ, что одинаково можетъ быть и не быть и не подлежить никакимъ расчетамъ.

Мы говорили до сихъ поръ объ идеалахъ, которыми каждый человѣкъ долженъ руководиться въ своей личной жизни и дѣятельности. Высшій идеаль отношеній его къ другимъ людямъ есть любовь. Какъ всѣ другіе этическіе идеалы, она

ошибочно истолкована, искажена отвлеченной логикой и, благодаря этому, отвергнута и забыта. Пора возстановить настоящій ея смыслъ.

Любовь въ этическомъ смыслѣ не есть ни половое влеченіе, ни дружба и привязанность къ тому или другому лицу, ни восторженное созерцаніе отвлеченной идеи человѣка, которое, подъ названіемъ любви къ человѣчеству, такъ часто смѣшивается съ этическою любовью. Этика учитъ любить въ каждомъ живомъ человѣкѣ, будь онъ личный врагъ или послѣдній изъ глубоководшихъ людей, не то, что онъ есть въ дѣйствительности или по отношенію къ намъ, а то, чѣмъ бы онъ могъ и долженъ былъ быть въ качествѣ человѣка. Въ этическомъ смыслѣ, каждый человѣкъ, каковъ бы онъ ни былъ, по существу своему, по своей природѣ, есть живое воплощеніе идеи нормальнаго, идеальнаго человѣка, и если онъ въ дѣйствительности почему-либо уклонился отъ этого своего типа, то все же послѣдній въ немъ живетъ, и его мы должны помнить, признавать и любить, подавляя въ своей душѣ отвращеніе, враждебность и гадливость, которыя въ насъ невольно возбуждаются уклоненіями дѣйствительнаго человѣка отъ живущаго въ немъ, но скрытаго, затаеннаго и обезображеннаго свѣтлаго и чистаго человѣческаго идеала.

Объясняя характеръ этической любви какъ можно нагляднѣе и осязательнѣе, мы, можетъ быть, слишкомъ подчеркнули ея объективное основаніе. Чтобы предупредить недоразумѣнія, слѣшимъ оговориться. Въ этическомъ смыслѣ важно не то, что, чрезъ отвлеченіе и обобщеніе отъ дѣйствительныхъ людей, мышленіе подымается до идеальнаго образа человѣка; важно то, чтобы мы, въ сношеніяхъ съ дѣйствительными, живыми людьми, носили постоянно въ душѣ этотъ образъ и въ каждомъ, кто бы онъ ни былъ, предполагали его присутствіе. Такимъ образомъ, въ этической любви, какъ и во всѣхъ другихъ этическихъ идеалахъ, удареніе лежитъ не на объективной, а

на субъективной сторонѣ отношенія. Сказаннымъ объясняются характеристическія черты любви, которую этика ставитъ людямъ какъ руководство и идеалъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою. Незлобивость, прощеніе обидъ, состраданіе, милосердіе, самоотверженіе на пользу другихъ, терпѣніе и кротость, снисходительность, готовность помочь и утѣшить—суть лишь проявленія и примѣненія любви. Она идеальна, но не даетъ человѣку оторваться отъ дѣйствительности, искать успокоенія и утѣшенія отъ ея тревоженій и доукъ въ мірѣ отвлеченныхъ идей, къ чему всѣ мы такъ склонны. Этическая любовь крѣпко приковываетъ насъ къ жизни, заставляетъ постоянно и усиленно работать надъ собой, чтобъ выучиться въ единичномъ видѣть общее, идеальное, съ высоты идеала взвѣшивать и оцѣнивать дѣйствительныхъ людей, не теряясь въ индивидуальныхъ особенностяхъ и не уходя въ отвлеченности. Упражненіе въ этической любви есть поэтому высшая школа нравственной жизни, самая трудная, но зато и самая плодотворная по своимъ послѣдствіямъ для нравственнаго воспитанія и жизни. Не даромъ любовь называется высшею изъ всѣхъ добродѣтелей. Кто прошелъ школу этической любви и утвердился въ ней, тому ужъ сравнительно легче воспитать свои помыслы, желанія, движенія воли и душевныя привычки согласно съ другими этическими идеалами.

Этическія ученія весьма подробно опредѣляютъ отношенія отдѣльныхъ лицъ между собою и выяснили идеалъ этихъ отношеній; но они лишь мимоходомъ, слегка, коснулись этической стороны дѣятельности публичной—общественной, государственной, политической. Почему этотъ родъ дѣятельности представляется постороннимъ, чуждымъ, чуть-чуть не враждебнымъ этической точкѣ зрѣнія,—объясняется исторіей. Этическія ученія возникали въ эпохи упадка и разложенія, когда живая связь

публичной жизни съ частнымъ бытомъ была порвана, ихъ взаимодействие ослабѣло или прекратилось, и обѣ стороны, изъ которыхъ слагается организованное сожителство людей, были пропитаны порчею и развратомъ. Въ такія эпохи потребность обновленія и очищенія чувствовалась прежде и больше всего въ непосредственномъ ежедневномъ быту, въ прямыхъ обыденныхъ людскихъ сношеніяхъ. Къ нимъ и обратились этическія ученія, какъ къ ближайшимъ, въ улучшеніи которыхъ были заинтересованы всѣ, отъ мала до велика. Въ наше время положеніе уже совсѣмъ другое, чѣмъ встарь. При условіяхъ нашей жизни примѣненіе этическихъ ученій къ отношеніямъ публичнаго характера является насущною потребностью, тѣмъ болѣе, что при современной путаницѣ понятій для самыхъ произвольныхъ и странныхъ толкованій открывается по этому поводу обширное поле. За примѣрами и доказательствами ходить не далеко. Недавно выдающійся русскій писатель, которымъ всѣ мы восхищаемся и гордимся, соединившій славу первокласснаго художника съ подвигомъ правдивой исповѣди страданій души, утратившей этическіе идеалы, публично отказался отъ обязанностей присяжнаго засѣдателя на судѣ, въ убѣжденіи, что онѣ противорѣчатъ евангельской заповѣди: „не суди“. Эту тѣму онъ развиваетъ въ особой запискѣ, которую намъ удалось видѣть. Постараемся же уяснить и опредѣлить отношеніе этическихъ ученій къ общественной, публичной дѣятельности.

Начнемъ съ установленія фактической стороны вопроса. Потребность въ устроенномъ сожителствѣ людей роковымъ образомъ, неизбѣжно, ведетъ къ правовому порядку, къ организаціи властей, закона, управленія и суда. Они—выше отдѣльныхъ, индивидуальныхъ личностей, но живутъ въ нихъ и ими представляются. Право, публичная жизнь—имѣютъ дѣло не съ живыми, непосредственными людьми, а съ членами устроеннаго общежитія, лицами, въ социальномъ смыслѣ, юридическими

и политическими, съ органами или носителями и представителями общественной, публичной организаціи. Тѣ и другіе имѣютъ свои права и обязанности, — атрибуты, которыми опредѣляются ихъ многообразныя взаимныя отношенія. Мы видѣли, говоря объ этической любви, что предметъ ея — тоже типъ человѣка, а не непосредственный человѣкъ. Такимъ образомъ, правовой порядокъ и точка зрѣнія, которую онъ съ собой приноситъ, безспорно болѣе отвлеченны, чѣмъ непосредственный фактъ, который они регулируютъ; но то же самое должно сказать и о нравственности, какъ ни различны ея задачи отъ тѣхъ, которыя разрѣшаетъ право, общественное и политическое устройство.

Какъ все отвлеченное, право, устройство общественное и политическое, имѣя корни въ живыхъ, непосредственныхъ, дѣйствительныхъ людяхъ, представляютъ систему объективныхъ условій, опредѣляющихъ, извѣстнымъ образомъ, жизнь каждаго человѣка, принадлежащаго къ составу организованнаго сообщества. Поэтому вопросъ объ отношеніяхъ нравственности къ правовому порядку распадается на два слѣдующіе: во-первыхъ, согласно или несогласно съ этическими идеалами какое бы то ни было положеніе и дѣятельность, обусловленныя правовымъ порядкомъ? и, во-вторыхъ, каковы должны быть, съ нравственной точки зрѣнія, отношенія индивидуальнаго человѣка къ правовому порядку, существующему въ обществѣ, къ составу котораго онъ принадлежитъ?

Рѣшеніе перваго вопроса можетъ казаться сомнительнымъ или спорнымъ только по недоразумѣнію. Этическая точка зрѣнія, какъ мы видѣли, не знаетъ объективной стороны жизни и не заботится о ней; она касается исключительно только отношеній дѣйствующаго лица къ его собственной дѣятельности. Общественное и правовое положеніе, въ этическомъ смыслѣ, безразличны, точно такъ же, какъ и родъ дѣятельности, лишь бы они не противорѣчили внутреннему убѣжденію человѣка,

не считались имъ, по совѣсти, безнравственными. Мысль, будто званіе судьи противорѣчитъ заповѣди: „не суди“, основана на ошибочномъ ея толкованіи. Еслибъ въ нашу задачу входило подкрѣпить наши выводы и заключенія ссылками на священное писаніе, мы бы взялись доказать текстами его и ученіемъ церкви, что подъ словами: „не суди“, должно разумѣть: не осуждай, т.-е., будучи частнымъ человѣкомъ, непризваннымъ произносить судъ, не отзывайся съ укоризною о другомъ лицѣ и его поступкахъ. Совѣсти первоначальныхъ христіанъ не противорѣчило служить въ войскахъ, и они шли на войну подъ знаменами языческихъ императоровъ; а христіане первыхъ вѣковъ были очень чутки и непреклонны въ своихъ убѣжденіяхъ.

Точно также безразличны, съ этической точки зрѣнія, общественные и политическіе порядки, составляющіе одно изъ внѣшнихъ, объективныхъ условій существованія индивидуальныхъ личностей. Оцѣнка этихъ порядковъ, ихъ измѣненіе и улучшеніе входятъ въ кругъ объективной дѣятельности, происходятъ по объективнымъ идеаламъ и не имѣютъ никакого отношенія къ нравственности, которая одинаково уживается съ самыми противоположными гражданскими и политическими организаціями. Если совѣсть не велитъ жить въ какой-нибудь средѣ—безнравственно въ ней оставаться: надо изъ нея уйти, отъ нея удалиться; но субъективные идеалы не дадутъ мѣрила для опредѣленія сравнительнаго достоинства различныхъ гражданскихъ и политическихъ порядковъ.

Такъ рѣшаются оба вопроса. Они и множество другихъ, съ ними сходныхъ, не могли бы возникнуть при сколько-нибудь ясномъ, отчетливомъ пониманіи нравственности. Но неточное разграниченіе субъективной и объективной дѣятельности производитъ прискорбную путаницу въ нашихъ понятіяхъ, а за ними и въ нашемъ образѣ дѣйствій. Смѣшивая различныя, хотя и соприкасающіяся между собою сферы, мы, сами часто

того не замѣчая, пересказываемъ изъ одной области знанія или дѣятельности въ другую, произвольно переносимъ приемы, воззрѣнія и самую терминологию съ однихъ предметовъ на другіе и залутываемся все болѣе и болѣе.

Наглядными примѣрами такой путаницы могутъ служить взгляды на цѣли и задачи жизни, которые высказывались въ разное время и многими считаются и теперь за основаніе научной этики и этическихъ идеаловъ.

Съ легкой руки Бентама, необходимость этическихъ началъ и ихъ права гражданства передъ судомъ разума пробовавали доказывать практическою полезностью добродѣтели и невыгодностью порока. Эта мысль высказывалась и въ древнемъ мірѣ, но довольно неопредѣленно; утилитаризмъ разработалъ ее и возвелъ въ принципъ этики, но, какъ мы думаемъ, очень неудачно. Утилитаристы смотрятъ на этическія движенія только съ внѣшней стороны, какъ они проявляются во внѣшнихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, не касаясь ихъ внутренней, психической стороны, доступной только сознанію лица, въ которомъ совершаются психическія движенія и дѣятельность. Такая точка зрѣнія искажаетъ понятіе объ этической жизни. По этой точкѣ зрѣнія, человѣкъ, который во всѣхъ своихъ поступкахъ, всю свою жизнь, былъ безукоризненъ, — будетъ добродѣтельнымъ и нравственнымъ. Очевидно, здѣсь этическія и правовыя отношенія смѣшаны. Человѣкъ добродѣтельный и нравственный, по ученію утилитаристовъ, можетъ быть, съ этической точки зрѣнія, какъ мы ее понимаемъ, человѣкомъ отлично выдрессированнымъ для общественной жизни, но въ глубинѣ души или развращеннымъ, или посредственнымъ и ничтожнымъ. Съ личной, индивидуальной точки зрѣнія, ученіе утилитаристовъ тоже не выдерживаетъ критики. Практическую полезность нравственности и добродѣтели для отдѣльнаго лица можно одними примѣрами доказывать, а другими опровергать, и доказывать, напротивъ, пользу порока. Примѣровъ въ подтвержденіе послѣд-

наго наберется, пожалуй, больше, чѣмъ въ доказательство практической выгоды добродѣтели. При преобладающемъ большинствѣ нравственныхъ людей и при превосходныхъ общественныхъ порядкахъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ окажется практически болѣе полезнымъ быть нравственнымъ и добродѣтельнымъ, чѣмъ быть безнравственнымъ и порочнымъ. Значитъ, практическіе результаты нравственности и порочности зависятъ отъ разныхъ постороннихъ и случайныхъ обстоятельствъ и условій и, слѣдовательно, не могутъ служить исходной точкой и мѣриломъ для этическихъ идеаловъ.

Попытка основать ученіе о нравственности на пользѣ была позднѣе, и также безуспѣшно, возобновлена Дж. Ст. Миллемъ. Новѣйшій утилитаризмъ ищетъ принципа нравственности въ высшей пользѣ, въ пользѣ всѣхъ, и старается доказать, что къ этому естественно и необходимо стремятся всѣ развитые люди, и что къ воспитанію ихъ въ этомъ чувствѣ неудержимо ведетъ ходъ человѣческой культуры. Ученіе Милля страдаетъ одними недостатками со всѣми другими этическими научными теоріями. Польза—какъ бы возвышенно и идеально мы ее ни понимали—принципъ, съ одной стороны, слишкомъ отвлеченный, а съ другой, слишкомъ объективный, чтобы служить основаніемъ нравственности, какъ мы ее понимаемъ. Всѣ люди стремятся къ благу, къ пользѣ; это признаетъ и Милль. Очевидно, такое общее всѣмъ людямъ стремленіе не можетъ, уже по одному этому, служить основаніемъ нравственности, которая далеко не всѣмъ стремленія признаетъ нравственными. Что же касается общаго блага, общей пользы, то они имѣютъ объективный, а не субъективный характеръ, опредѣляются объективными, а не субъективными идеалами, и потому не могутъ быть мѣриломъ нравственности. Какъ всѣ современные мыслители, Милль не различаетъ идеаловъ субъективныхъ, служащихъ руководствомъ для личной, внутренней психической дѣятельности единичнаго человѣка, отъ идеаловъ объективныхъ,

опредѣляющихъ его внѣшнюю дѣятельность по отношенію къ природѣ, другимъ людямъ и устроенному обществу, и вслѣдствіе того путается въ опредѣленіи справедливости—идеала несомнѣнно объективнаго, а не субъективнаго,—и говорить о нравственномъ правѣ, понятіи столько же ошибочномъ, какъ выраженія: безнравственный поступокъ и законопротивный умыселъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что успѣхи культуры, рано или поздно, докажутъ практически, осязательно, вредъ безнравственности и для единичнаго лица, и для цѣлаго общества; но къ этому выводу люди придутъ не прежде, какъ убѣдившись путемъ опыта и знанія, что и общее, и индивидуальное благо есть результатъ нравственнаго развитія единичныхъ людей, возможнаго только при настойчивомъ, выдержанномъ преслѣдованіи ими субъективныхъ идеаловъ внутренней, психической жизни и дѣятельности.

Точно также невозможно подойти къ этикѣ съ точки зрѣнія О. Канта и Спенсера. Ни позитивизмъ, ни теорія эволюціи, не даютъ ключа къ нормированію психической жизни и дѣятельности живого, дѣйствительнаго лица, съ которымъ только и имѣетъ дѣло этика, потому что научныя, объективныя воззрѣнія имѣютъ въ виду не индивидуальное лицо, а обобщенное, отвлеченное, безличное понятіе о человѣкѣ, сопоставляютъ, сравниваютъ, комбинируютъ это общее понятіе съ другими, такими же обобщенными, отвлеченными и безличными понятіями о явленіяхъ природы и соціальной жизни, и приходятъ къ неоспоримо вѣрнымъ и правильнымъ выводамъ; но эти выводы не могутъ быть непосредственно примѣнены къ живой дѣйствительности, которая изъ нихъ исключена. Великое значеніе научныхъ формулъ состоитъ въ томъ, что онѣ указываютъ общія условія, въ какія каждое единичное явленіе поставлено, выясняютъ общее направленіе, въ какомъ могутъ и должны быть сдѣланы комбинаціи, имѣющія цѣлью измѣнить эти явленія въ томъ или другомъ смыслѣ. Такое значеніе научныхъ

выводовъ слишкомъ часто опускается изъ виду и друзьями, и врагами научнаго знанія, только вслѣдствіе того, что не было съ достаточною опредѣлительностью разрѣшенъ основной, главный вопросъ—объ отношеніяхъ мысли и дѣйствительности. Теперь это рѣшеніе настолько уже намѣчено изслѣдованіями, что мы можемъ не впадать въ крайности безусловнаго, отвлеченнаго субъективизма или объективизма. Этимъ и открывається путь къ правильному взгляду на этику, ея назначеніе и задачи.

Наука, мысль, неправильно ставя вопросъ объ этикѣ, по крайней мѣрѣ пришли къ убѣжденію въ необходимости нравственныхъ основаній и руководства для индивидуальнаго лица. Это весьма знаменательно. Съ точки зрѣнія безусловной объективности подобный шагъ есть непослѣдовательность; но она доказываетъ, что этические интересы не могутъ быть заглушены и отброшены. Въ такой же непослѣдовательности упрекаютъ и Канта, признавашаго подчиненіе воли закону безусловнаго требованія (категорическому императиву), который у него виситъ на воздухѣ.

Что касается мнѣній и взглядовъ современнаго образованнаго общества, то въ нихъ также замѣтна величайшая путаница по вопросу о нравственности. Огромное большинство держится если не духа, то буквы преданія, и съ крайнимъ недоверіемъ, иногда со злобою, смотритъ на попытки науки подойти къ этической точкѣ зрѣнія, посмотреть на этику какъ на предметъ научнаго изслѣдованія. Подобныя попытки кажутся многимъ чуть не посягательствомъ на святыню, неприкосновенную для ума. Въ глазахъ большинства, вопросъ ставится обыкновенно такъ: этическая сторона жизни опредѣляется преданіемъ и вѣрой, отношенія къ окружающему объективному міру есть область науки и знанія. Этика, основанная на научныхъ началахъ, по меньшей мѣрѣ бесполезна и излишня.

Мы не раздѣляемъ этого взгляда. Но не будемъ полемизировать съ противниками, а спросимъ ихъ только: на что же,

по ихъ мнѣнію, осуждены всѣ тѣ, которые, по той или другой причинѣ, добровольно или недобровольно, не стоятъ на почвѣ преданія и вѣры? Вѣра есть дѣло личнаго убѣжденія, котораго нельзя требовать, которое нельзя приказывать. Если у кого нѣтъ вѣры, то никакія земныя силы ея не дадутъ и не внушатъ. Людей, отрѣшенныхъ и отрѣшившихся отъ вѣры и преданія, много. Какимъ же другимъ способомъ, кромѣ доводовъ ума, науки и знанія, внушить имъ этической взглядъ, убѣжденіе въ необходимости этическихъ началъ? Если эти начала суть истины для всего рода человѣческаго—а въ этомъ у насъ нѣтъ разногласія съ нашими противниками—то къ нимъ, къ этимъ началамъ, должны вести всѣ пути, какимъ бы кто ни шелъ. Путь науки—длинный, сложный и тернистый; но и онъ, какъ мы старались доказать, приводитъ къ этикѣ, отвѣчая на вопросы, которые вѣра и преданіе обходятъ. Если наука, знаніе иногда становятся въ тушикъ, путаются, сбиваются съ дороги, то это происходитъ только отъ того, что критика, изслѣдованіе еще недостаточно проработали матеріалъ для правильныхъ и точныхъ научныхъ выводовъ, или, что также случается нерѣдко, отъ того, что люди науки останавливаются на полу-пути, не имѣютъ прозорливости или мужества и смѣлости вести свои выводы до конца. Недоконченность, половинчатость современныхъ научныхъ воззрѣній есть одно изъ главнѣйшихъ препятствій къ выясненію научныхъ основаній этики. Такъ или иначе, но мы считаемъ немыслимымъ открыть къ истинѣ одинъ путь и заказать другіе. Въ дѣлѣ личнаго убѣжденія это великое ослѣпленіе. Каждый путь имѣетъ свои сильныя и слабыя стороны, преимущества и недостатки, и всякому должно быть предоставлено выбрать тотъ или другой, какой ему кажется лучше и вѣрнѣе.

Впрочемъ, исключительность, нетерпимость, фанатизмъ, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и съ самыхъ различныхъ, иногда противоположныхъ точекъ зрѣнія, не суть еще злѣйшіе

враги этического развитія. Есть враги гораздо болѣе опасные—это современная безурядица въ головахъ, полная анархія въ мысляхъ и воззрѣніяхъ, прямо ведущая къ ослабленію и отрицанію всякихъ идеальныхъ стремленій и цѣлей. Извѣрившись въ нихъ, люди бросаются очертя голову въ наслажденіе жизнью; здѣсь имъ кажется и свободнѣе, и привольнѣе. Смакованіе житейскихъ благъ, жизнь, не омраченная скучными заботами о какихъ-то сомнительнаго свойства и во всякомъ случаѣ очень далекихъ и туманныхъ принципахъ, связывающихъ душу человѣка по рукамъ и ногамъ—что же можетъ быть лучше на бѣломъ свѣтѣ, пока живется? Но вотъ бѣда: чтобы наслаждаться жизнью, нужны средства. Хорошо, когда кто ихъ имѣетъ; а у кого ихъ нѣтъ, тому надо позаботиться ихъ пріобрѣсти. Такимъ-то образомъ, доучливые этическіе идеалы исподволь замѣняются другими, болѣе близкими и практическими—идеалами наслажденія и наживы. Но и на этомъ пути есть свои печальныя неожиданности и помѣхи: недостатокъ средствъ, болѣзни, неудачи. Оказывается, что жить не стѣдуетъ. Къ этому же результату приходятъ не одни жуиры, „сжигатели жизни съ обоихъ концовъ“, но и благороднѣйшія сердца, чистѣйшіе идеалисты, обманувшіеся въ своихъ возвышенныхъ надеждахъ и помыслахъ. Зачѣмъ, для чего жить?—спрашиваютъ не одни праздные гуляки, но и разнаго разбора неудачники: если жизнь не даетъ удовлетворенія, радостей, то къ чему она? Лучше не жить. Такъ приходятъ къ одному и тому же заключенію люди самыхъ противоположныхъ направленій. Въ ихъ глазахъ весь смыслъ жизни—въ достиженіи извѣстныхъ цѣлей; это производитъ удовлетвореніе, а слѣдовательно и счастье. Въ Германіи Шопенгауеръ длиннымъ рядомъ соображеній пришелъ къ выводу, что жизнь не есть благо, такъ какъ сумма неудовлетворенія и производимыхъ имъ страданій превышаетъ сумму удовлетворенія и проистекающихъ изъ него наслажденій и счастья.

Изъ всѣхъ этихъ выводовъ несомнѣнно слѣдуетъ одно: смыслъ жизни заключается въ достиженіи извѣстныхъ цѣлей; оно и доставляетъ удовлетвореніе, счастье. Современный человѣкъ извѣрился въ возможность такого удовлетворенія, и отъ того страдаетъ. Но почему онъ извѣрился? Въ правильномъ разрѣшеніи этого вопроса и заключается вся суть дѣла, ключъ къ объясненію глубокаго унынія, которое гложетъ всѣ сердца и подтачиваетъ подъ корень всѣ лучшія силы.

Мы посмотримъ на дѣло такимъ образомъ: если смыслъ жизни есть достиженіе цѣлей, то отъ послѣднихъ и будетъ существовающе зависѣть удовлетвореніе и прямое его послѣдствіе — счастье. Но ставить правильно цѣли мѣшаетъ намъ отвлеченная логика, которая мало-по-малу вытѣсняется изъ научнаго знанія, но продолжаетъ безраздѣльно царить въ обыденной жизни и практической дѣятельности огромнаго большинства образованныхъ людей. Она представляетъ намъ все въ искаженномъ и извращенномъ видѣ, уродливо увеличиваетъ или уменьшаетъ размѣры и пропорціи предметовъ, покрываетъ явленія причудливыми, фантастическими красками, произвольно перемѣщая фокусъ свѣта и тѣни. Подъ вліяніемъ призраковъ, производимыхъ отвлеченнымъ мышленіемъ, дѣйствительныя явленія измѣняютъ въ нашихъ глазахъ свой видъ такъ, что ихъ узнать нельзя, и мы, думая, что имѣемъ дѣло съ дѣйствительностью, гонимся за иллюзіями и воздушными замками. Чтобы чутье дѣйствительности въ насъ снова ожило и вернуло насъ опять къ пониманію смысла жизни, мы прежде всего должны отдѣлаться отъ призраковъ, застилающихъ наше умственное зрѣніе обманчивой пеленой отвлеченностей. Астрономы при наблюденіяхъ принимаютъ въ расчетъ измѣненія, которымъ подвергается лучъ при проходѣ чрезъ атмосферу; механики, при построеніи машинъ, вычисляютъ треніе. То же должны дѣлать и мы, разсуждая о чемъ бы то ни было. Критическое отношеніе къ логическимъ обобщеніямъ, безъ кото-

рыхъ никакая операція ума немислима, должно постоянно оберегать отъ самообмана, сторожащаго насъ на каждомъ шагу.

Цѣль человѣка, говорятъ, счастье. Другіе думаютъ, что жизнь — юдоль печалей и скорбей. Но мы видѣли, что счастье есть послѣдствіе удовлетворенія, которое, въ свою очередь, вытекаетъ изъ достиженія какой-нибудь цѣли. Очевидно, что счастье есть отвлеченное понятіе, которое не можетъ непосредственно быть цѣлью или задачей. У одного и того же человѣка можетъ быть множество различныхъ задачъ или цѣлей, отвѣчающихъ различнымъ требованіямъ его психической и матеріальной природы; цѣли эти могутъ, смотря по обстоятельствамъ и условіямъ, измѣняться. Какой же смыслъ можетъ имѣть выраженіе: цѣль жизни? Жизнь не имѣетъ никакой цѣли; пока мы живемъ, мы задаемъ себѣ безпрестанно какія-нибудь цѣли. Жизнь есть только общая почва, общая предпосылка и канва нашей дѣятельности. Одною общею цѣлью жизни нельзя задаваться потому, что такой цѣли и представить себѣ нельзя.

Въ заключеніе замѣтимъ еще слѣдующее. Ставя идеаломъ и цѣлью жизни счастье, т.-е. то, что есть послѣдствіе и обобщенное понятіе удовлетворенія, наступающаго по достиженіи цѣли, мы измѣняемъ, сами того не замѣчая, дѣятельное отношеніе въ теоретическое, созерцательное, и требуемъ отъ послѣдняго непосредственно того, что можетъ быть только результатомъ перваго. Мы слишкомъ часто жалуемся на жизнь, что она не даетъ намъ счастья, не задаваясь цѣлями, не стремясь къ ихъ достиженію, другими словами, мы только мечтаемъ о счастьи, не дѣлая того, что его даетъ. Не есть-ли, при такихъ условіяхъ, исканіе счастья убѣжденіе, что жизнь должна бы быть счастьемъ, а на самомъ дѣлѣ есть несчастіе, заколдованный кругъ странныхъ иллюзіей? Въ дѣйствительности, человѣкъ то страдаетъ, то имѣетъ минуты удовлетворенія. Стра-

данія и радости смѣняются и переплетаются самымъ разнообразнымъ и причудливымъ образомъ; то однихъ, то другихъ выпадаетъ на нашу долю больше. Кто дѣйствительно живетъ, то-есть ставитъ и преслѣдуетъ цѣли, а не фантазируетъ въ созерцательномъ бездѣйствіи, тотъ выучивается мужественно переносить страданія и вполне цѣнить минуты радости. Жизнь есть трудъ, дѣятельность, борьба, а не праздныя грѣзы.

VI.

Представленный общій и бѣглый очеркъ главнѣйшихъ этическихъ идеаловъ далеко не исчерпываетъ предмета. Но мы и не задавались задачею его исчерпать. Единственною нашею цѣлью было показать, что этическая точка зрѣнія вовсе не противорѣчитъ научной, что этическіе идеалы совсѣмъ не общія мѣста, а такъ же важны и дѣйствительны, въ практической жизни, какъ и объективные, и что нравственное развитіе и дѣятельность составляютъ такую же настоящую практическую потребность людей, какъ и всѣ другія стороны развитія и роды дѣятельности.

Но не одни научные предрассудки мѣшаютъ людямъ проникнуться этическими идеалами и руководиться ими въ своей дѣятельности. Нравственнымъ идеаламъ стоятъ поперекъ дороги, въ ежедневномъ быту, предрассудки другого рода. Разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ.

Многихъ смущаетъ и лишаетъ бодрости слѣдовать этическимъ идеаламъ мысль, что они, по ихъ совершенству, недостижимы для людей. Развѣ, думаютъ многіе, не несбыточная мечта осуществить такіе идеалы на дѣлѣ, или хотя бы только сколько-нибудь къ нимъ приблизиться? У самыхъ рьяныхъ и добросовѣстныхъ людей при этой мысли руки опускаются.

Сколько отъ такихъ малодушныхъ разсужденій пропадаетъ

у насъ даромъ живыхъ силъ! А откуда отчаяніе? Только вслѣдствіе привычки останавливаться на пассивномъ созерцаніи, неумѣнья переходить отъ мысли къ дѣлу, непониманія дѣйствительныхъ отношеній между идеаломъ и дѣломъ. У нашего простого народа ясный и правильный взглядъ на эти отношенія выразился очень мѣтко въ пословицѣ: глазамъ страшно, а рукамъ не страшно, т.-е. съ виду неосуществимое осуществляется, когда примешься за дѣло. Точно такое же идеальное совершенство и недостижимую высоту представляютъ и объективные идеалы. Развѣ осуществимы въ дѣйствительности, въ чистомъ видѣ, математическая точка, линія, трехугольникъ, кругъ, алгебраическая, механическая, химическая формула, физическій или биологическій законъ? Правило кодекса развѣ можетъ осуществиться въ дѣйствительной жизни въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно намъ представляется въ книгѣ? Никакая мысль, формула, истина, плодъ умственной дѣятельности и операций мышленія неосуществимы въ дѣйствительности въ ихъ отвлеченной формѣ. Отвлеченія отъ дѣйствительныхъ явленій указываютъ только условія и направленіе человѣческой дѣятельности въ ея стремленіи къ той или другой цѣли. Если высота и идеальность механическихъ формулъ не ослабляютъ энергіи и ревности инженера, то мы не видимъ причины, почему бы возвышенность этическихъ идеаловъ, если они правильны, могла бы отпугивать отъ нихъ и охлаждать къ нимъ людей? Какой добросовѣстный составитель географической карты или топографическаго чертежа рѣшится увѣрять, что передалъ съ идеальною точностію данную мѣстность на бумагѣ или доскѣ? То же и съ осуществленіемъ этическихъ идеаловъ: къ нимъ можно только приближаться, идеальное ихъ осуществленіе немислимо; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что они бесполезны, или что нельзя или не для чего стараться осуществлять ихъ, по возможности, на дѣлѣ. Въ нравственномъ смыслѣ, для каждаго обязательно не достиженіе этиче-

скаго совершенства, что не зависитъ отъ людей, а дѣйствительное, постоянное, добросовѣстное стремленіе его достигнуть. Субъективная сторона, и въ этомъ отношеніи, стоитъ въ этическихъ задачахъ на первомъ планѣ.

Люди съ чрезмѣрно развитою чувствительностью или болѣзненнымъ воображеніемъ считаютъ себя безнравственными, недостойными и падаютъ духомъ при мысли, что дурные помыслы, побужденія и низкія страсти зарождаются и гнѣздятся въ ихъ душѣ. Въ этическомъ смыслѣ такой взглядъ весьма опасенъ и происходитъ тоже вслѣдствіе преобладанія пассивной созерцательности надъ дѣятельнымъ душевнымъ настроеніемъ. Появленіе и присутствіе порочныхъ наклонностей и стремленій, когда мы сами ихъ не вызываемъ, не лелѣемъ и не поощряемъ, принадлежитъ къ области объективныхъ фактовъ, въ которыхъ мы не властны. Поэтому они намъ и не вмѣняются; на нашу отвѣтственность падаетъ, въ нравственномъ смыслѣ, только наше внутреннее отношеніе къ такимъ фактамъ. Мы не должны ограничиться однимъ знаніемъ, что они, въ нравственномъ смыслѣ, дурны, довольствоваться однимъ теоретическимъ ихъ неодобреніемъ, но обязаны дѣятельно съ ними бороться, направить всѣ наши умственные и нравственные силы на ихъ подавленіе и искорененіе, или по крайней мѣрѣ всячески стараться ихъ ослабить. Въ этомъ есть большая аналогія между дѣятельностью внѣшней и внутренней. Садовникъ не виноватъ въ томъ, что сорныя травы растутъ на грядкахъ, клумбахъ и въ парникахъ, что сухіе сучья появляются на плодовыхъ деревьяхъ, мхи и грибки мѣшаютъ имъ развиваться; но онъ виноватъ, если не приметъ противъ нихъ въ-время никакихъ мѣръ. Психологія и этика, какъ и объективныя науки, выясняютъ условія и законы дѣйствительныхъ явленій, и тѣмъ даютъ средство придумать мѣры, какъ ихъ измѣнять полезнымъ или желательнымъ для человѣка образомъ. Только добросовѣстная дѣятельность, по мѣрѣ силъ и пониманія, и есть нашъ нрав-

ственный долгъ, лежитъ на нашей нравственной отвѣтственности.

Есть не мало людей, разсуждающихъ такъ: вѣдь весь міръ добродѣтельнымъ не сдѣлаешь, такъ какая же польза отъ нравственности? Негодяи и подлецы никогда не переведутся, какъ ни проповѣдуй нравственность. Изъ чего же хлопотать? Добрые люди, думающіе такъ, забываютъ, что преступленія и болѣзни тоже никогда не переводятся, однако изъ-за этого право и медицина не выбрасываются за бортъ. Этика, конечно, не есть ни панацея, ни безусловное средство противъ золь, удручающихъ родъ людской; но она дѣйствительное и благотворное средство противъ извѣснаго рода ненормальностей, мѣшающихъ людямъ достигать возможнаго развитія и удовлетворенія.

Но праздныхъ мечтателей, запутавшихся въ отвлеченностяхъ и грѣзахъ, немного на свѣтѣ. Племя ихъ, въ наше время, почти перевелось, и о Маниловыхъ что-то уже не слышно. Чувство дѣйствительности все болѣе и болѣе развивается, но на первый разъ въ самой простѣйшей формѣ грубой, сырой непосредственности. Герои Островскаго, съ ихъ девизомъ: „здраву моему не препятствуй“, распложаются съ поразительной быстротой и овладѣли позиціей. Эти не теряются въ абстракціяхъ, отлично умѣютъ ставить и достигать цѣли, и не жалуется на то, что жизнь — юдоль скорбей и печалей. Всѣ ихъ силы и вся ихъ дѣятельность направлены на окружающій міръ; они превосходно умѣютъ и его себѣ покорить, и сами къ нему приладиться. Но эти люди, соединяющіе въ себѣ столько условій, чтобы правильно смотрѣть на жизнь и правильно къ ней относиться, суть злѣйшіе враги этики. Этические идеалы представляются имъ сумасбродствомъ непрактическихъ мечтателей, помѣхою въ достиженіи практически полезныхъ цѣлей, какимъ-то совсѣмъ ненужнымъ стѣсненіемъ свободы дѣйствій, только парализующимъ личную дѣятельность,

широкій размахъ личнаго почина. Привычка видѣть практическое только въ томъ, что передъ глазами, и считать за утопію и иллюзію отдаленныя причины явленій, къ которымъ приводитъ лишь длинный рядъ сложныхъ соображеній и выводовъ, мѣшаютъ этимъ людямъ оцѣнить и взвѣсить, какъ должно, громадную роль и значеніе этическихъ элементовъ въ человѣческихъ дѣлахъ. Дѣйствительность, — такъ разсуждаетъ большинство практиковъ, — представляетъ людямъ столько средствъ улучшить свое положеніе, развить свои силы и таланты; эти средства у нихъ подъ руками: стоитъ только за нихъ приняться; а тутъ имъ противопоставляютъ какія-то туманныя, весьма сомнительнаго достоинства правила нравственности, пренебрегающія, во имя Бога знаетъ чего, дѣйствительными благами. И добро бы можно было переродить весь человѣческій родъ и изъ людей подѣлать ангеловъ. Нравственность и ея законы — все это пустыя слова, столько же древнія, какъ міръ, и давно перешедшія въ прописи, на поученіе ребятишкамъ! Что за бѣда въ томъ, что строитель желѣзной дороги прикарманитъ миллионъ казенныхъ и акціонерныхъ денегъ: по выстроенной имъ дорогѣ ѣздятъ удобно десятки тысячъ пассажировъ, перевозятся сотни миллионныхъ пудовъ влады. Торговля и промышленность чрезъ это расцвѣли, край разбогатѣлъ, сотни тысячъ людей нашли себѣ заработокъ и средство зашибить копѣйку. О томъ, что у строителя дороги пальцы были немножко длиннѣе, чѣмъ бы слѣдовало, скоро забудется, а сдѣланное имъ полезное дѣло навсегда останется.

Таковъ ходячій взглядъ практическихъ людей. Огромное большинство склоняется передъ ихъ житейскою мудростью. Это называется принимать жизнь какова она есть, не увлекаться мечтами и иллюзіями. Понемногу всѣ привыкаютъ смотрѣть на нравственность какъ на утопію идеалистовъ, дѣтски относящихся къ суровой, черствой и неумолимой правдѣ жизни.

Но полно, правы ли житейскіе мудрецы и практики этого

разбора? Такъ ли этика непрактична, виситъ на воздухѣ, какъ объ ней многіе думаютъ? Станемъ на минуту на ихъ точку зрѣнія и прослѣдимъ ихъ аргументацію отъ начала до конца.

Представимъ себѣ такой случай: практической человѣкъ тяжело боленъ и терпитъ отъ того большую помѣху въ своихъ занятіяхъ, расстройство и убытки въ дѣлахъ. Практически говоря, болѣзнь — обстоятельство крайне непрактическое. Однако, дѣлать-то съ нимъ нечего, и приходится, волей-неволей, ему покориться.

А вотъ другой случай: практической человѣкъ. повидимому, совсѣмъ здоровъ; а врачъ, которому онъ довѣряетъ, предупреждаетъ его, что если онъ не измѣнитъ обычнаго образа жизни и занятій, не броситъ свое дѣло на время или навсегда, то роковыя послѣдствія для его здоровья или жизни неминуемы. Чтѣ дѣлать, какъ поступить? Практической человѣкъ сообразитъ все, и если найдетъ возможнымъ и полезнымъ послѣдовать совѣту врача, то оторвется отъ дѣла, покинетъ мѣсто жительства, перемѣнитъ свои привычки, словомъ, подвергнется ограниченіямъ и стѣсненіямъ всякаго рода. Значитъ, и при практическомъ взглядѣ приходится, даже въ ежедневныхъ дѣлахъ, приносить непосредственное, ближайшее въ жертву ожидаемому лучшему будущему, т. е. идеѣ, отвлеченному понятію.

Возьмемъ другую сторону жизни. Практической человѣкъ смотритъ равнодушно или иронически, когда одинъ обижаетъ или проводитъ другого: вѣдь до него это не касается, какое же ему дѣло? Если человѣкъ проведенъ умно и ловко, практической мудрецъ вполне оцѣнитъ смѣтливость и догадку обидчика или плута. Зайди рѣчь о его интересахъ, онъ и самъ, глубоко презирая идеалистовъ, не остановится передъ нравственными соображеніями, когда это можно сдѣлать безнаказанно. Но, вотъ, его самого обидѣли или надули, и онъ негодуетъ, тащитъ обидчика или обманщика въ судъ и горько жалуется, если не получить удовлетворенія. Значитъ, и практи-

ческой человѣкъ тоже понимаетъ, что надо ограничить волю, нельзя никому предоставить дѣлать все, чтѣ ему вздумается; но онъ понимаетъ это, когда дѣло идетъ о его собственной кожѣ. Взглядъ его, какъ и у животныхъ, непосредственный, съ тою только разницею, что животные и не взываютъ къ совѣсти, справедливости и суду, а онъ ихъ понимаетъ и чувствуетъ потребность въ ихъ посредничествѣ, но только въ примѣненіи къ самому себѣ и своимъ интересамъ, насколько онъ или они страдаютъ, и не въ состояніи подняться до мысли, что если идеальные принципы справедливости и совѣсти необходимы для огражденія его личности и интересовъ, то они точно также необходимы и для обезпеченія интересовъ другихъ, хотя бы и противъ несправедливыхъ притязаній его самого. Что же это показываетъ? А то, что такъ-называемые практическіе люди, смотрящіе на нравственность свысока, на самомъ дѣлѣ очень близоруки, что ихъ ума хватаетъ только на ближайшіе общіе выводы, что они неспособны понять то, чтѣмъ сами на каждомъ шагѣ пользуются въ своихъ интересахъ. Этика рекомендуетъ всѣмъ и каждому быть, по своимъ душевнымъ стремленіямъ, помысламъ, чувствамъ, тѣмъ, чтѣмъ онъ долженъ быть по своимъ наружнымъ дѣйствіямъ и поступкамъ. Этические идеалы и правила насъ стѣсняютъ и ограничиваютъ не болѣе, чтѣмъ законы природы, правовыя отношенія и тысячи соображеній практическаго и житейскаго характера, которыя ежеминутно налагаютъ на насъ всякаго рода лишенія. Если мы ихъ выносимъ не только скрѣпя сердце, недобровольно, но очень часто и добровольно и сознательно, понимая ихъ необходимость и пользу, а требованія этики кажутся намъ бесполезно стѣснительными, то это доказываетъ только неумѣнье думать. Не мудрѣе того были дѣятели первой французской революціи, не согласившіеся отсрочить казнь Лавуазье до окончанія начатаго имъ химическаго анализа, поребячески-нелѣпому соображенію, что республика не нуждается

въ химикахъ; слѣпымъ и практически близорукимъ оказался и геніальный ненавистникъ идеологовъ, Наполеонъ Первый, не умѣвшій оцѣнить практическую пользу изобрѣтенія Фультона. Самыя высокія и отвлеченныя идеи, если онѣ вѣрны, такъ же практически полезны, какъ и то, что у насъ непосредственно подъ руками; только мы рѣдко даемъ себѣ трудъ прослѣдить длинный рядъ колець и звеньевъ, которыми онѣ неразрывно связаны съ дѣйствительнымъ міромъ. Этимъ прежде и больше всего грѣшатъ практическіе мудрецы, смотрящіе свысока на этическіе идеалы. Ихъ близорукость больше странна и смѣшна, чѣмъ опасна для несомнѣнности и дѣйствительной практичности нравственныхъ идеаловъ.

До сихъ поръ мы говорили объ этическихъ идеалахъ какъ о предметахъ знанія. Но не будемъ себя обманывать. Наука есть плодъ мышленія, которое только опредѣляетъ условія явленій. Зная и правильно понимая этическіе идеалы, мы будемъ знать и понимать какъ дѣйствовать, куда слѣдуетъ направить жизнь, чтобы достигнуть желаемыхъ цѣлей и результатовъ; самое же дѣйствіе, направленіе жизни въ ту или другую сторону, не есть дѣло науки, лежитъ внѣ ея круга. Наука можетъ и должна довести людей до порога дѣйствительной жизни, дать руководство, какъ въ ней поступать; но на этомъ она останавливается и не идетъ далѣе, предоставляя каждому жить и дѣйствовать по своему желанію и крайнему разумѣнію. Жизнь, дѣятельность, есть искусство, которое пріобрѣтается опытомъ, упражненіемъ, навыкомъ. Это давнымъ-давно всѣмъ извѣстная истина, но — странное дѣло — совсѣмъ забытая въ примѣненіи къ нравственности. Относительно любой отрасли практической, художественной или научной дѣятельности всѣ убѣждены, что знаніе даетъ только руководство, указаніе, но что его одного мало: что надо упражненіемъ пріобрѣсти опытъ, навыкъ, умѣнье, ловкость, споровку примѣнять знаніе къ дѣлу. Это же начало вполнѣ прилагается и къ этикѣ. За-

дача ея какъ науки — выяснить значеніе и необходимость нравственности, опредѣлить ея условія и законы; но водворить нравственность въ жизни, ввести ее въ житейскій обиходъ, выработать ее въ дѣйствительныхъ, живыхъ людяхъ, есть дѣло прикладной этики, практическая задача этики, какъ искусства. Убѣдившись въ необходимости нравственныхъ элементовъ жизни, узнавъ, въ чемъ они состоятъ, какими условіями и законами они опредѣляются, мы должны озаботиться о томъ, чтобы перейти отъ разсужденій къ дѣлу, отъ отвлеченныхъ понятій къ ихъ осуществленію.

Какъ и всякое искусство и умѣнье, практика этическихъ началъ распадается на подготовку, посредствомъ воспринятія впечатлѣній извнѣ, и на самодѣятельность, на отношеніе къ дѣлу пассивное и активное, на воспитаніе и творчество. Пассивное воспринятіе нравственныхъ началъ не состоитъ, какъ многіе думаютъ, только въ обученіи нравственнымъ правиламъ, которое даетъ одно знаніе, далеко еще недостаточное для подготовленія къ нравственной самодѣятельности. Нужно, чтобы весь человѣкъ, вся его психическая природа, строй помысловъ и чувствъ, были направлены въ сторону нравственныхъ идеаловъ и породили въ немъ охоту, желаніе и рѣшимость быть нравственнымъ, вести нравственную жизнь. Для достиженія этой цѣли человѣкъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи богатые, неистощимыя средства, и уже широко ими воспользовался въ примѣненіи къ умственному, художественному и техническому образованію; остается примѣнить ихъ и къ нравственному развитію. Такими средствами являются руководство и живой примѣръ окружающихъ людей, чтеніе, произведенія искусства, настраивающія душу на нравственный ладъ, вообще вся обстановка, способствующая развитію нравственныхъ душевныхъ движеній и привычекъ и парализующая ростъ противоположныхъ имъ наклонностей и расположеній; наконецъ, упражненія, приготовляющія къ нравственной самодѣятельности. Эти

способы воспитанія давно уже съ успѣхомъ практикуются во всѣхъ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, и только не примѣнены къ нравственному развитію. Не имѣя о нравственности правильныхъ понятій, смѣшивая умственное, художественное и практическое развитіе съ нравственнымъ, выработку объективной стороны съ выработкой душевныхъ движеній, мы не умѣемъ поставить нравственнаго воспитанія какъ слѣдуетъ, смѣшиваемъ внѣшнюю дисциплину съ внутренней, принимаемъ внѣшнюю выправку и дрессуру, наружную благопристойность и приличіе за мѣрило нравственныхъ качествъ, терпимъ около дѣтей индифферентовъ, черствыхъ, бездушныхъ, нравственно неразвитыхъ и даже порочныхъ людей, если только они соединяютъ въ себѣ требуемыя условія знанія и школьной педагогіи, и воображаемъ, что успѣхи въ наукахъ и хорошее внѣшнее поведеніе обезпечиваютъ нравственность будущихъ гражданъ. Какъ часто уже теперь приходится серьезно задумываться надъ практическими результатами такой путаницы понятій, ведущей къ нравственному упадку цѣлыхъ поколѣній и у насъ, и въ Европѣ!

За воспитаніемъ наступаетъ періодъ самодѣтельности. Спросите любого пракческаго человѣка, въ какой бы отрасли онъ ни работалъ, — всякій скажетъ, что безпрестанныя упражненія въ дѣлѣ составляютъ необходимое условіе поддержанія таланта, умѣнья, постепеннаго совершенствованія и успѣха. Безъ нихъ, и знанія теряютъ свою свѣжесть и живость и обращаются въ туманныя отвлеченности или пустыя слова и фразы. Но если это правда въ примѣненіи ко всѣмъ безъ изъятія видамъ объективной дѣятельности, то въ примѣненіи къ нравственности — и подавно. Безъ непрерывной практики, ежеминутной повѣрки и направленія своихъ душевныхъ движеній соотвѣтственно этическимъ идеаламъ, нравственность есть слово безъ смысла, голая отвлеченность, понятіе безъ соотвѣтствующаго ему факта. Только практика нравственности переводитъ

дѣло слово въ дѣло, постепенно создаетъ нравственный складъ помысловъ и желаній, намѣреній и цѣлей, привычку нравственно думать, чувствовать и жить. Такая привычка обращается современемъ во вторую натуру, которая облегчаетъ борьбу съ дурными наклонностями и создаетъ то, что есть верхъ нравственнаго развитія — нравственный характеръ.

VII.

Сбивчивыя и ошибочныя понятія о нравственности и нравственныхъ идеалахъ, характеризующія наше время, отразились и во взглядахъ на отношенія этики къ близкимъ и смежнымъ къ ней областямъ религіи, права и изящнаго искусства. Каждая изъ этихъ областей одними считается вполне замѣняющей и упраздняющей нравственность, а другими, наоборотъ, излишней и ненужной рядомъ съ нею. Тѣ, которые допускаютъ ихъ сосуществованіе съ нравственностью, не могутъ столкнуться между собою въ томъ, гдѣ лежатъ раздѣляющія ихъ границы. Такое разнообразіе сужденій показываетъ, до какой степени спутались и перемѣшались мысли о важнѣйшихъ предметахъ вѣденія. Чтобъ точнѣе опредѣлить для читателей нашу точку зрѣнія на нравственность, мы считаемъ необходимымъ изложить наши мысли объ отношеніяхъ этики къ религіи, праву, изящному искусству и художественному творчеству, касаясь ихъ лишь настолько, насколько необходимо для нашей цѣли.

Начнемъ съ отношеній религіи и нравственности. Цѣль ихъ одна и та же—нравственное развитіе и совершенствованіе каждаго человѣка; но къ этой общей задачѣ вѣроученіе и этика идутъ совершенно различными путями.

Вѣроученіе ставитъ предпосылкою, что разумъ человѣческой ограниченъ и неспособенъ обнять всей истины; что она до-

ступна ему лишь настолько, насколько открыта свыше; открывается же она ему не вся, а въ той мѣрѣ, какъ это необходимо для благочестивой и нравственной жизни на землѣ. Поэтому, единственный источникъ вѣроученія есть откровеніе и священное преданіе, переходящее изъ рода въ родъ, отъ которыхъ нельзя и не должно отступать ни на іоту. Съ точки зрѣнія религіи, ученіе о нравственности есть систематическое изложеніе того, чему учитъ откровеніе, священныя преданія и ихъ святыя истолкователи о нравственной жизни и нравственномъ совершенствованіи человѣка.

Иными путями идетъ научная этика, составляющая особую отрасль знанія. Она, какъ и всякая наука вообще, основана на предпосылкѣ, что самостоятельному изслѣдованію человѣка доступны всѣ самыя сокровенныя тайны міра и бытія, и что, слѣдовательно, ученіе о нравственности, какъ предметъ знанія, можетъ быть построено собственными, свободными усиліями человѣка.

Мы старались показать, что относительно нравственности высшая изъ всѣхъ религій, христіанская, и послѣдовательно проведенное до конца научное міровоззрѣніе, въ главномъ и существенномъ, приводятъ, разными путями, къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Поэтому мы глубоко убѣждены, что людямъ вѣрующимъ и людямъ науки и знанія, горячо принимающимъ къ сердцу нравственное развитіе и совершенствованіе людей не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ, нѣтъ причины и повода враждовать между собою въ области этики. Коренное и существенное ихъ разногласіе лежитъ внѣ этой области; слѣдовательно, въ ней они могутъ, оставаясь себѣ вѣрными, подать другъ другу руку и вмѣстѣ, сообща, стремиться къ одной и той же желанной цѣли. Необходимость ограничить разномысліе его естественными предѣлами, и тѣмъ, если можно такъ выразиться, локализовать борьбу между религіей и наукой, вызывается не только самымъ существомъ дѣла, но и практи-

ческими соображеніями величайшей важности. Конечная цѣль этическихъ ученій, основанныхъ на религіи или на научныхъ изслѣдованіяхъ, заключается въ томъ, чтобъ убѣдить людей ступить на путь нравственнаго развитія и совершенствованія и идти по немъ твердо. Но люди чрезвычайно различны между собою, и дѣйствовать на всѣхъ одними и тѣми же доводами невозможно: для однихъ доступны и убѣдительны доводы вѣроученія, для другихъ — аргументы науки и знанія. Отбрасывать тотъ или другой путь, значило бы отвращать отъ истины и правды массы людей только потому, что они способны принять ее лишь въ томъ, а не въ другомъ видѣ. Одни предпочитаютъ всему строгіе выводы ума и логики; другіе не придаютъ имъ особенной цѣны и важности, слѣдуя голосу непосредственныхъ сердечныхъ ощущеній. Пусть каждый и выберетъ путь, какой ему кажется лучше.

Къ сожалѣнію, глубокое взаимное отчужденіе людей вѣры и науки замѣчается и въ дѣлѣ нравственности, какъ и во всемъ остальномъ. Чѣмъ объяснить это? Согласно съ тѣмъ, что сказано выше, мы приписываемъ это, съ одной стороны, крайнему, преувеличенному довѣрію къ объективной точкѣ зрѣнія, которое проникло даже въ воззрѣнія и міросозерцаніе вѣрующихъ, а съ другой — непослѣдовательности поборниковъ науки и знанія, которые часто останавливаются на полудорогѣ, не рѣшаясь принять всѣхъ выводовъ и заключеній, вытекающихъ изъ научнаго міровоззрѣнія. Чтобъ дойти до субъективныхъ идеаловъ, на которыхъ держится этика, чтобъ связать въ сознаніи индивидуальную жизнь съ общей и объективной, безъ чего этика невысказана, надо смѣло, безъ страха, пройти шагъ за шагомъ, до конца, весь путь отрицаній. Очень многіе этого не дѣлаютъ и, сбившись съ дороги, путаются въ построенія, не выдерживающихъ строгой и научной критики. Намъ теперь кажется, будто религія и наука, стоя на одной и той же почвѣ, исключаютъ другъ друга. Исторія не под-

тверждаетъ такого взгляда. Религія и наука появились одновременно, вмѣстѣ съ пробужденіемъ сознательности, но сначала существовали рядомъ, занимая, каждая, свое особое мѣсто въ жизни и понятіяхъ людей. Областью религіи была внутренняя субъективная жизнь и дѣятельность людей, областью науки — внѣшняя, объективная. Чѣмъ менѣе была развита индивидуальность, тѣмъ болѣе религія и наука смѣшивались и не различались между собою. Но, по мѣрѣ того, какъ сознание росло и крѣпло и индивидуализмъ выдвигался все болѣе и болѣе впередъ, религія и наука все болѣе и болѣе различались и отдалялись другъ отъ друга. У новыхъ европейскихъ народовъ обѣ долго существовали мирно одна подлѣ другой, съ преобладаніемъ религіозныхъ вѣрованій надъ знаніемъ; но потомъ между ними произошла рѣшительная и рѣзкая разрывъ, и началась борьба, которая наполнила собою всю новую европейскую исторію и окончилась полной побѣдой науки надъ вѣрованіями. Отголоски этой вѣковой борьбы слышатся до сихъ поръ, и ея слѣды глубоко проникли въ воззрѣнія и бытъ современныхъ европейскихъ народовъ. Все, что думается и дѣлается въ Европѣ, пропитано воспоминаніями этой борьбы, поражения и побѣды. У насъ, развитіе индивидуализма, личности едва только начинается. Въ умственной жизни Европы мы не принимали участія, но, какъ ея ученики, горячо усвоившіе себѣ всѣ ея интересы и взгляды, не всегда отдаемъ себѣ ясный отчетъ въ ея урокахъ, и повторяемъ, часто наобумъ, безъ разсужденія, мысли и слова, дѣйствительнаго смысла которыхъ надо искать въ историческомъ развитіи и его фазисахъ.

Если, какъ мы старались показать, внутренняя психическая жизнь составляетъ такой же постоянный живой интересъ человѣческаго существованія, какъ и умѣнье и искусство найтись и устроиться въ данной внѣшней обстановкѣ и условіяхъ, то отсюда слѣдуетъ, что ни то, ни другое, отдѣльно взятыя, не могутъ дать человѣку полнаго удовлетворенія; оно дости-

жимо только при ихъ соглашеніи. Но какъ согласить двѣ столько различныя задачи? Помирить и свести къ одному душевныя стремленія и потребности съ объективными условіями и законами существованія уже потому кажется невозможнымъ, что обѣ эти стороны дѣйствительности находятъ въ человѣческой природѣ свое особое выраженіе и вызываютъ въ душѣ различные идеалы. Такого примиренія и соглашенія долго искали въ логикѣ. Мы привыкли, по старымъ преданіямъ, думать, что логика одна. Она дѣйствительно одна въ тѣхъ выпренихъ отвлеченіяхъ, на высотѣ которыхъ улетучиваются и испаряются всѣ различія дѣйствительной жизни; но въ примѣненіи къ разнымъ предметамъ и задачамъ она такъ же неодинакова, какъ неодинаковы думающіе люди и обсуждаемыя явленія. Это всего больше бросается въ глаза при сравненіи религіознаго міросозерцанія съ научнымъ. Первое, вытекая изъ потребностей душевной жизни, кладетъ ихъ въ основаніе своихъ построеній, оставляя въ сторонѣ и въ тѣни, доводы, недоумѣнія и сомнѣнія объективнаго характера и свойства; наоборотъ, наука, точное знаніе, опуская изъ виду личную индивидуальную жизнь и сосредоточивъ все вниманіе исключительно на взаимныхъ отношеніяхъ явленій, по своимъ задачамъ и цѣлямъ, безлична. Вотъ къ чему, въ концѣ концовъ, сводится различіе религіозныхъ и научныхъ воззрѣній; этимъ же опредѣляется достоинство, сила и заслуга тѣхъ и другихъ. Упрекать то или другое міровоззрѣніе въ недостатокъ логики было бы бессмысленно. Все ихъ глубокое различіе лежитъ въ ихъ задачахъ и предположеніяхъ, которыхъ нельзя согласить путемъ мышленія.

Наука долго искала единаго начала, къ которому бы сводилось все существующее, и послѣ вѣковыхъ напрасныхъ усилій должна была отказаться отъ разрѣшенія этой задачи. Между тѣмъ мы носимъ въ душѣ непоколебимую увѣренность, что единство и единое въ дѣйствительности есть; въ этомъ насъ удостовѣряютъ и непосредственные факты. Каждый отдѣльный

организмъ есть единый; всѣ явленія природы, несмотря на ихъ разнообразіе, совершаются на одномъ и томъ же земномъ шарѣ, изъ него развиваются, и потому несомнѣнно имѣютъ одинъ источникъ, связаны единствомъ происхожденія, котораго, однако, при всѣхъ усиліяхъ, мы никакъ открыть не можемъ. Чтѣ же это значить? Многіе видятъ въ этомъ очевидное доказательство ограниченности человѣческаго ума и, на этомъ основаніи, заподозриваютъ его компетентность понять множество явленій. Мы объясняемъ себѣ причину этого кажущагося противорѣчія неправильной постановкой самой задачи, вслѣдствіе того, что не даемъ себѣ яснаго отчета въ значеніи и роли мышленія, недостаточно вникаемъ въ его условія и способы дѣятельности. Нельзя слышать глазами, обонять ухомъ, узнать вкусъ осязаніемъ и т. п., а мы задаемъ уму именно такого рода задачу, требуя отъ него указанія единаго начала всего существующаго, когда это совсѣмъ не его дѣло. Умственная дѣятельность претворяетъ полученныя впечатлѣнія въ новыя формы, придаетъ имъ другой видъ въ сравненіи съ тѣмъ, какой они имѣли передъ тѣмъ. Начинаетъ умъ свою дѣятельность съ того, что разлагаетъ впечатлѣніе на составныя его части, при помощи сопоставленія и сравненія съ другими, полученными прежде, — отбрасываетъ все единичное и индивидуальное, а общее, генерическое, извлеченное изъ впечатлѣній, располагаетъ въ другомъ порядкѣ, видѣ и сочетаніяхъ, чѣмъ какія оно имѣло въ впечатлѣніи, подвергнутомъ умственной операціи. Вотъ чтѣ дѣлаетъ умъ, и вотъ чтѣ онъ только и можетъ дѣлать. Наибольшую аналогію съ умственными операціями представляетъ, изъ физиологическихъ процессовъ, претвореніе въ желудкѣ пищи, которая тоже получаетъ въ немъ новый видъ чрезъ разложеніе, частью отбрасывается, а часть поступаетъ на обновленіе организма. Вотъ почему единство и не есть задача и цѣль умственной дѣятельности. Какъ бы ни былъ обширенъ кругъ умственной операціи, какъ бы высоко

ни поднимались его обобщенія и комбинаціи, онъ не выходитъ изъ условій своей дѣятельности—анализа, сравненія и частичнаго синтеза. Значить ли это, что онъ ограниченъ, потому что не можетъ обнять единства? Совсѣмъ нѣтъ! Это только значить, что единство не есть предметъ умственной дѣятельности. Много есть и другихъ такихъ предметовъ; на примѣръ, умъ не схватываетъ индивидуальности, чувства, перехода объективнаго въ субъективное и т. д. Не ограниченность человѣческаго ума, а наше собственное неумѣніе его примѣнять и имъ орудовать виновато въ томъ, что онъ не можетъ совладѣть съ тѣмъ, къ чему вовсе не призванъ.

Единство, гармонію, единеніе силъ—даетъ не умъ, а непосредственное ощущеніе дѣйствительности. Умъ просвѣтляетъ ощущеніе, подымаетъ его, дѣлаетъ тонкимъ и чуткимъ, но замѣнить его своими комбинаціями нивакъ не можетъ. Непосредственное ощущеніе есть особая психическая функція, требующая, подобно уму, особаго ухода, упражненія и развитія, чтобъ оцѣнить и совершенствоваться. Непосредственное сознательное ощущеніе и есть почва этической, нравственной жизни и вмѣстѣ религіознаго міросозерцанія.

Сказаннаго вполне достаточно, чтобъ понять, что религія и наука—двѣ различныя области, отвѣчающія двумъ различнымъ потребностямъ человѣческой природы. Ихъ столкновеніе и борьба были естественнымъ послѣдствіемъ ихъ первоначальной слитности и необходимости размежеваться. Пока раздѣляющія ихъ границы не выяснены вполне—а этого и до сихъ поръ еще не сдѣлано—взаимные захваты въ чужой, смежной области были неизбежны, и они происходили тѣмъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ меньше люди понимали дѣйствительное призваніе религіи и науки въ жизни человѣка. Только этимъ и объясняется, почему религіозныя стремленія могли облекаться въ форму философскихъ и научныхъ системъ, и почему, съ другой стороны, наука, одно время, считала возможнымъ упразднить религію и

занять ея мѣсто. Будучи несоизмѣрима и отвѣчая различнымъ потребностямъ, религія и наука, вслѣдствіе незнанія и недоразумѣній, становились на одну почву, считали подлежащими своему вѣденію одни и тѣ же явленія, воображали, что могутъ располагать одними и тѣми же средствами дѣйствія. Неправильная постановка взаимныхъ отношеній религіи и науки неизбежно повлекла за собою ихъ столкновеніе и вражду. Ставъ на одну доску, каждая естественно стремилась къ исключительному господству надъ умами и старалась вытѣснить соперницу. Сначала религія держала науку въ цѣпяхъ, потомъ наука отбросила религію. Ни то, ни другое не рѣшило вопроса, и результатомъ вѣковой борьбы было истощеніе силъ и глубокое разочарованіе. Но теперешняя половинчатость, парализующая самую жизнь, не можетъ быть послѣднимъ словомъ. Въ продолженіе вѣковой борьбы люди многому научились и многое поняли, чего прежде не знали и не понимали. Рано или поздно, они должны придти къ убѣжденію, что извѣстная односторонность свойственна обоимъ направленіямъ, по ихъ различному назначенію; но она не можетъ и не должна вызывать непріязни между ними, такъ какъ оба равно сильны и отвѣчаютъ равно насущнымъ и неотложнымъ потребностямъ человѣческой природы. Пока міръ стоитъ, всегда будутъ люди различнаго строя и стремленій: одни болѣе склонны къ внутренней, душевной жизни и нравственному личному совершенствованію, другіе—къ внѣшней дѣятельности и объективному мышленію. Согласно съ такими различными расположеніями, въ однихъ сложится болѣе или менѣе религіозное, въ другихъ—болѣе или менѣе объективное міросозерцаніе. Возражать противъ того и другого, съ общей, отвлеченной точки зрѣнія, конечно, можно; но, зная источники обоихъ, ихъ сильныя и слабыя стороны, мы будемъ осторожно касаться послѣднихъ, отнесемся къ нимъ снисходительно, вполне оцѣнимъ первыя и отдадимъ имъ должную справедливость. Такъ на самомъ дѣлѣ

и бываетъ обыкновенно въ жизни. Кто же не питаетъ глубокаго уваженія къ лицамъ, которыхъ образа мыслей не раздѣляетъ, за ихъ высокій нравственный характеръ, и, наоборотъ, не чувствуетъ отвращенія и презрѣнія къ негодяямъ, съ которыми сходится въ иныхъ взглядахъ? Мы, конечно, разумѣемъ не личныя симпатіи и антипатіи, которыя часто бываютъ дѣломъ личнаго вкуса и разныхъ случайныхъ причинъ, а оцѣнку личнаго характера. То, чтó теперь есть дѣло неосмысленнаго чутья, должно быть возведено въ принципъ, въ постоянное правило. Нельзя, не нарушая самыхъ элементарныхъ понятій о справедливости, топтать въ душѣ ногами то, на чемъ человѣкъ построилъ высокія правила нравственной личности, во имя чего онъ выработалъ и воспиталъ себя въ строгомъ неуклонномъ выполненіи этихъ правилъ. Точно также невозможно обвинять или подозрѣвать человѣка въ безнравственности или испорченности за то только, что онъ въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ остается равнодушнымъ къ непосредственнымъ ощущеніямъ и смотритъ на все съ одной объективной точки зрѣнія. Уклоненіе отъ этихъ правилъ одинаково пагубно для людей и ихъ развитія. Оба направленія даны человѣческой природой, и только при совокупномъ и одновременномъ ихъ дѣйствіи и вліяніи другъ на друга ведутъ къ созданію возможно полной гармонической жизни. Переносъ нравственныхъ стремленій и требованій изъ внутренней психической жизни въ міръ объективныхъ явленій, и, наоборотъ, подводя первыя подъ условія и мѣрило послѣднихъ, мы спутываемъ понятія, перемѣшиваемъ то, чтó не имѣетъ между собою общаго, и вмѣсто гармоніи водворяемъ нескончаемую вражду и хаосъ.

Область права и соціальныхъ отношеній такъ же мало отграничена отъ этики, какъ и область вѣроученія, но совсѣмъ по другимъ причинамъ. Предметъ религіи и научной этики

одинъ и тотъ же — душевная жизнь людей и нравственные идеалы; только пути и подходы къ нимъ въ вѣроученіи и этикѣ различны. Соціальныя науки имѣютъ съ этикой разные предметы, но стремятся, какъ и вѣроученіе, къ одной съ нею цѣли.

Выше мы видѣли, что предметъ этики — внутреннія душевныя движенія и дѣятельность людей, а предметъ права и соціальныхъ ученій — внѣшнія отношенія людей въ составѣ организованнаго сожительства. По такимъ яснымъ и осязательнымъ признакамъ разграничить этику отъ соціальныхъ наукъ, казалось бы, гораздо легче и проще, чѣмъ отъ вѣроученія, отношенія къ которому, вдобавокъ, еще осложнены обстоятельствами историческаго развитія и фазисами, черезъ которые проходила человѣческая мысль. Отчего же, несмотря на то, взаимныя отношенія этики и соціальныхъ наукъ являются такими запутанными и сбивчивыми? Объясненія слѣдуетъ искать въ приемахъ отвлеченной логики и въ чрезмѣрномъ преобладаніи объективнаго міровоззрѣнія. То и другое затемнило этику и исказило до неузнаваемости дѣйствительный смыслъ и значеніе правовыхъ и спеціальныхъ отношеній.

Право, въ смыслѣ нормы правовыхъ порядковъ, и соціальныя учрежденія суть, несомнѣнно, явленія объективнаго характера. Они — естественный и необходимый результатъ и вмѣстѣ принадлежность организованнаго сожительства людей. Существенными его условіями являются извѣстный правильный порядокъ, организація, обеспечивающая каждому неприкосновенность и свободу дѣйствій, и удовлетвореніе общихъ потребностей. Все это ставитъ всѣмъ людямъ вообще и каждому члену общезжитія въ особенности извѣстныя границы, которыя ихъ стѣсняють и налагають на нихъ извѣстныя обязанности. То же самое видимъ и у другихъ существъ, живущихъ группами; но болѣе развитая психическая жизнь и сознаніе, которыя выражаются въ своеобразныхъ явленіяхъ жизни и дѣятельности человѣка, придають особенныя черты отношеніямъ, возникаю-

щимъ изъ сожителства людей. Эти отношенія возводятся сознаниемъ въ принципы, становятся руководящими правилами поступковъ и постепенно измѣняются, развиваются и совершенствуются, вмѣстѣ съ развитіемъ и измѣненіемъ самихъ людей. Поднятыя мышленіемъ до высшей степени обобщенія, они обращаются въ отвлеченную идею права. Правовыя отношенія, послужившія ей основаніемъ и матеріаломъ, представляются уму ея осуществленіемъ или воплощеніемъ.

Такой же трансформаци, благодаря преобладающему объективному міровоззрѣнію, подверглась и нравственность. На нее, играющую роль регулятора душевныхъ движеній и дѣятельности, начали смотрѣть какъ на обязательное правило для извѣстнаго рода внѣшнихъ поступковъ, т.-е. превратили ее въ отдѣлъ или отрасль права. Оставалось опредѣлить, какіе же именно внѣшніе поступки относятся къ области права, какіе — къ области нравственности? Надъ этой неблагоприятной и невозможной задачей потрачено много труда, ума и учености совершенно напрасну. Она такъ и осталась неразрѣшенной; но смыслъ и значеніе нравственности были, вслѣдствіе такой ошибки, совершенно искажены и утрачены.

Къ смѣшенію понятій, которое отсюда произошло, прибавился еще и ошибочный взглядъ на характеристическія особенности, свойства и принадлежности правовыхъ отношеній, — взглядъ, корни котораго скрываются глубоко въ исторіи образованія и развитія науки права. Мы невольно и безсознательно смѣшиваемъ право съ положительнымъ закономъ и свойственными ему способами осуществленія своего авторитета и власти въ обществѣ и государствѣ. Благодаря этой ошибкѣ, мы переносимъ на всѣ виды правовыхъ отношеній то, что составляетъ лишь особенность нѣкоторыхъ изъ нихъ, и, вслѣдствіе того, не замѣчаемъ правовыхъ отношеній тамъ, гдѣ они, на самомъ дѣлѣ, существуютъ. Подъ правомъ подразумѣваются обыкновенно общія начала, извлеченныя изъ постановленій, изданныхъ зако-

подательною или высшей административною властью, огражденные судомъ и карательными мѣрами, или изъ законовъ, установленныхъ обычаемъ, но такого же характера и съ такою же обстановкой, или, наконецъ, изъ обязательныхъ правилъ, изданныхъ, съ согласія и иногда утвержденія законодательной или административной власти. Вслѣдствіе того сложился взглядъ, что то только и относится къ области права, что охраняется судомъ и наказаніемъ. Но ограничивать такимъ образомъ область правовыхъ отношеній, значитъ перемѣшать видовое понятіе съ родовымъ и безъ причины съузить предметъ. Все, что опредѣляетъ внѣшнія отношенія людей и устанавливаетъ правила и способы такихъ отношеній, должно быть отнесено къ сферѣ права, хотя бы соблюденіе ихъ и не было обезпечено правильно организованнымъ судомъ и опредѣленными наказаніями. Въ этомъ смыслѣ, къ области права должны быть отнесены и такъ-называемые общественные нравы и свѣтскія приличія и правила, принятыя, безъ предварительнаго соглашенія, въ разныхъ кружкахъ, хотя бы относились лишь къ пріятельской бесѣдѣ, игрѣ или вообще къ пріятному препровожденію времени. Всякій, не будучи тонкимъ наблюдателемъ, легко замѣтитъ, что и эти правила, возникающія и измѣняющіяся какъ-то сами собою, имѣютъ большую власть надъ людьми, что ихъ нарушенія изслѣдуются и обсуждаются весьма строго и влекутъ за собою наказанія своего рода, иногда болѣе чувствительныя, нежели опредѣляемыя правильнымъ судомъ. Чѣмъ же отличаются такого рода правила, по существу, отъ тѣхъ, которыя считаются правовыми? Только способомъ и формами установленія, изслѣдованія, обсуждения и наказанія. Опуская это изъ виду, мы не знаемъ, куда причислить отношенія, не подходящія подъ мѣрку такъ-называемыхъ правовыхъ; въ нашихъ понятіяхъ они сливаются съ нравственными, съ которыми, на самомъ дѣлѣ, не имѣютъ ничего общаго. Чтобъ разобратся въ хаосъ, созданномъ приемами отвлеченной логики,

крайностями и односторонностью объективной точки зрѣнія и обветшалыми научными преданіями, надо обратиться къ дѣйствительнымъ живымъ явленіямъ и попытаться, при ихъ помощи, опредѣлить роль и значеніе права и нравственности и ихъ взаимныя отношенія.

Мы знаемъ, что этика имѣетъ задачею дать душевнымъ движеніямъ и внутренней дѣятельности лица извѣстное направленіе, которое и опредѣляется идеалами, названными нами субъективными. Право и социальныя науки, напротивъ того, опредѣляютъ начала и правила, по которымъ должны быть устроены внѣшнія отношенія людей въ организованномъ сожителствѣ. Соприкосновеніе и тѣсная связь между этикой, правомъ и социальными науками вытекаютъ изъ того, что всѣ они опредѣляютъ жизнь и дѣятельность человѣка, но только съ различныхъ сторонъ и подъ различнымъ угломъ зрѣнія. Этика имѣетъ въ виду индивидуальное лицо и нормальныя условія его душевныхъ состояній; внѣшніе поступки людей входятъ въ кругъ ея задачъ только въ той мѣрѣ, какъ они отражаютъ на себѣ душевныя состоянія и факты душевной дѣятельности. Право и социальныя науки занимаютъ положеніемъ и дѣятельностью людей, въ составѣ общезитія, и условіями, при которыхъ послѣднее можетъ быть устроено правильнымъ образомъ; внутренняя душевная жизнь принимается правомъ и социальными науками въ соображеніе лишь настолько, насколько она имѣетъ или можетъ имѣть вліяніе на внѣшній бытъ и внѣшнія отношенія людей въ обществѣ. Многіе думаютъ, что предметы и задачи этики и права тождественны; только этика разсматриваетъ ихъ съ внутренней, субъективной, а право и социальныя науки—съ внѣшней, объективной стороны. Но это не совсѣмъ такъ. Этика, правда, даетъ руководящія начала для взаимныхъ отношеній людей, но лишь съ точки зрѣнія личной, душевной жизни и дѣятельности; главная же ея задача—указать индивидуальному лицу путь нормальнаго духов-

наго развитія и совершенствованія. Право и социальныя науки, съ своей стороны, принимаютъ въ соображеніе нравственную сторону отношеній между людьми; но главная ихъ цѣль—устроить правильное общезитіе, опредѣлить и создать условія, которыя ему благопріятствуютъ. Потому-то въ кругъ права и социальныхъ наукъ входитъ множество предметовъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ задачамъ этики или имѣющихъ съ ними очень далекія и слабыя связи. То же самое должно сказать и объ этикѣ.

Есть также мнѣніе—и оно очень распространено въ наше время—будто единственное назначеніе общезитія есть, въ концѣ концовъ, благо отдѣльныхъ лицъ. Въ такомъ взглядѣ есть большая доля правды, но и нѣкоторое преувеличеніе и крайность. Общество состоитъ изъ индивидуальныхъ лицъ, которыя, чрезъ общеніе между собою, вмѣстѣ, совокупными силами, достигаютъ цѣлей, полезныхъ для каждаго человѣка къ отдѣльности. Но это справедливо лишь въ общемъ смыслѣ и никакъ не примѣнимо къ каждому отдѣльному лицу и данному единичному случаю. Правильное общезитіе, доставляя людямъ множество благъ, матеріальныхъ и духовныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ограничиваетъ каждаго человѣка, налагаетъ на него обязанности, подвергаетъ его лишеніямъ и жертвамъ, нерѣдко самымъ тяжелымъ. Поэтому нельзя непремѣнно требовать отъ общезитія блага для каждаго отдѣльнаго лица, тѣмъ болѣе, что представленія о благѣ чрезвычайно различны и каждый понимаетъ его по своему. Сожителство людей, представляя равнодѣйствующую всѣхъ социальныхъ элементовъ, имѣетъ, по необходимости, свои условія и законы, задачи и цѣли, которыхъ никакъ нельзя и не должно смѣшивать съ условіями и законами, задачами и цѣлями индивидуальныхъ лицъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что этика, право и социальныя науки, составляя особыя, независимыя области, въ то же время, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, соприкасаются между собою, впле-

таются взаимно, и вслѣдствіе того дѣйствуютъ и вліяютъ другъ на друга. Остается разсмотрѣть ихъ взаимныя отношенія, насколько разныя эти области между собою сопривасаются.

Когда нравственные идеалы и начала права и соціальныхъ наукъ правильно поставлены, они дополняютъ и поддерживаютъ другъ друга. Нравственно развитый человѣкъ есть наилучшій изъ гражданъ, членовъ организованнаго обществѣ, потому что, по внутреннему убѣжденію, исполняетъ обязанности и приноситъ жертвы, необходимыя для правильнаго сожителства людей. Точно также и правовой порядокъ работаетъ въ руку нравственному развитію, сдерживая—внѣшними мѣрами, принужденіемъ и карами—хотя бы только внѣшнія проявленія безнравственности, и тѣмъ внѣдря добрые привычки и нравы въ большинствѣ колеблющихся, шаткихъ, слабыхъ и увлекающихся людей. Этимъ готовится и значительно облегчается нравственное развитіе, такъ какъ, въ глазахъ большинства, прагматическая полезность всегда была, есть и будетъ мѣриломъ достоинства и правильности отвлеченныхъ началъ и идеаловъ.

Если дѣйствительность не подтверждаетъ правильности такого взгляда, то въ этомъ виноватъ не онъ, а превратныя понятія о нравственности и правѣ, и хаосъ въ нашихъ воззрѣніяхъ, въ которомъ все получаетъ извращенный видъ. Не умѣя различить и разграничить точными чертами нравственный и правовой порядокъ, мы перемѣшиваемъ идеалы субъективные съ объективными, переносимъ правовыя отношенія въ область нравственности, а нравственныя требованія—въ область права, обращаемся къ той и другой области съ вопросами и задачами, которыхъ она рѣшить не можетъ, и, не находя на нихъ отвѣта, запутываемся. Погруженные исключительно въ объективный міръ и преслѣдуя только объективные идеалы, люди нашего времени утратили смыслъ къ нравственнымъ явленіямъ и требованіямъ. Правовыя и соціальныя формы возведены въ самостоятельный міръ, отрѣшенный отъ дѣйствитель-

ныхъ явленій и фактовъ, изъ которыхъ возникъ и, утративъ съ ними живую связь, обратился въ какую-то чуждую имъ силу, которая безучастно тяготѣетъ надъ людьми; этой силѣ почему-то приписывается власть упразднить нравственные идеалы и водворить благосостояніе и счастье людей на землѣ. Ослѣпленные безграничнымъ довѣріемъ къ всемогуществу объективныхъ формулъ и идеаловъ, мы совсѣмъ забыли, что правовой и соціальныя порядоки относятся только къ внѣшней сторонѣ дѣятельности людей и не проникаетъ далѣе; что за этою внѣшнею стороною есть еще внутренняя жизнь, которая можетъ расходиться и часто расходится съ внѣшнею; что на послѣдней можно построить крѣпкое и прочное зданіе общественной только подъ условіемъ, что она поддержана внутреннимъ убѣжденіемъ, а безъ такой поддержки общественность становится шаткой, колеблющейся и призрачной. Чему же удивляться, что нравственность и право представляются намъ какъ двѣ враждебныя силы, взаимно исключаютъ одна другую; что право и соціальныя порядоки, въ глазахъ ихъ исполнителей и органовъ, являются не средствомъ водворенія справедливости и общественной пользы, а механизмомъ, приводимымъ въ движеніе исполненіемъ извѣстныхъ формальностей, въ глазахъ же руководителей—орудіемъ для осуществленія взглядовъ, программъ и цѣлей; что нравственность забыта, перешла въ дѣтскія прописи, гдѣ только еще и считается полезной, а между взрослыми преобразилась въ политическіе и соціальныя идеалы и раздѣляетъ, смотря по обстоятельствамъ, ихъ блестящую или горькую судьбу? Ничего другого и не могла породить современная путаница понятій, которая уже привела къ утратѣ нравственныхъ идеаловъ, а за ними должна послѣдовательно привести и къ упадку правовыхъ и соціальныхъ порядоковъ.

Намъ остается еще показать отношенія этики къ міру изящнаго искусства и художественнаго творчества. Что такія отношенія существуютъ и что они весьма близки—это доказывается глубокимъ отчужденіемъ и враждебностью первоначальныхъ христіанъ къ греко-римскому искусству, глубокимъ различіемъ художественнаго творчества древнихъ и новыхъ христіанскихъ народовъ, наконецъ, давно уже подмѣченнымъ упадкомъ художественнаго творчества вмѣстѣ съ упадкомъ нравственныхъ идеаловъ. Но въ чемъ заключается тѣсная связь нравственности съ областью искусства—это еще не выяснено. Наше время особенно благоприятно для изученія этого вопроса, потому что представляетъ обильный и богатый матеріалъ для наблюдений и изслѣдованій. Никогда еще художественное творчество, во всѣхъ его отрасляхъ и видахъ, не располагало такими громадными средствами, никогда прежде художественная техника не достигала до такого совершенства, какъ въ наше время; а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ слышатся въ публикѣ и между компетентными знатоками и судьями жалобы, что творчество въ области изящнаго искусства изсыкаетъ и мельчаетъ. Присматриваясь внимательно, нельзя не замѣтить существенной перемѣны и въ отношеніяхъ публики къ художественнымъ произведеніямъ. Интересъ къ нимъ весьма великъ, гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде; но вмѣсто наслажденія и восторга художественныя произведенія вызываютъ оцѣнку и критику, сужденіе, а не непосредственное ощущеніе; опредѣленіе техническихъ достоинствъ и недостатковъ играетъ первенствующую роль; въ удовольствіи, какое намъ доставляетъ художественное произведеніе, чуть ли не самое видное мѣсто занимаетъ чувство удовлетворенія, производимое совершенствомъ художественной формы. Словомъ, въ области изящнаго искусства, какъ и во всемъ остальномъ, объективное отношеніе выдвигается впередъ, оттѣсняя субъективное на второй планъ. Умъ удовлетворенъ, а чувство и воля не возбуждаются. Цѣльнаго

дѣйствія на человѣка предметы художественнаго творчества не производятъ въ наши дни, и потому оно скользитъ по душѣ, не оставляя глубокихъ слѣдовъ. Великое воспитательное значеніе изящнаго искусства померкло; художественныя произведенія стали принадлежностью, украшеніемъ и пріятнымъ развлеченіемъ ежедневнаго быта, предметами комфорта, роскоши и моды. Многие, не отдавая себѣ отчета въ дѣйствительныхъ причинахъ ослабленія художественнаго творчества и упадка живого чувства къ изящному, приписываютъ ихъ выбору художниками тѣмъ и сюжетовъ художественныхъ произведеній, и упрекаютъ художниковъ, зачѣмъ они трактуютъ одни реальные, а не идеальные предметы. Неудачныя попытки обратиться къ идеальнымъ темамъ—лучшій отвѣтъ на такіе незаслуженные упреки. Дѣло вовсе не въ сюжетахъ и темахъ, а въ другомъ, о чемъ мы не даемъ себѣ труда подумать, — именно въ одностороннемъ, исключительномъ развитіи объективнаго міросозерцанія, въ преувеличенномъ, чрезмѣрномъ довѣрїи къ объективной точкѣ зрѣнія. Чтобы пояснить нашу мысль, необходимо напомнить читателямъ нѣкоторыя общезвѣстныя истины изъ области изящнаго искусства и художественнаго творчества.

Прежде всего различимъ съ возможною строгостью и точностью художественное ощущеніе отъ художественнаго творчества. Ихъ нельзя и не должно смѣшивать.

Художественное ощущеніе есть сложный продуктъ сознательнаго и созерцательнаго отношенія къ предмету и тѣхъ чувствъ, какія возбуждаетъ въ душѣ такое отношеніе.

О сознаниіи мы уже говорили. Оно выше знанія. Предметы знаютъ и животныя, но бессознательно; и у человѣка много такихъ знаній. Сознаніе состоитъ въ томъ, что мы отдаемъ себѣ отчетъ въ нашемъ знаніи предмета, и тѣмъ преобразуемъ это знаніе въ новый предметъ, другими словами, идеализируемъ его, поднимаемъ на степень выше. Ребенокъ хорошо знаетъ

множество предметовъ, съ которыми освоился, но не знаетъ того, что ихъ знаетъ. Толковое чтеніе развиваетъ въ немъ мало-по-малу сознательное къ нимъ отношеніе. Художественное отношеніе предполагаетъ такую первую идеализацію предмета чрезъ сознание.

Кромѣ сознанія, въ художественное ощущеніе входитъ созерцательное, а не дѣятельное отношеніе къ предмету. Дѣятельность, какова бы она ни была, предполагаетъ извѣстную цѣль, намѣреніе. Приспосабливая предметъ къ себѣ или прилаживаясь къ нему, мы относимся къ нему дѣятельно—теоретически или практически—все равно. Созерцаніе исключаетъ всякую другую дѣятельность и цѣль, кромѣ сознательнаго воспринятія впечатлѣнія. Въ этомъ и состоитъ идеальный характеръ художественнаго отношенія къ предмету.

Наконецъ, въ составъ художественнаго ощущенія входитъ чувство, вызываемое сознательнымъ созерцаніемъ,—чувство, еще не перешедшее въ мотивъ дѣятельности и не успѣвшее преобразоваться, по законамъ ассоціаціи, въ другое чувство, менѣе общее, идеальное, болѣе индивидуальное, личное.

Идеальное чувство, вызванное сознательнымъ созерцаніемъ и не перешедшее въ желаніе или другія ощущенія, мы называемъ чувствомъ красоты. Оно бываетъ весьма различно, смотря по человѣку и его душевному строю. Многіе его вовсе лишены, потому что сознательное созерцаніе не возбуждаетъ въ нихъ чувства; во многихъ чувство красоты остается неразвитымъ, по недостатку вниманія и сосредоточенности или по неумѣнію воспринимать впечатлѣнія, такъ какъ и это требуетъ навыка и частаго обращенія съ предметами художественнаго созерцанія. Много было попытокъ открыть объективныя основанія чувства красоты, но онѣ не привели къ положительнымъ результатамъ. Источники этого чувства, какъ и мышленія, и дѣятельности человѣка, скрыты въ особенностяхъ человѣческой природы. Характеръ объективности придаетъ имъ только оди-

наковость психической природы у огромнаго большинства людей.

Совсѣмъ другое представляетъ художественное творчество. Оно есть такое сочетаніе внѣшнихъ фактовъ, которое возбуждаетъ въ людяхъ художественное ощущеніе. Художественное творчество есть актъ чрезвычайно сложный, гораздо болѣе сложный, чѣмъ художественное ощущеніе, и вполне принадлежитъ къ сферѣ объективной дѣятельности. Источникъ его тоже скрывается въ нашей душѣ, въ художественномъ ощущеніи: человѣкъ, неспособный къ такому ощущенію, не способенъ и къ художественному творчеству, потому что не можетъ составить себѣ понятія объ ощущеніи, производимомъ тѣмъ или другимъ сочетаніемъ внѣшнихъ фактовъ. Но чувство красоты служитъ художественному творчеству только точкой отправленія; все остальное въ немъ относится къ объективной дѣятельности и выводитъ художника изъ міра внутреннихъ психическихъ движеній въ область внѣшней дѣятельности. Художественное произведеніе предполагаетъ въ художникѣ знаніе того, что производитъ художественное ощущеніе, и умѣнье такъ сочетать внѣшнія данныя, чтобы они производили такое ощущеніе. Шопенгауэръ, съ этой точки зрѣнія, вполне правъ, относя изящное искусство къ теоретической дѣятельности человѣка. Подобно врачу, государственному человѣку, ученому, художникъ долженъ, во время творчества, подавить въ себѣ личныя чувства и волненія, чтобы вполне отдаться творческой дѣятельности, обусловленной объективнымъ знаніемъ и практическимъ умѣньемъ.

Что касается художественныхъ произведеній, то они носятъ на себѣ всѣ признаки, свойственные вообще созданіямъ объективной дѣятельности человѣка, но, кромѣ того, имѣютъ и свои особенныя, зависящія отъ того, что вызываетъ человѣка на художественное творчество и что имъ выражается. Приспосабливая къ себѣ природу и прилаживаясь къ ней, человѣкъ создаетъ массу предметовъ и явленій, рассчитанныхъ на удовлетвореніе

разныхъ его матеріальныхъ потребностей. Творчество, вызываемое потребностью знанія, уже имѣетъ болѣе отвлеченный, идеальный характеръ, въ томъ смыслѣ, что полезность и пригодность создаваемыхъ имъ предметовъ и явленій объясняются только научными цѣлями. Художественныя произведенія выражаютъ во внѣшнихъ явленіяхъ душевныя настроенія и чувства художника, вызываемыя въ немъ сознательнымъ созерцаніемъ не только внѣшнихъ предметовъ и явленій, но и событій и фактовъ его душевной жизни. Изъ всѣхъ видовъ объективной дѣятельности, художественное творчество есть поэтому самое отвлеченное, самое идеальное; художественныя произведенія, изъ всѣхъ созданій человѣка, всего менѣе отвѣчаютъ цѣлямъ непосредственной полезности и всего менѣе связаны условіями дѣйствительности, — гораздо менѣе произведеній практическаго и даже научнаго творчества. Истина и правда художественныхъ созданій заключаются не въ соотвѣтствіи съ дѣйствительно существующимъ оригиналомъ (музыкальныя и архитектурныя созданія почти никогда его и не имѣютъ), а въ полномъ и точномъ выраженіи чувства или ощущенія художника. Геніальными и великими признаются художественныя созданія наиболѣе объективныя, т.-е. тѣ, въ которыхъ художникъ воспроизвелъ, съ возможнымъ совершенствомъ и полнотою, ощущенія, раздѣляемыя, при созерцаніи его произведенія, огромнымъ большинствомъ людей разныхъ эпохъ, народностей и возрѣній.

Сказаннаго, мы думаемъ, достаточно, для опредѣленія взаимныхъ отношеній этики и міра изящнаго искусства. Оно является однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для воспитанія, т.-е. возбужденія, развитія и укрѣпленія въ человѣкѣ чувствъ и ощущеній въ извѣстномъ направленіи. Художественныя созданія, въ этомъ смыслѣ, незамѣнимы ничѣмъ, такъ какъ они даютъ возможность вызывать въ душѣ самыя разнообразныя ощущенія, и слѣд. отъ такого или другого подбора про-

изведеній искусства въ значительной степени зависитъ строй душевныхъ ощущеній, привычка чувствовать такъ или иначе, играющая такую важную и рѣшительную роль въ нашихъ желаніяхъ и мотивахъ дѣятельности. Не даромъ изящное искусство, въ развитіи человѣческаго рода, всегда находилось въ тѣсной связи съ религіей; не даромъ подъемъ нравственной жизни и нравственныхъ идеаловъ всегда вызывалъ подъемъ изящнаго искусства и художественнаго творчества, и наоборотъ: за упадкомъ этической стороны шли по стопамъ порча вкуса и смысла въ изящному и увяданіе творчества. Подводнымъ камнемъ, о который разбивались и этика, и искусство, вездѣ и всегда было перенесеніе центра тяжести изъ человѣка и его душевной жизни въ міръ объективныхъ явленій, которыя сами по себѣ, взятыя отдѣльно отъ человѣка, его интересовъ, задачъ и цѣлей, ни худа, ни хороши, и совершаются, при данныхъ условіяхъ и обстановкѣ, съ роковою необходимостью. Въ объективномъ мірѣ, взятомъ отдѣльно отъ человѣка, нѣтъ ни субъективныхъ, ни объективныхъ идеаловъ, и потому въ немъ нѣтъ условій для развитія нравственности и искусства; вотъ почему они и замираютъ, по мѣрѣ того какъ человѣкъ начинаетъ искать твердой точки опоры не въ себѣ, не въ своей психической жизни, а въ окружающемъ и обстановкѣ, въ условіяхъ своего существованія, и изъ властелина ихъ становится ихъ рабомъ и игралищемъ. Такой переходъ совершается въ исторіи не вдругъ и сначала незамѣтно. Долго люди продолжаютъ еще жить преданіями и привычками предшествующей эпохи, когда центръ тяжести находился въ самомъ человѣкѣ, а не внѣ его. Лишь постепенно идеалы субъективные угасали и вытѣснялись объективными. Эта новая фаза вездѣ заявляла себя блистательнымъ развитіемъ общественныхъ учреждений, соціального быта и художественныхъ формъ; но потомъ и они медленно увядаютъ, какъ цвѣтокъ, у котораго подрѣзаны корни.

Мы живемъ въ одну изъ такихъ эпохъ упадка; но она да-

лево не такъ безнадежна, какими могли казаться современникамъ прежнія, подобныя нашей. Знаніе и опытъ, накопленные вѣками, ярче чѣмъ когда-либо освѣщаютъ путь, по которому намъ слѣдуетъ идти, и на который, волей-неволей, направляетъ насъ весь ходъ исторіи. Путь этотъ — развитіе и укрѣпленіе нравственной личности, нравственнаго характера людей. По этому пути мы можемъ теперь идти не ощупью, какъ шли прежніе люди, а прямо, смѣло, вполнѣ сознательно. Все остальное, чего мы такъ ищемъ и не находимъ, придетъ какъ естественное, необходимое послѣдствіе нравственной возмужалости и крѣпости.

VIII.

Мы старались объяснить въ настоящемъ этюдѣ возможность и необходимость этики, основанной на началахъ науки, и представили общій ея очеркъ. Во всякой работѣ такого рода, особливо когда идетъ рѣчь о предметѣ такомъ сложномъ, спорномъ и трудномъ, какъ нравственность, важны не столько выводы и заключенія, сколько критика и постановка вопроса; они — необходимая предпосылка, отъ которой зависитъ все дальнѣйшее. Вотъ почему мы намѣрены, въ заключеніе, чтобъ облегчить читателей, представить, въ связномъ изложеніи, что побудило насъ въ теченіе многихъ лѣтъ думать о задачахъ этики и какъ мы пришли къ теперешнимъ нашимъ взглядамъ на ученіе о нравственности.

Всѣ, въ Европѣ и у насъ, жалуются на пустоту и безцѣльность жизни. Она изсякаетъ, цвѣтъ ея поблекъ, она не даетъ человѣку никакихъ радостей — вотъ что слышится отовсюду, на разные лады и во всевозможныхъ варіаціяхъ. А отчего это? Оттого, что нѣтъ идеаловъ, или они недостижимы.

Отвѣтъ совершенно вѣрно указываетъ на причину страданій и отчаянія современнаго человѣка. Пока люди имѣли идеалы и надѣялись видѣть ихъ осуществленными, они не жаловались на то, что жизнь не имѣетъ смысла, бодро и радостно

жили для нихъ, мужественно перенося всякія страданія и лишенія, которыхъ прежде было не меньше, чѣмъ теперь. Вѣра и надежда служили имъ твердой опорой и поддержкой. Въ наше время вѣра въ идеалы и надежда ихъ достигнуть исчезли, а съ ними и бодрость духа. Уныніе и безсиліе овладѣли нами и жизнь опостылѣла.

Значить, вся сила—въ идеалахъ и въ томъ, что мы въ нихъ горячо вѣримъ и глубоко убѣждены, что они могутъ быть достигнуты и осуществлены.

Но идеаль идеалу рознь, и каждый понимаетъ его по своему. Мы часто называемъ идеалами то, о чемъ только праздно мечтаемъ и фантазируемъ, не давая себѣ труда палецъ-о-палецъ ударить, чтобъ ихъ достигнуть или осуществить. Это не идеалы, а мечты и фантазіи, предметы представленія, чувства, пожалуй желаній; но если они не вызываютъ насъ къ дѣятельности, то и не могутъ быть названы идеалами.

Есть идеалы чисто личные—разбогатѣть, вступить въ бракъ съ тѣмъ или другимъ лицомъ, по склонности или изъ какихъ-нибудь расчетовъ и выгодъ, добиться того или другого положенія между людьми, извѣстности, славы, почета, сохранить свое здоровье, и т. п. Каждый человѣкъ ихъ имѣетъ и преслѣдуетъ какъ знаетъ и можетъ. Общаго интереса они не представляютъ, развѣ какъ матеріалъ для науки и сюжетъ для произведеній искусства.

Но есть идеалы болѣе общіе и отвлеченные. Такими являются тѣ, которые имѣютъ предметомъ не особенное личное благо индивидуальнаго лица, а идеальныя задачи и цѣли, въ которыхъ единичное, индивидуальное отходитъ на второй планъ и ступеньвается. Въ основаніи стремленій къ личному совершенствованію или къ разрѣшенію какихъ-нибудь задачъ, теоретическихъ или практическихъ, лежатъ такого рода идеалы. Высшей степени обобщенія и отвлеченія достигаютъ они въ религіи, чистой наукѣ и изящномъ искусствѣ. Религія ставитъ

высшіе идеалы внутренней душевной жизни и дѣятельности, чистая наука—высшіе идеалы объективнаго знанія; область изящнаго представляетъ въ художественномъ ощущеніи высшее обобщеніе и отвлеченіе чувства, а въ художественномъ творчествѣ—высшую ступень теоретической дѣятельности, направленной къ воспроизведенію художественнаго ощущенія.

Современный человѣкъ извѣрился въ общіе и отвлеченные идеалы. Въ удѣлъ ему остались одни личные, индивидуальныя; но ими онъ не можетъ удовлетвориться и глубоко страдаетъ.

Какъ и почему это сдѣлалось?

Отвѣтомъ служить исторія новыхъ христіанскихъ народовъ, въ которой повторилось, въ громаднхъ размѣрахъ и при совершенно иныхъ условіяхъ, то, что происходило и въ древнемъ мірѣ. Въ ней мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, не только ходъ постепеннаго развитія высшихъ идеаловъ, отъ ихъ перваго появленія до разложенія и упадка, но и движущія пружины, толкавшія людей на этомъ пути отъ одного шага къ другому.

Христіанство дало новымъ народамъ высшіе нравственные идеалы готовыми, какъ руководство для жизни и дѣятельности. Люди стали о нихъ думать и разсуждать, обратили предметъ вѣры въ предметъ знанія. Но жить и знать—не одно и то же. Рядомъ съ христіанскою жизнью появилась наука.

Она была, впрочемъ, вызвана не однимъ перенесеніемъ христіанскаго ученія въ область знанія. Кромѣ личной, внутренней, душевной жизни, человѣкъ живетъ и внѣшней. Онъ поставленъ посреди природы, самъ носитъ ее въ себѣ, въ своемъ тѣлѣ и его потребностяхъ, и обращается съ другими людьми, съ которыми связанъ кровью, личными отношеніями и общими интересами, отъ дня рожденія до гробовой доски. Чтобъ найтись и устроиться въ этой внѣшней обстановкѣ, пришлось въ нее всмотрѣться и съ нею ознакомиться. Ролились науки свѣтскія—юридическія и политическія, математика, естествознаніе.

Такъ появились, рядомъ съ интересами внутренней, духовной жизни, интересы внѣшніе. Тѣ и другія начали сближаться и объединяться чрезъ знаніе на почвѣ науки. Она явилась такимъ образомъ нейтральной средой, судьей и посредникомъ между внутренней и внѣшнею жизнью и дѣятельностью человѣка, росла, крѣпла, овладѣла мало-по-малу всей позиціей и все подчинила своей власти. Первымъ послѣдствіемъ такого значенія науки было ослабленіе довѣрія къ истинѣ, полученной помимо знанія. Она должна была предстать предъ ея судь, пройти чрезъ ея критику, чтобъ получить права гражданства.

Что дало наукѣ такое первенствующее положеніе, создало ей роль верховнаго трибунала истины?

Ея орудіе есть умъ, мышленіе. Сначала онъ считался единственнымъ источникомъ знанія. Его выводы и заключенія признавались за единственное и безусловное мѣрило истины. Логика и метафизика заняли между науками первое мѣсто.

Это было высшимъ торжествомъ мыслящей способности человѣка; но и съ нею произошло потомъ то же, что съ развѣнчанной ею непосредственно данной истиной.

Сперва противъ безусловнаго авторитета разума и мышленія возстало опытное знаніе, которое доказало, что мышленіе, само по себѣ, бессильно и впадаетъ въ ошибки; что оно есть дѣйствительная сила и даетъ въ результатъ истину только тогда, когда оперируетъ надъ данными—явленіями, фактами. Отсюда пришли къ заключенію, что для полученія истины надо повѣрять выводы и заключенія ума наблюденіями, опытомъ.

Это былъ сильный ударъ, нанесенный авторитету ума. Онъ, привлекавшій все къ своему суду, самъ былъ призванъ къ суду фактовъ и опытныхъ наблюденій.

Съ этого времени всемогущество ума было поколеблено. Съ разныхъ сторонъ онъ началъ терпѣть поражение за пора-

женіемъ. Прежде всего отъ него отложились естественныя науки, потомъ психологія, право и науки соціальныя. Метафизика сошла со сцены и забыта. Наступаетъ пора критической переработки и логики по началамъ опытной психологіи.

Въ наше время, всемогущество разума и мышленія обратилось уже въ преданіе, которое скоро совсѣмъ забудется. Цикль полнаго его развитія совершился и ему подводятся итоги. Выяснилось, что мышленіе — не все для человѣка; что умъ есть одна изъ способностей психической человѣческой природы, мышленіе — одна изъ ея функцій; что рядомъ съ нею есть и другія, которыхъ она замѣнить не можетъ; что въ общей экономіи человѣческаго существованія она занимаетъ особое мѣсто, имѣетъ свое особое назначеніе, свой кругъ дѣйствія, свои сильныя и слабыя стороны.

Пока опытное знаніе догматичвало дѣло съ безусловной властью мышленія и вытѣсняло ея слѣды изъ всѣхъ отраслей науки, казалось, будто возникаетъ новая сила, которая овладѣетъ умами и такъ же будетъ руководить ими, какъ прежде вѣра, потомъ чистый разумъ. Но скоро пришлось въ этомъ разубѣдиться. Опытное знаніе есть, по принципу, то же знаніе, какъ и прежнее, чисто логическое, метафизическое, выдававшее себя за обладателя безусловной истины, — но знаніе приближенное къ людямъ, менѣе отвлеченное, болѣе для нихъ полезное и практическое. И логическое, и опытное знанія одинаково объясняютъ общія условія и общіе законы бытія, объективнаго міра. Противники знанія поняли это ихъ сродство, но не поняли того, что борьба опытнаго, индуктивнаго знанія съ логическимъ и метафизическимъ была междоусобіемъ и громаднымъ шагомъ впередъ къ развѣнчанію злѣйшаго ихъ врага—разума и мышленія, къ обращенію его изъ безапелляціоннаго судьи, безусловнаго распорядителя и устроителя человѣческихъ судьбъ, въ одно изъ природенныхъ свойствъ человѣческой природы. Новаго руководящаго принципа опытное знаніе съ

собою не несло и не поставило, но, приблизивъ отвлеченное мышленіе къ дѣйствительному, живому человѣку, стало слушать ему, удовлетворять его разнообразнымъ нуждамъ и потребностямъ и открыло широкую дверь развитію прикладныхъ наукъ, техники и технического искусства по всѣмъ отраслямъ, въ которыхъ прежде о рациональномъ примѣненіи знанія никто не думалъ и даже не смѣлъ мечтать.

Въ такихъ условіяхъ стоитъ человѣкъ у порога двадцатаго столѣтія. Они обрисовываютъ его положеніе и ближайшія задачи будущаго.

Обстановка человѣка посреди природы, благодаря знанію, въ особенности опытному, и развитію осмысленной техники, значительно улучшилась. Много остается еще работать въ этомъ направленіи, но путь и приемы выяснены и установились окончательно.

Гораздо менѣе обозначилось положеніе человѣка между другими людьми, въ обществѣ, государствѣ и международныхъ отношеніяхъ. Съ этой стороны горизонтъ еще не расчистился, и призраки прошедшаго, старья воспоминанія, отголоски громадныхъ катаклизмовъ, посреди которыхъ рухнулъ прежній бытъ и зародился новый, продолжаютъ тревожить людей и тормазятъ правильное и мирное развитіе гражданственности. Но и въ эту область начинаетъ болѣе и болѣе проникать опытное знаніе, съ его объективными приемами и индуктивнымъ методомъ. Оно, рано или поздно, внесетъ и сюда свѣтъ, уберетъ обломки, очиститъ почву, выяснитъ условія и законы нормальной жизни и развитія. Соціальныя науки еще въ зародышѣ, но ихъ развитіе стоитъ на первой очереди. Имъ открывается громадная и благодатная роль въ судьбахъ народовъ и всего человѣчества.

Въ самомъ неустроенномъ и безотрадномъ видѣ находится лишь внутренній міръ человѣка. Все вокругъ людей дѣлается очевидно для ихъ блага, все болѣе и болѣе направляется къ

удовлетворенію ихъ нуждъ, потребностей и желаній. Отчего же самъ человѣкъ такъ нерадостенъ, такъ глубоко несчастливъ?

Отвѣтъ—въ цѣломъ ходѣ историческаго развитія. Посреди громаднаго движенія, наполнившаго міръ зрѣлищемъ небывалыхъ битвъ, побѣдъ и поражений, единичный, индивидуальный человѣкъ былъ забытъ, оставленъ на произволъ судьбы и случайностей. Религія давала ему точку опоры, руководство въ жизни, утѣшеніе въ скорби и страданіяхъ; мышленіе, знаніе отняли у него эту путеводную нить, тихое пристанище и, занявшись человѣкомъ вообще, бросили дѣйствительнаго, единичнаго, индивидуальнаго человѣка, сираго и немощнаго, посреди кипучаго омута жизни, безъ всякой поддержки. Идея человѣка, общее благо, поглотили все наше вниманіе, всѣ наши интересы, а къ дѣйствительному, живому, единичному человѣку мы безучастны и равнодушны.

Мысль и жизнь, наука, знаніе и дѣйствительность, общее и единичное, индивидуальное, объективное и субъективное, остались, послѣ побѣды знанія надъ вѣрой, раздѣленными таковой же непереступаемой бездною, какъ и прежде. Но прежде мы и не обольщались надеждой открыть связующія ихъ звенья; мы вѣрили, что это тайна, непостижимая для ума. Умъ не останавливается передъ тайнами. Мы повѣрили ему, пошли путемъ знанія и опять остановились передъ той же самой тайной; но по ту сторону бездны, которая насъ останавливаетъ, находится не любящій, благой промыселъ, который о каждомъ изъ насъ заботится, каждого изъ насъ руководитъ и невѣдомыми намъ путями ведетъ къ блаженству и счастью, а безличная и безсердечная сила, страшная и чуждая намъ, которая, какъ колоссальный механизмъ, правильно, однообразно дѣйствуетъ по присущимъ ему законамъ, и безучастно, немилосердно давитъ все, что попадаетъ подъ его колѣса. Трижды счастливъ тотъ, кто не искуссился послѣдовать призыву ума и, не пускаясь далеко отъ берега, мирно плаваетъ около него,

освѣщаемый надежнымъ свѣтомъ маяка; но кто отважился идти подъ знаменемъ ума отыскивать неизвѣстное, сожегши за собой корабли, тому ужъ нѣтъ возврата; онъ долженъ идти до конца, не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, не страшась никакихъ чудовищъ.

Движеніе науки въ Европѣ, въ теченіе вѣковъ, указываетъ направленіе, въ какомъ должно пойти далѣе рѣшеніе задачъ, поставленныхъ мышленіемъ и знаніемъ. Съ виду чуждый намъ, объективный міръ, дѣйствующій съ необходимостью и безличностью машины, и въ которомъ намъ такъ непривѣтно и жутко, оказывается все болѣе и болѣе роднымъ намъ и близкимъ. Это — мысль индивидуальнаго лица, живого, дѣйствительнаго человѣка, прошедшая чрезъ критику и повѣрку массы людей и поколѣній, и ставшая, вслѣдствіе того, всеобщей и объективной для каждаго человѣка въ отдѣльности. Вотъ почему объективный міръ, который мы считаемъ роковымъ и неподвижнымъ, какъ оказывается на самомъ дѣлѣ, тоже движется и измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ въ понятіяхъ, зависящимъ отъ накопленія наблюдений, опытности и знанія. Этотъ міръ даже не одинъ и тотъ же для различныхъ народовъ, существующихъ одновременно, и для разныхъ слоевъ одного и того же человѣческаго общества. Что можетъ быть объективнѣе внѣшней природы, дѣйствіе которой такъ осязательно для каждаго извнѣ и въ нашемъ собственномъ тѣлѣ? Но и этотъ реальный міръ, несомнѣнно существующій внѣ насъ, совсѣмъ не такъ объективенъ, неподвиженъ и чуждъ намъ, какъ кажется. Мы непосредственно соприкасаемся съ внѣшней природой, потому что составляемъ часть ея и находимся въ ней, а не внѣ ея; мы знаемъ ее чрезъ посредство получаемыхъ отъ нея психическихъ впечатлѣній, которыя подвергаются въ насъ сознательной переработкѣ и получаютъ, вслѣдствіе того, въ нашей мысли, совсѣмъ иной видъ; наконецъ, мы дѣлаемъ въ условіяхъ жизни и дѣятельности внѣшней природы перестановки и

сочетанія, производящія явленія, какихъ она сама по себѣ, помимо человѣка, не представляетъ, не говоря о томъ, что реальный міръ измѣняется независимо отъ человѣка, по присутствіемъ ему законамъ, и потому далеко не такъ неподвиженъ, какъ намъ кажется. Въ этомъ насъ убѣждаютъ исторія земного шара, геологія и палеонтологія, и новѣйшія астрономическія наблюденія.

Эти результаты знанія готовятъ коренную перемѣну въ современномъ научномъ міровоззрѣніи, не дающемъ отвѣта на запросы личной индивидуальной жизни. Они убѣждаютъ, что источникъ мнимаго объективнаго міра есть психическая жизнь самого единичнаго, индивидуальнаго человѣка. Продукты этой жизни, возведенные въ мысль и пройдя чрезъ новую переработку въ сознаніи и мышленіи другихъ людей, получаютъ видъ такъ-называемаго объективнаго міра, столь непривѣтнаго и чуждаго каждому человѣку въ отдѣльности. А если это такъ, то не въ однихъ объективныхъ условіяхъ существованія, а вмѣстѣ съ ними и въ жизни индивидуальнаго, единичнаго лица, слѣдуетъ искать причины золь, удручающихъ человѣчскій родъ; слѣдовательно, не одинъ объективный міръ долженъ быть улучшенъ и исправленъ, а вмѣстѣ съ нимъ, въ то же время, и единичный, дѣйствительный человѣкъ. Понявъ настоящее значеніе объективнаго міра и то, въ чемъ заключается тѣсная его связь съ единичнымъ, живымъ человѣкомъ, мы должны рано или поздно, убѣдиться, что самъ по себѣ, отдѣльно взятый, оторванный отъ почвы, на которой выросъ, т.-е. отъ психической жизни индивидуальнаго лица, для которой онъ существуетъ, — объективный міръ не имѣетъ смысла и не можетъ самостоятельно существовать въ понятіяхъ человѣка, какъ собственная его тѣнь или какъ облака и тучи, съ дождями, грозами и градами, образуемая испареніями суши и воды.

Но специфическое, то, что отличаетъ человѣка отъ природы и отъ него самого, какъ животнаго организма — это его

сознательная психическая жизнь и дѣятельность, рождаемая способностью перерабатывать внѣшнія впечатлѣнія и внутреннія ощущенія въ новыя формы и приводитъ ихъ въ новыя сочетанія. Условія, вносимыя этою способностью, неизвѣстны остальному міру; только человѣку доступны формы и комбинаціи, рождаемыя сознательностью. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ продуктами сознательности, какъ съ объективными явленіями; наступаетъ пора обратить вниманіе на роль этой способности въ жизни и дѣятельности индивидуальнаго лица и въ устроеніи его личной судьбы посреди внѣшней природы и другихъ людей, въ организованномъ сожителствѣ.

Такимъ образомъ, развитіе самаго знанія приводитъ насъ снова къ религіи и научной этикѣ. Обѣ, сначала отвергнутыя, оказываются двумя различными путями къ устроенію личной судьбы, жизни и дѣятельности единичнаго, дѣйствительнаго человѣка, какъ выработка такъ-называемаго объективнаго міра есть лишь путь для устроенія судьбы, жизни и дѣятельности рода человѣческаго, или людей вообще. Опускаясь изъ міра обобщеній и отвлеченностей къ жизни и дѣйствительности, мы не можемъ остановиться ни на религіи, какъ на догматическомъ ученіи, ни на этикѣ, какъ на научной системѣ, а должны опуститься еще ниже, сдѣлать еще одинъ, послѣдній шагъ,—осуществить въ жизни, на самомъ дѣлѣ, то, чему учатъ религія и этика. Только воспитаніемъ и безпрестаннымъ упражненіемъ мысль обращается въ дѣйствительность и ихъ различіе исчезаетъ совсѣмъ: идеаль становится дѣйствительностью, дѣйствительность — идеаломъ.

Обратимся назадъ. Длинень и тяжекъ былъ путь знанія, которымъ шли новыя европейскіе народы; но они совершили великое дѣло и великій подвигъ. Они окончателно, безповоротно и блистательно разрѣшили вопросъ о мышленіи, его условіяхъ, законахъ его дѣятельности и участіи въ жизни человѣка и людей. Въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано по этому

вопросу христіанской Европой, всѣ усилія и попытки древняго міра и востока кажутся ребяческими начинаніями, младенческимъ лепетомъ. Соблазнившись древомъ познанія добра и зла и повторивъ исторію грѣхопаденія, христіанскіе народы Европы разгадали загадку мышленія, разсѣяли его миражи, выяснили механику, которая ихъ производитъ. Въ этомъ—великая заслуга европейцевъ. Благодаря результатамъ, достигнутымъ ихъ немимовѣрными усиліями и тяжкими жертвами, дальнѣйшій путь указанъ и облегченъ. Будущіе дѣятели и двигатели развитія рода человѣческаго, кто бы они ни были, могутъ, зная то, что уже сдѣлано и выяснено, идти далѣе, не смущаясь тѣмъ, что такъ долго и такъ мучительно сбивало его съ толку на пути къ возможному улучшенію положенія, быта и дѣятельности человѣка—посреди природы и другихъ людей.

К О Н Е Ц Ъ.